

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭНЗ.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1980

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрюшин Е. Н.</i> Восприятие Д. Благоевым ленинской концепции Октябрьской революции	3
<i>Недорезов А. И.</i> Основные этапы и итоги развития чехословацкого общества в годы революции и строительства социализма	14
<i>Губианский Л. Я.</i> Проблемы периодизации югославской народно-освободительной войны и революции в послевоенной историографии СФРЮ	31
<i>Калениченко П. М., Ярош Л. В.</i> Общественно-политическая деятельность В. Василевской в годы второй мировой войны (К 75-летию со дня рождения)	52
<i>Вялова С. О.</i> Неизвестные глаголические и кириллические памятники собрания Ивана Берчича в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	63
<i>Клепикова Г. П.</i> Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем	75

Из истории славяноведения

<i>Чернявский Г. И.</i> Исследования С. И. Сидельникова по проблеме национально-освободительного движения болгарского народа	84
<i>Ито Такаюки (Япония).</i> История и современное состояние славяноведения в Японии	93

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Мурашко Г. П.</i> M. Barnovský. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948	106
--	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Попков Б. С., Орехов А. М. Е. Łukawski. Ludność polska w Rosji. 1863—1914</i>	108
<i>Софронова Л. Новое исследование польского романа</i>	109
<i>Булатова Р. В. «Археографски прилози»</i>	111
<i>Пуцко В. Г. Э. Бакалова. Бачковската костница</i>	114
<i>Лилич Г. А., Мокиенко В. М. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost</i>	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Робинсон А. Н. Пленарное заседание Международного комитета славистов в Венгрии</i>	119
<i>Венедиктов Г. К., Лециловская И. И. Международная научная конференция по болгарскому культурному Возрождению.</i>	121
<i>В. З. Гете и славянский мир</i>	122
<i>Смирнов Ю. И. Конференция «Польская народная баллада»</i>	123
<i>Р. С. Новые книги</i>	125

Е. Н. АНДРЮШИН

ВОСПРИЯТИЕ Д. БЛАГОЕВЫМ ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным следствием освободительной борьбы рабочего класса. Она коренным образом изменила ход развития человечества, положив начало новой эпохе всемирной истории — эпохе перехода от капитализма к социализму. «Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, — говорил В. И. Ленин, — что на нашу долю выпало счастье *начать*... новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн»¹. Международное значение Великого Октября рассматривалось В. И. Лениным в широком и узком смысле слова. Начавшаяся под общим знаменем раскрепощения народов, Октябрьская революция, с одной стороны, оказала могучее воздействие на развитие революционного сознания масс, на рост освободительного движения во всем мире, с другой — она показала «...*всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»².

Особенно большое впечатление оставили у трудящихся первые декреты Советской власти: Декрет о мире, Декрет о земле и Декрет об образовании Советского правительства. 28 ноября (15 ноября по ст. ст.) 1917 г. Совнарком обратился к народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии: «Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к рабочим массам Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии. Мир, который мы предложили, должен быть миром народов»³. Своим примером и своей миролюбивой политикой впервые созданное на земном шаре социалистическое государство революционизировало массы, вдохновляя их на решительную борьбу с империализмом и реакцией.

Под непосредственным воздействием Великого Октября по всему миру прокатилась широкая волна революционных выступлений. Сам факт победоносного свершения социалистической революции в России вызвал у трудящихся и эксплуатируемых масс небывалый революционный энтузиазм. Рабочий класс всего мира, отмечал В. И. Ленин, чувствовал, что «русская революция — его собственное дело»⁴. В общем потоке освободительной борьбы развивалось и крепло болгарское рабочее движение.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.

² Там же, т. 41, с. 4.

³ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, с. 29.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 74.

С победой Великого Октября свершение социалистической революции в Болгарии стало реальной возможностью и насущной задачей дня. Благодаря партии тесных социалистов болгарский пролетариат был правильно сориентирован: с первых дней Октябрьской революции он занял последовательно интернационалистскую позицию по отношению к Советской России, к русскому революционному пролетариату. Заслуга в этой правильной ориентировке во многом принадлежит основателю и руководителю Болгарской коммунистической партии Димитру Благоеву.

Отношение Д. Благоева к Советской власти и его оценки Октябрьской революции нашли отражение в интересных и содержательных работах болгарских и советских авторов. Однако вопрос нельзя считать исчерпанным.

В исторической литературе утвердилось мнение, что Д. Благоев вначале, по крайней мере в первые месяцы после взятия власти российским пролетариатом, не понимал или не вполне понимал социалистический характер Октябрьской революции и ее международное значение. Еще в 30-е годы Хр. Кабакчиев писал: «Партия (имея в виду также и Д. Благоева. — Е. А.), хотя и встретила с восторгом Октябрьскую революцию и защищала ее лозунги, не осознала полностью характера и значения новой эпохи мировой пролетарской революции, которую открыла империалистическая война и Октябрьская революция»⁵. «Для партии в тот момент (речь идет о первых днях революции. — Е. А.), — указывал Хр. Кабакчиев в своих воспоминаниях, — не был еще вполне ясен социалистический характер Октябрьской революции»⁶. «В общем Д. Благоев, — делал он вывод, — не смог дать вполне правильного объяснения Октябрьской революции»⁷.

Авторитетное утверждение видного деятеля партии, а также анализ некоторых документов, в том числе первых послеоктябрьских передовиц газеты «Работнически вестник» приводили к заключению: тесные социалисты (а значит и Д. Благоев) сначала не разобрались в характере Октябрьской революции, не считали ее социалистической и лишь спустя некоторое время под влиянием ленинизма изменили свою позицию в этом вопросе.

По мнению Ст. Ангелова, ленинское учение о возможности победы социалистической революции в одной стране «было чуждо Димитру Благоеву до Октябрьской революции и до вхождения партии тесных социалистов в Коммунистический Интернационал. Благоев все еще придерживался устаревшего марксистского положения, что революция победит сначала в большинстве развитых капиталистических государств, там, где имеется многочисленный пролетариат и развитые производительные силы»⁸. Благоев считал тогда, говорит Г. Манафов, соглашаясь, видимо, с Ст. Ангеловым, что Россия не созрела для социалистической революции⁹. Примерно такой же точки зрения придерживаются авторы биографического очерка о руководителе болгарских тесняков Хр. Христов и К. Василев. Д. Благоев, полагают они, «разделял господствовавший

⁵ Хр. Кабакчиев. Декларация. «Комунистическо знаме», 1931, № 10, с. 44.

⁶ Хр. Кабакчиев. Критика теснячества и борьба за большевизацию компартии Болгарии. «Комунистический Интернационал», 1933, № 28, с. 39.

⁷ Хр. Кабакчиев. Нашата партия и революцията в Русия. В кн. 17-та годишна. Сборник от документи и спомени. София, 1957, с. 126.

⁸ Ст. Ангелов. Димитър Благоев за класовата борба на пролетариата в България. «Ново време», 1956, № 6, с. 45—46.

⁹ Г. Манафов. Димитър Благоев за Великата октомврийска социалистическа революция. В кн. 40 години от Великата октомврийска социалистическа революция. София, 1957, с. 138.

во II Интернационале взгляд о возможности победы социалистической революции сначала в развитых западноевропейских капиталистических государствах»¹⁰.

Отсюда логически следовал вывод: Д. Благоев не мог сразу понять социалистический характер Октябрьской революции в силу своей недостаточной идейно-теоретической зрелости. Вплоть до начала 1918 г., утверждает В. Г. Дядькин, Благоев не понимал характера Октября¹¹. Тесные социалисты и Д. Благоев, писал по этому поводу А. М. Шнитман, разделяли схему революции, начертанную лидерами II Интернационала; более того, вплоть до провозглашения Советской власти в Венгрии, т. е. до марта 1919 г., Д. Благоев придерживался этой схемы¹².

Несколько иная точка зрения у Б. Боева и С. Радулова. Действительно, указывают они, в первые дни после победы Октябрьской революции тесные социалисты и Д. Благоев не сразу поняли ее социалистический характер. Однако этот факт, по их мнению, ни в коем случае нельзя преувеличивать, ибо тесняки уже в первых своих документах того времени пытаются научно объяснить социалистическую сущность Советского правительства и мероприятий, которые оно проводило¹³. Б. Боев и С. Радулов отмечают весьма интересный аспект в подходе болгарских марксистов к опыту Октября — их стремление дать научную оценку событиям в России, исходя из революционной практики. Однако этому факту авторы не придают существенного значения, рассматривая его лишь в качестве уточнения концепции, давно сложившейся в исторической литературе.

Октябрьскую революцию Д. Благоев встретил, по его собственному признанию, «с великой радостью и неизмеримым восторгом»¹⁴. Этот факт, отмеченный в мемуарной и исследовательской литературе, показывает, что развернувшиеся в то время бурные события в России гораздо в большей степени затронули внутренний мир Благоева, чем Февральская революция. «Для Д. Благоева и других тесных социалистов, которые с небывалым воодушевлением встретили победу Великой Октябрьской революции, — отмечается в литературе, — отношение к ней превратилось в основной критерий верности различных партий и их вождей интересам пролетариата и научного социализма»¹⁵. Д. Коджейков, которому посчастливилось одному из первых в Болгарии узнать о победе русских рабочих и сообщить об этом Д. Благоеву, рассказывает в своих воспоминаниях о том, что Дядо встретил это известие «с глубоким волнением, со слезами на глазах». «Когда мы (Д. Коджейков и Г. Кирков. — Е. А.) передали ему радостную весть, он сказал: «Так и должно было произойти, так я и предполагал»¹⁶.

Как видим, взятие власти русским пролетариатом не было для Д. Благоева чем-то неожиданным, случайным. Еще в февральские дни 1917 г. он называл свергнувшую царизм русскую буржуазно-демократическую революцию предвестником нового мира и уже тогда высказывал надеж-

¹⁰ Хр. Христов, К. Василев. Димитр Благоев. Биографический очерк. София, 1960, с. 83.

¹¹ В. Г. Дядькин. Борьба за партию нового типа в Болгарии, т. I. Орджоникидзе, 1965, с. 143.

¹² А. М. Шнитман. Влиянието на ленинизма върху оценката на Д. Благоев за Великата октомврийска социалистическа революция. «Летопис на дружбата», 1970, т. 2, с. 271, 272.

¹³ Б. Боев, Ст. Радулов. Д. Благоев и работническата класа в България. София, 1976, с. 217—219.

¹⁴ Д. Благоев. Съчинения, т. 19, с. 318.

¹⁵ С. Димитрова. БКП против десния опортюнизм — за победата на ленинизма. София, 1968, с. 13.

¹⁶ Д. Коджейков. Воспоминания. «Советское славяноведение», 1968, № 1, с. 93; его же. Светлый маяк в классовата борба. «Работническо дело», 5 XI 1975.

ду на то, что русский пролетариат, поддержанный солидарностью международного пролетариата, доведет революцию до ее логического конца, до полной победы. Гарантией этого, по его мнению, служило то, что она находилась в «железных руках русского пролетариата», что ее вождем, гегемоном была не буржуазия, а именно революционный рабочий класс»¹⁷.

Февральскую революцию Д. Благоев рассматривал как одну из фаз русской революции, которая в своем развитии неминуемо должна была привести как минимум к торжеству демократии. Видимо, победа вооруженного восстания в Петрограде для него и стала олицетворением торжества истинного демократизма, открывшего новую фазу в развитии русской революции. У нас нет данных, чтобы судить о том, насколько глубоко было осмыслено им социальное значение и социальное содержание этой новой фазы, но несомненно она воспринималась им как новая и более высокая ступень в революционной борьбе русских рабочих. Может быть, Россия, писал он не позднее февраля 1918 г., была бы сегодня демократической республикой, и тогда развитие революции было бы иным, но ряд обстоятельств — Благоев имеет в виду прежде всего антинародную политику Временного правительства — «толкнули революцию к ее конечной цели, к социализму, к так называемому большевизму»¹⁸. Летом 1917 г., как он полагал в то время, большевики попытались реализовать лозунг «Вся власть Советам!» и таким образом довести русскую революцию до ее полной победы. Однако эта попытка не имела успеха — их выступление в Петрограде было жестоко подавлено. «Но через несколько месяцев после этого, а именно в октябре 1917 года, социалистическая революция вновь восторжествовала, и вместо разлагающейся буржуазной демократической республики была установлена Социалистическая Советская Республика»¹⁹. Так рассуждал Д. Благоев несколько месяцев спустя после победы Октября. Уточняя эту мысль впоследствии, он писал: «Более того, даже до окончания войны в России вспыхнула революция (Февральская революция. — Е. А.), которая имела успех и могла иметь успех только благодаря русскому пролетариату и крестьянству, и потому через несколько месяцев после ее начала она превратилась в социальную пролетарскую революцию под знаменем коммунизма, а Россия — в Советскую Федеративную Социалистическую Республику»²⁰.

Понимание Д. Благоевым руководящей роли рабочего класса в русской революции, по нашему мнению, определяло и отношение к ней. Как он ранее предполагал, начатая в 1905 г. и потерпевшая временное поражение революция в России, неизбежно должна была закончиться свержением царского самодержавия, а в конечном итоге и утверждением социалистического строя. При этом в своем развитии, как показал революционный опыт, русская революция прошла ряд этапов или фаз. Непосредственно после Октябрьского переворота она, по мысли Д. Благоева, вступила в такую фазу, когда хозяевами в ней стали большевики, за которыми шли тогда пролетарские массы и большинство русского крестьянства²¹. Рабочий класс России взял в свои руки всю полноту власти — партия тесных социалистов была проинформирована об этом немедленно. Нам неизвестно, как называл в тот момент новую фазу в русской революции Д. Благоев. Но исходя из того бесспорного факта, что взятие власти пролетариатом в теоретическом плане рассматривалось

¹⁷ Д. Благоев. Сочинения, т. 17, с. 371—373, 376—377.

¹⁸ Там же, т. 18, с. 260.

¹⁹ Там же, с. 263.

²⁰ Там же, т. 19, с. 62.

²¹ Там же, т. 17, с. 424, 425, 457.

Д. Благоевым и всеми болгарскими марксистами как основной признак и начало социалистической революции, есть основания предполагать, что известие о победе вооруженного восстания в Петрограде было воспринято ими как начало социалистической революции в России. При этом главным критерием оценки сущности и характера Октябрьского переворота мог служить и служил не только сам факт овладения политической властью рабочим классом, но и практическая, последовательно революционная деятельность Советского правительства, которое он в первые месяцы существования рабоче-крестьянской власти в России называл революционным и социалистическим правительством²².

Именно поэтому дело победоносного русского пролетариата Д. Благоев воспринял как свое собственное дело и с первых дней Октябрьской революции встал на защиту ее завоеваний. Уже на второй день после получения известий о победе большевиков по его инициативе было созвано экстренное заседание ЦК БРСДП (т. с.). Выступая на этом заседании, Д. Благоев подчеркивал, что враги революции попытаются всеми возможными средствами сокрушить Советскую Республику и что поэтому партия тесных социалистов должна мобилизовать все средства и силы на защиту завоеваний русского революционного пролетариата²³. Парламентская группа тесняков во главе с Д. Благоевым развернула активную работу в Народном собрании в поддержку советских мирных предложений. В начале декабря 1917 г. в Софии был организован многотысячный митинг, на котором одним из первых выступил руководитель партии тесных социалистов. Собравшиеся приняли по его предложению специальную резолюцию «Русская революция и мир», а вместе с нею — текст телеграммы Советскому правительству, где от имени всего болгарского пролетариата была обещана полная поддержка Октябрьской революции. Эта телеграмма, переданная в Россию через Стокгольм, была получена 6 декабря и вскоре опубликована в печати²⁴. Всемирная поддержка Д. Благоевым идей и дела Великого Октября достаточно широко освещена в болгарской и советской исторической литературе²⁵. В этой поддержке на деле проявился пролетарский интернационализм основателя и руководителя БКП.

В первые недели после взятия власти русским пролетариатом Д. Благоев, видимо, исходил в оценке перспектив мирового революционного процесса из концепции мировой пролетарской революции, сложившейся у него в предоктябрьский период. В основе этой концепции лежала высказанная некогда классиками марксизма мысль о том, что русская революция, которая неизбежно приведет «к созданию российской Коммуны»²⁶, подаст сигнал европейскому пролетариату и, объединив с ним усилия, одержит полную победу над капиталом. Д. Благоев разделял эту мысль и в условиях победоносного шествия русского пролетариата, по всей вероятности, видел ее практическое воплощение в жизнь. Расчет на помощь извне был правильным — он вытекал из принципа интернациональной солидарности рабочих. Окруженная со всех сторон врагами, Советская Республика была еще слаба. Только благодаря материальной и моральной поддержке со стороны европейского пролетариата русская

²² Там же, с. 395, 460.

²³ 17-та година. Сборник от документи и спомени. София, 1957, с. 294.

²⁴ «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 237, 27 ноября (9 декабря) 1917 г.

²⁵ М. А. Б и р м а н. К вопросу об участии болгар в защите завоеваний Октябрьской революции. «Новая и новейшая история», 1957, № 5; К. Б а й ч и н с к и. Димитър Благоев в защита на делото на Октомврийската революция. В кн. Димитър Благоев — бележит теоретик и революционер. София, 1976 и др.

²⁶ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 19, с. 252.

революция, начавшаяся с ноября 1917 г. как революция социалистическая, могла закрепить свои позиции и победить.

Расчет на поддержку европейского пролетариата был правильным. Он исходил из глубокой веры в торжество пролетарского интернационализма, как одной из важнейших закономерностей социалистической революции. Именно это определяло тогда, в первые годы существования Советской Республики, и теоретическую позицию Д. Благоева и его революционно-практическую деятельность. Самим ходом событий на первый план выдвигалось осмысление международного значения Октябрьской революции в смысле ее воздействия на все страны мира. Международное значение Октябрьской революции Д. Благоев видел тогда в огромном влиянии примера русского пролетариата, показавшего всем угнетенным народам образец решения назревших проблем. «В России, — говорил он на митинге 2 декабря 1917 г., — победила рабочая революция. Ныне во главе России стоит социалистическое рабочее правительство. Эта победа является сигналом для международного пролетариата к решительной борьбе за свержение капиталистических правительств и овладение политической властью»²⁷. Влияние русской революции громадно, и это влияние продолжает распространяться, охватив Австро-Венгрию, Германию, Францию, Англию, замечал Д. Благоев. «Под влиянием русской революции не могло не возникнуть и в Болгарии известное движение»²⁸.

Практика Великого Октября нанесла сокрушительный удар по оппортунизму, по догматическим концепциям теоретиков II Интернационала, считавшим, что социалистическая революция произойдет как одновременное выступление пролетариата, по крайней мере, в самых развитых странах. Она наглядно показала, что социалистическая революция может произойти и не в самой развитой капиталистической стране, где пролетариат стал большинством населения. Она ломала старые представления о социалистической революции и приводила к мысли о пересмотре старых социал-демократических концепций. «События потребовали коренной переоценки всех понятий и всей деятельности, которые ошибочно принимались за социалистические и за которыми скрывалась измена», — писал Д. Благоев в середине 1919 г., но эта мысль полностью овладела им в первые месяцы Октябрьской революции²⁹.

Осмысливая дальнейшие пути борьбы болгарского и международного пролетариата в свете опыта Октябрьской революции, Д. Благоев обратил внимание на то только что вышедшую из печати книгу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Работа В. И. Ленина об империализме помогла ему найти ответы на многие вопросы, сыграв большую роль в восприятии ленинских идей о всемирно-историческом значении Великого Октября, о его месте и роли в мировом революционном процессе. Под непосредственным впечатлением от книги В. И. Ленина Д. Благоев писал весной 1918 г.: «Для нас так же, как и для каждого социал-демократа, вполне ясна та истина, что пролетариату в целях успешной борьбы с империализмом необходимо знать его сущность, необходимо знать, к чему объективно он ведет»³⁰. В мае — июне 1918 г. в газете «Рабочнически вестник» Д. Благоев опубликовал ряд статей, где в популярной форме изложил содержание отдельных глав ленинского труда об империализме. Работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» привлекла Д. Благоева новыми, неизвестными

²⁷ Д. Благоев. Съчинения, т. 17, с. 395.

²⁸ Там же, с. 459.

²⁹ Там же, т. 18, с. 356.

³⁰ Там же, с. 316.

ему ранее выводами. В ней он нашел глубокое обоснование наступления революционной эпохи, четкий и ясный ответ на вопрос об исторической правомерности взятия власти большевиками и о своевременности социалистической революции в России³¹. Пролетариат должен знать, писал он, опираясь на ленинские выводы, что «нынешний капитализм, империализм, создает и уже создал все необходимые условия для торжества его борьбы, для торжества социализма...»³².

Все это помогло Д. Благоеву углубить свое понимание сущности и характера Великого Октября и воспринять его как событие, открывшее новую эпоху в истории человечества, «самую замечательную страницу в истории революционного социализма и вообще в мировой истории»³³. Недовольство народных масс империалистической войной, крестьянские волнения и революционные выступления солдат в армии вселяли в него уверенность в том, что день торжества общеевропейской пролетарской революции, в которой должен найти свое освобождение и болгарский рабочий класс, неумолимо приближается. Однако на первых порах Д. Благоев не формулировал вывода о наступлении новой эпохи всемирной истории. Только события, развернувшиеся осенью 1918 г. — Солдатское восстание в Болгарии, свержение монархического режима в Австро-Венгрии, и наконец, Ноябрьская революция в Германии — дали понять ему, что такой момент наступил и что начавшаяся под воздействием Великого Октября мировая пролетарская революция стала процессом необратимым.

П. Боев считал, что до осени 1918 г. опыт Октябрьской революции не имел существенного значения для идейного развития Д. Благоева, так как носил абстрактный идейно-теоретический характер, будто тесные социалисты и Д. Благоев не понимали роли большевиков в русской революции, допускали ее замалчивание³⁴. В литературе делался вывод и о том, что Д. Благоев смотрел на Октябрьскую революцию, «как прелюдию непрерывной мировой пролетарской революции»³⁵.

Перед лицом наступающей мировой пролетарской революции враждовавшие между собой империалистические группировки поспешили заключить мир в целях сдерживания революционного напора масс и сохранения своего господства. «Наша революция оказалась явлением мировым, — говорил в то время В. И. Ленин. — О том, что большевизм есть теперь явление мировое, говорит и вся буржуазия, и от этого признания становится очевидным, что наша революция поползла с Востока на Запад и встречает там все более подготовленную почву. Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии. Болгарские солдаты стали создавать Советы»³⁶. Эта ленинская мысль нашла тогда отражение во многих произведениях Д. Благоева. «Пример русского пролетариата в овладении властью и уничтожении буржуазного строя, — указывал Д. Благоев, — заразителен... Этот пример находит свое продолжение в Германии и Венгрии. Волны большевистской революции заливают весь мир»³⁷.

³¹ Вопрос о восприятии Д. Благоевым ленинского учения об империализме уже освещался в журнале «Советское славяноведение», 1970, № 1.

³² Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 18, с. 316.

³³ Там же, с. 263.

³⁴ П. Б о е в. Към въпроса за влиянието на Великата октомврийска социалистическа революция върху БРСДП (т.с.) и отношението на тесните социалисти към Октомври и болшевиките в периода 1917—1919 г. «Известия на Института по история на БКП», 1968, т. 18, с. 69, 97.

³⁵ С. Д и м и т р о в а. Идеологическата борба на Д. Благоев против десния опортюнизъм. «Исторически преглед», 1976, № 3, с. 54.

³⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, с. 112.

³⁷ Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 18, с. 411.

В Центральной и Юго-Восточной Европе, в непосредственной близости от Болгарии, отмечал он, бурлит революционный поток; повсюду пролетариат и народные массы вообще поднимаются против своих угнетателей и начинают борьбу за полное освобождение. «Эта борьба идет к своему объединению и надо ожидать, что в скором будущем она zalъет своими волнами всю Европу»³⁸.

Изучение опыта революционных движений, возникших под влиянием Великого Октября, позволило Д. Благоеву сформулировать вывод о начале новой, революционной, эпохи и поставить перед болгарским пролетариатом задачи, продиктованные этой эпохой. «Борьба за социализм ныне становится господствующей в мире, — писал он в конце 1918 г. — Мир входит в эпоху социальной революции, торжества социализма. В прошлом году вспыхнула социалистическая революция в России; в этом году вспыхнула революция в Германии, которая неизбежно развивается в социалистическую и гул которой уже разносится по всем европейским странам... Мы живем в начале эпохи социальной революции, а это значит, что мы должны работать с полным сознанием задач, которые она еще может поставить перед нами»³⁹. В свете ленинских идей и под воздействием революционной практики по-новому представилось Д. Благоеву значение Октябрьской революции. Именно эта большевистская революция, писал он в 1919 г., «положила начало новому миру, который в корне отличается от буржуазного, капиталистического и империалистического мира, господствовавшего до вчерашнего дня повсюду»⁴⁰.

В борьбе между старым отжившим миром и нарождавшимся новым, социалистическим, Д. Благоев видел главную пружину развития общества в новейшее время, сущность наступившей эпохи. Необратимость этого процесса, развивавшегося к социализму с первых дней Великого Октября, он доказывал ссылками на ту могучую поддержку, которую оказывал большевистской революции международный пролетариат. «Нет сомнения в том, что борьба между новым миром, созданным революцией, и старым миром идет не на жизнь, а на смерть... И чем больше трудящиеся массы испытывают на себе страшные последствия войны, тем больше ненавидят они ее виновников и тем больше проникаются сознанием, что их спасение в революции, в большевизме, в торжестве коммунизма. В этом состоит гарантия того, что русская коммунистическая революция не будет побеждена. Старый мир будет побежден новым»⁴¹. Так писал Д. Благоев летом 1919 г.

Революционные события, развернувшиеся в Европе в конце 1918 — первой половине 1919 г., рассматривались Д. Благоевым как продолжение дела Октября, возвышали в его глазах и еще более подчеркивали историческую значимость Октябрьской революции.

К середине 1919 г. Советская Россия осталась единственным непобежденным форпостом мировой социалистической революции. В связи с этим Д. Благоев углубляет свою точку зрения, свое понимание сущности и значения Октябрьской революции, содержания мирового революционного процесса. Октябрьскую революцию и ее родину — Советскую Россию — он теперь называет очагом, факелом, авангардом мировой пролетарской революции. Повсюду ныне бурлит революция, говорил он тогда, и эти революционные волнения, поддерживаемые большевизмом, сами поддерживают большевизм в России. «Очевидным становится ныне то, — указы-

³⁸ Там же, с. 332.

³⁹ Там же, с. 329, 330, 362.

⁴⁰ Там же, с. 407.

⁴¹ Там же, с. 407—408.

вал он, — что эта волна разливается дальше, и большевизм является именно очагом, тем светильником, который освещает движение, воодушевляет массы и толкает их все дальше и дальше»⁴².

Советская Россия, писал Д. Благоев, в сентябре 1921 г., является смертным приговором всему прогнившему капиталистическому миру⁴³. «Само трехлетнее существование Советской России является живейшей агитацией, которая разжигает среди миллионных пролетарских масс в мире революционный дух, окрыляет их и толкает к социалистической революции»⁴⁴. Развивая свои взгляды на революцию под воздействием опыта Октября, Д. Благоев находил подтверждение новым своим выводам в трудах классиков марксизма и опирался на те их высказывания, которые ранее оставались незамеченными. Так, например, Ф. Энгельс, по его словам, считал возможной победу социалистической революции в России до наступления таковой во всех «цивилизованных» странах. Ф. Энгельс, по мнению Д. Благоева, ожидал эту революцию и предсказывал, что она может явиться авангардом европейской революции. «И как мы являемся тому свидетелями, ныне это предсказание полностью сбылось, — подчеркивал Д. Благоев. — В России не только стала возможной пролетарская революция, но сегодня она действительно является авангардом всемирной революции, которая идет, которая не может не придти»⁴⁵. На основе этой новой оценки роли Великого Октября он делал следующий важный вывод: «Русская пролетарская революция представляет собой одно из величайших исторических событий, событий всемирного, глубочайшего значения для жизни народов»⁴⁶.

Победа трудящихся России на фронтах гражданской войны и их успехи в социалистическом строительстве побудили Д. Благоева глубже изучить опыт Великого Октября, проанализировать и понять успехи большевистской партии, раскрыть международное значение Октябрьской революции. Пример Советской России отныне приобретает в его понимании новое и более глубокое содержание. Большевистская партия, русский рабочий класс, по его мнению, подают пример не только радикальным решением назревших проблем революционной эпохи, но и использованием исторических возможностей социализма, т. е. опытом строительства новой жизни⁴⁷. В этом заключался интернациональный характер опыта Октябрьской революции. «В течение трех лет, — подчеркивал Д. Благоев, — коммунисты в России не только разрушали старое, но и создавали новое. Их опыт дает нам огромный материал для творческого революционного познания»⁴⁸. Уроки Великого Октября требуют глубокого изучения именно потому, писал он, что болгарскому народу в ближайшем будущем предстоит совершить переворот, подобный тому, какой произошел в России в ноябре 1917 г., и встать на тот путь, на который встал и по которому идет русский рабочий класс⁴⁹. Отправляя болгарскую делегацию на II конгресс Коминтерна, Д. Благоев советовал своим товарищам: «Держитесь за большевиков, за Ленина — с победой революции в России победило и их дело»⁵⁰. Это означало, что в практике Великого Октября он теперь видел воплощение идей, выдвинутых в новую эпоху большевистской партией и В. И. Лениным.

⁴² Там же, с. 526.

⁴³ Там же, т. 19, с. 62—63.

⁴⁴ Там же, с. 92.

⁴⁵ Там же, с. 104.

⁴⁶ Там же, с. 90.

⁴⁷ Там же, т. 18, с. 471, 472, 473, 485.

⁴⁸ Там же, т. 19, с. 63.

⁴⁹ Там же, с. 96, 97, 133, 140—141.

⁵⁰ «Воспоминания о Ленине», т. 5. М., 1963, с. 297.

Со второй половины 1919 г., особенно после I съезда БКП (т. с.) и вступления партии в Коммунистический Интернационал, еще более обогатились представления Д. Благоева о международном значении Великого Октября. Это было подготовлено изданием в Болгарии ряда важнейших ленинских работ, таких как «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Очередные задачи Советской власти», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Задачи Союзов молодежи». Глубокое изучение их позволило Д. Благоеву по достоинству оценить вклад В. И. Ленина в сокровищницу марксизма. «После смерти Маркса и Энгельса, — делал он вывод в 1921 г., — больше всех было сделано для развития революционного сознания пролетариата Российской Коммунистической партией и прежде всего Лениным»⁵¹.

Д. Благоев придавал большое значение изучению и использованию опыта Октября в деле подготовки в Болгарии условий для свершения социалистической революции. На очередь дня в стране выдвигалась задача подготовки политической армии революции, и в этом плане опыт большевиков был особенно ценен. Изучение этого опыта, а также трудов В. И. Ленина и решений II конгресса Коминтерна привели Д. Благоева к признанию необходимости союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса для победы социалистической революции. В первое время после установления Советской власти в России он еще недостаточно четко представлял себе историческое значение практики Октября в использовании революционных возможностей крестьянства. Серьезно задуматься над этим вопросом побудили Д. Благоева революционные события в Болгарии, особенно Солдатское восстание 1918 г. и стачка железнодорожников конца 1919 — начала 1920 г. Под влиянием ленинских трудов, а также тезисов II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу он пришел к убеждению, что решение крестьянского вопроса большевистской партией имеет интернациональное значение и что болгарские коммунисты в этом вопросе должны «использовать богатый опыт русской революции»⁵².

Новый этап в развитии благоевских взглядов по вопросу о международном значении Октября был связан с победоносным выходом Советской России из гражданской войны. Это повлекло за собой изменение тактики международного империализма. Временно отказавшись от прямого вооруженного давления на Советскую Республику, капиталистические правительства перешли в наступление на права трудящихся в своих странах. Мировая революция замедлила ход. В 1921 г. В. И. Ленин отмечал: «...развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали»⁵³. Изменение обстановки в мире потребовало от руководства БКП подойти по-новому к оценке перспектив развития мировой пролетарской революции и уточнить свое понимание всемирно-исторического значения Великого Октября. Продолжая считать Октябрь очагом, факелом развивающейся в мире социалистической революции, рассматривал Д. Благоев родину Октября, Страну Советов в качестве защитницы и опоры пролетарских революций в других странах. Эта мысль становится центральной в его взглядах на мировую революцию. В 1923 г. Д. Благоев писал, что «Советская Россия является не только опорой пролетарской революции во всем мире, но и защитницей всех пораженных народов... Советская Россия представляет ныне по своему внутреннему

⁵¹ Д. Б л а г о е в. Сочинения, т. 19, с. 133.

⁵² Там же, с. 147, 153.

⁵³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, с. 36.

и международному положению несокрушимую силу, которая для всех поработанных и угнетенных народов является союзницей, защитницей и надеждой в их освобождении»⁵⁴. В любой момент, говорил тогда Д. Благоев, социалистическое государство России готово оказать материальную и моральную поддержку борющимся народам. Советская Россия, следовательно, является не только опорой революции в Европе, но и центром надежд международного пролетариата и угнетенных народов Востока⁵⁵. Всемирно-историческое значение Октябрьской революции Д. Благоев видел теперь в том, что она создала прочное и незыблемое социалистическое государство как опору всех революционных и прогрессивных сил на земле. «Благоев, — отмечал впоследствии В. Коларов, — был глубоко проникнут убеждением, что Болгария может найти верную опору для своей свободы и национальной независимости только в Советском Союзе»⁵⁶.

Таким образом, глубокое изучение Д. Благоевым опыта русского рабочего революционного движения в свете учения К. Маркса и В. И. Ленина помогло ему раскрыть смысл Великого Октября как события, начавшего новую эпоху всемирной истории. Но оценки сущности, характера и всемирно-исторического значения Октябрьской революции Д. Благоевым не оставались неизменными: они уточнялись и конкретизировались с каждым новым шагом истории, с каждой его ступенью в овладении марксистско-ленинским учением.

⁵⁴ Д. Благоев. Съчинения, т. 19, с. 345, 346, 430.

⁵⁵ Там же, с. 345, 347.

⁵⁶ В. Коларов. Избрани произведения, т. 3. София, 1955, с. 428.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

Победа антифашистской коалиции во второй мировой войне и освобождение Советским Союзом стран Центральной и Юго-Восточной Европы от фашистского господства создали их народам благоприятные внешние условия для развития по пути социального прогресса и национальной независимости. Вот уже 35 лет ряд стран региона развивается по пути социализма. К ним относится и Чехословацкая Социалистическая Республика.

Чехословацкий рабочий класс, выступая в годы войны в качестве наиболее активной и последовательно революционной силы в борьбе с гитлеровцами и прислуживавшей им частью буржуазии, сумел объединить вокруг себя все патриотически настроенные слои и группы чехословацкого общества, создать Национальный фронт чехов и словаков. Идеино-политический руководитель рабочего класса и других слоев трудящихся — Коммунистическая партия Чехословакии добилась не только повсеместного развертывания движения Сопротивления, но и его перерастания в социальную революцию, которая началась в стране как революция национально-демократическая в ходе Словацкого национального восстания (август 1944 г.). Именно тогда революционные органы народной власти — национальные комитеты и Словацкий национальный совет стали практически осуществлять первые социально-экономические преобразования в интересах трудящихся масс.

Развитие революционного процесса в восставшей Словакии, а затем на территории, освобожденной Советской Армией и чехословацкими войсками, до формирования правительства Национального фронта чехов и словаков можно считать особо важным периодом начавшегося этапа революционного процесса. Революционная практика словацких повстанцев и ясно выраженное стремление чешского и словацкого народов восстановить чехословацкую государственность на принципиально новых основах подлинного народовластия, дальнейшее усиление ведущей роли рабочего класса в освободительном движении обусловили такое решающее событие в развитии революционного процесса, как формирование правительства Национального фронта чехов и словаков. Оно было создано на основе выработанной КПЧ программы глубоких социально-экономических и политических преобразований в стране, получившей название Кошицкой. Это была программа последовательного развития революционного процесса, протекавшего в иных внутренних и внешних условиях по сравнению с национально-демократической революцией 1918 г.

Придя к власти, рабочий класс получил возможность придать национально-демократической революции свой классовый характер, добиться ее развития в революцию социалистическую. Власть в республике после ее окончательного освобождения Советскими Вооруженными Силами и завершения национально-освободительной борьбы восстанием чешского народа в мае 1945 г. перешла к правительству Национального фронта, в котором находились представители рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции и части антифашистской буржуазии. Такая республика не являлась уже буржуазной, хотя и сохраняла некоторые прежние формы общественно-политической и государственной структуры. Но она не была еще и социалистической. Это была переходная форма государственности. Власть в республике по своей сущности можно назвать революционно-демократической диктатурой рабочего класса и его основного союзника — крестьянства.

Вполне определенно по этому поводу сказал Клемент Готвальд на конференции руководящих работников Коммунистической партии Словакии 8 апреля 1945 г.: «Мы одни править не можем, и они одни (т. е. буржуазные представители.— А. Н.) править тоже не могут. Они не могут править без нас, а мы — без них. При этом они в большей степени не могут без нас, чем мы без них. Остается необходимость сотрудничества с другой политической группировкой, которая принуждена сотрудничать с нами»¹.

Политические позиции, завоеванные пролетариатом, давали ему возможность начать глубокие общественные преобразования, и Коммунистическая партия в качестве руководителя разразившегося революционного процесса все свои усилия направила на проведение в жизнь Кошицкой правительственной программы, видя в этом главный рычаг в осуществлении глубоких структурных изменений в обществе. Это была ориентация на постепенный мирный переход Чехословакии к социализму. Такой курс обеспечивался ограничением и сужением позиций буржуазии, частнокапиталистического сектора при одновременном укреплении и расширении позиций рабочего класса. Борьба за последовательное выполнение программы первого правительства Национального фронта по своей сущности была формой острой классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом на всех фронтах, борьбы за решение главного противоречия общества — противоречия между трудом и капиталом. Особое значение для исхода этой борьбы приобрело лишение буржуазии ключевых экономических позиций, т. е. основы ее господства в общественной жизни. Ослабление экономических позиций буржуазии и одновременно изменение экономической структуры всего общества (помимо преобразований, осуществленных в ходе войны в Словакии) началось с введения национального управления на предприятиях, принадлежащих германским и венгерским собственникам и врагам государства, т. е. лицам, сотрудничавшим с оккупантами. Эта мера привела к конфискации без какого-либо вознаграждения около 3 млн га сельскохозяйственной площади и значительного числа предприятий (около 12% всех предприятий страны). Однако наиболее важным рубежом в революционных преобразованиях стала национализация ключевых отраслей промышленности: угольной, горно-рудной, машиностроения, энергетики, финансовой системы и всех сырьевых ресурсов, осуществленная в октябре 1945 г. Она вышла за рамки Кошицкой программы. Под контроль государства пере-

¹ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. XII. Praha, 1955, s. 21.

шли предприятия, вырабатывавшие 75 % всей промышленной продукции, а также все банки и страховые общества ².

Ликвидировав практически все позиции иностранного капитала в экономике страны и существенно подорвав позиции чехословацкой крупной буржуазии, национализация 1945 г. усилила антикапиталистический характер национально-демократической революции и знаменовала собой важный качественный скачок в революционном процессе. В условиях народно-демократического строя, когда рабочий класс непосредственно участвовал в управлении государством, это мероприятие означало переход средств производства в руки общества и формирование социалистических производственных отношений, создание социалистического сектора, что являлось залогом строительства нового социалистического общества.

Былая мощь монополистической буржуазии, олицетворявшей собой концентрированную силу господствующего класса буржуазного общества, была сломлена. Революционный процесс поднялся на качественно новую ступень. Национализация стала важной вехой на пути движения чехословацкого общества к социализму. Она привела к принципиальным изменениям в социально-классовой структуре чехословацкого общества, которые проявились в ликвидации основной прослойки монополистической буржуазии, в социальном освобождении рабочего класса, в превращении его из эксплуатируемого и бесправного — а в условиях промышленно развитой Чехословакии это касалось большинства населения — в класс, владеющий средствами производства. Это повлекло за собой и укрепление союза рабочего класса с крестьянством и дальнейшую классовую изоляцию буржуазии. Но уже тогда становилось все более ясным, что без развертывания борьбы во всех сферах общественной жизни невозможно осуществить дальнейшие мероприятия революционного характера.

Острота классовой борьбы, как свидетельствуют документы заседаний правительства, парламента и многих общественных организаций, нарастала по мере углубления революции. В Национальном фронте, как и во всем обществе в целом, началась интенсивная дифференциация. Главные положения Кошицкой программы были осуществлены в основном уже к концу 1945 г. И тогда же, в конце 1945 г., и особенно в начале 1946 г., т. е. спустя немногим более полугода после освобождения страны, в политике реформистской национально-социалистической партии обозначился явный поворот. В своем секретном меморандуме, относящемся к началу 1946 г., руководство партии поставило задачу изгнать коммунистов из правительства, т. е. практически ликвидировать Национальный фронт ³. В меморандуме говорилось, что следует положить конец и дальнейшим революционным преобразованиям. Буржуазия боялась потерять и те, еще значительные позиции, которые пока что находились в ее руках. В частном секторе оставалось 70 % оборота оптовой торговли, 2/3 импорта, 83 % пищевой, 43 текстильной промышленности и 87 % в строительстве ⁴.

Такой же была и позиция других нерабочих партий. Но они пока не отваживались выступать открыто с такими реакционными заявлениями, придерживались тактики утаивания своих подлинных замыслов по крайней мере до предстоящих выборов в Законодательное Национальное собрание. Председатель другой влиятельной буржуазной партии — народ-

² Всего было национализировано 2867 предприятий, на которых работало 769 тыс. человек. «Cestou května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946». Praha, 1975, s. 461.

³ V. K r a l. Cestou k unoru. Dokumenty. Praha, 1963, s. 140.

⁴ «Černá kniha kapitalistického hospodářeni před únorem 1948. Sbírnka dokumentů». Praha, 1948, s. 15, 19.

ной Й. Шрадек заявлял на собрании партийной фракции в парламенте в ноябре 1945 г.: «Мы должны приложить усилия, чтобы не выпасть из Национального фронта и стать в избранном Национальном собрании самой сильной партией... Поэтому необходимо быть сдержанными в публичных выступлениях, чтобы нас не обвиняли в торможении тех мер, за которые мы сами голосовали... Когда же начнет работу вновь избранное Национальное собрание, у нас руки будут более свободными, что даст возможность добиваться ревизии»⁵.

Наиболее желательную для буржуазии направленность такой ревизии несколько позднее уже откровенно раскрывали некоторые представители капиталистических кругов. Так, бывший генеральный директор Пражского автомобильного завода И. Гейда в органе национально-социалистической партии «Свободное слово» опубликовал свой проект превращения государственных предприятий в акционерные компании, причем прежние владельцы в качестве компенсации за национализацию должны были получить 49% акций⁶. Остальную долю национализированного имущества Гейда предлагал компенсировать прежним владельцам за счет акций конфискованных у гитлеровцев предприятий, т. е. чехская буржуазия стремилась захватить и бывшие предприятия немецкой буржуазии. Рабочему классу пришлось вести упорную борьбу, иногда применяя и забастовки, чтобы отбить попытки денационализации. Интересно, что спустя двадцать с лишним лет, в 1968 г., атаки на государственный сектор, которые начали оппортунисты и которые до сих пор ведут ревизионисты типа О. Шика, А. Лема и др., преподносятся под соусом создания «заводской собственности»⁷ — своеобразных акционерных компаний.

Нараставший конфликт между буржуазией и пролетариатом в Чехословакии являлся составной частью общей борьбы между социализмом и капитализмом, происходившей в международном масштабе. Эта борьба оказывала самое непосредственное влияние на политику буржуазных партий ЧСР.

В связи с усилением антисоветских реакционных тенденций в политике западных держав, начавших в 1946 г. так называемую холодную войну, усложнились условия развития народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, так как внешнеполитическая активизация сил империализма вдохновляла антинародных элементы в странах региона.

Коммунистическая партия Чехословакии, однако, считала, что возможности Национального фронта еще полностью не исчерпаны, и ориентировалась по-прежнему на постепенное ограничение экономических позиций буржуазии и укрепление и расширение позиций рабочего класса. На VIII съезде КПЧ (в марте 1946 г.) указывалось, что революционной программой рабочего класса является продолжение и развитие прежнего курса внутренней и внешней политики, дальнейшее углубление национально-демократической революции. Съезд выработал стратегическую концепцию ориентации на социализм. «Конечная цель всех наших усилий, — говорил К. Готвальд, — всей жизни всех нас, коммунистов, — это осуществление великих и святых идеалов социализма»⁸. Партия подчеркивала в этой связи вредность какого-либо перескакивания через этапы, забегания вперед, чреватого отрывом от масс.

⁵ «Nědělná pravda», 17 II 1947.

⁶ «Svobodné slovo», 22 III 1947.

⁷ «Rudé právo», 27 X 1978.

⁸ К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения, т. II. М., 1957, с. 140.

Выборы в Законодательное Национальное собрание в мае 1946 г. выявили расстановку политических сил в стране. Буржуазия обманулась в своих надеждах обеспечить решающие позиции в парламенте и правительстве. КПЧ получила 40% голосов, т. е. значительно больше, чем любая другая партия. Однако и она тоже не имела большинства. То обстоятельство, что почти половина, а в Словакии даже более 60% голосов было отдано за реформистские и буржуазные партии, свидетельствовало о еще существенном влиянии этих партий на массы, особенно среди средних слоев и части крестьянства. «Мы еще не выиграли,— заявил К. Готвальд на состоявшемся после выборов в мае 1946 г. пленуме ЦК КПЧ,— борьба будет продолжаться дальше»⁹.

Эта борьба теперь развертывалась под лозунгом выполнения новой программы правительства, возглавляемого К. Готвальдом. В органах власти и после выборов не было еще устойчивого революционного большинства, и это оказалось серьезным препятствием для осуществления дальнейших революционных преобразований.

Почти в течение года, начиная с осени 1946 г., велась острая политическая борьба за принятие шести сельскохозяйственных законов, предусматривавших ограничение крупного землевладения и другие меры в интересах крестьянства¹⁰. Рабочий класс в это время продолжал бороться за практическое осуществление первых законов о национализации, принятых в октябре 1945 г.

Становился все более очевидным саботаж реакцией новой программы правительства Национального фронта, принятой всеми партиями в июле 1946 г. Поэтому на сентябрьском пленуме ЦК КПЧ (1946) К. Готвальд поставил вопрос о завоевании большинства голосов на будущих выборах в национальные комитеты и в Национальное собрание. «Большинство, абсолютное большинство на выборах нам необходимо», — подчеркивал он¹¹.

Январский пленум ЦК КПЧ в 1947 г. подтвердил ориентацию на завоевание большинства народа партией коммунистов. КПЧ исходила из того, что в ходе классовой борьбы массы уже прошли серьезную школу политического воспитания, имели возможность разглядеть политическую демагогию буржуазных партий и объективно оценить деятельность коммунистов. Партия опиралась в первую очередь на революционную активность рабочего класса.

Какой была расстановка политических сил в стране накануне решающего столкновения? Что собой представляли политические партии и какова была степень их влияния? В конце 1947 г. КПЧ насчитывала 1 млн 310 тыс. членов, Компартия Словакии — 210 тыс. членов, т. е. в целом компартии имели 1 млн 520 тыс. членов. Компартии опирались на поддержку большинства рабочего класса, объединенного в массовой организации — Революционном профсоюзном движении. Профсоюзы насчитывали тогда около 3 млн членов. У коммунистов были сильные позиции в Едином союзе чешских крестьян, в Чехословацком союзе молодежи, в Союзе антифашистских борцов, в Союзе друзей СССР и в некоторых других организациях. Социал-демократы, занимавшие по ряду вопросов позицию, близкую к коммунистам, насчитывали в своих рядах 363 тыс. членов. Однако после победы оппортунистических элементов на съезде партии в Брно в ноябре 1947 г. все большее влияние в ней приобретало правое крыло. Эта победа

⁹ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. XIII. Praha, 1957, s. 89.

¹⁰ Подробнее см. А. Недорезов. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954.

¹¹ K. G o t t w a l d. Ibid., sv. XIII, s. 217.

оппортунистов в социал-демократии, вдохновившая реакцию, стала для Э. Бенеша, по его словам, наиболее радостным событием после 1945 г.

Буржуазные партии насчитывали в сентябре 1947 г.: Чехословацкая национально-социалистическая — около 600 тыс. членов, Чехословацкая народная партия — около 500 тыс., Демократическая партия Словакии — более 200 тыс. В целом они имели свыше 1 млн 300 тыс. членов, т. е. немногим менее, чем коммунистические партии. Это была значительная политическая группировка. Она состояла из представителей мелкобуржуазных и буржуазных слоев, некоторой части служащих, интеллигенции и крестьянства. Все больший вес в руководстве этих партий приобретали выходцы из прежних реакционных партий: аграрной, живностенской и других, деятельность которых была запрещена в 1945 г. Важные позиции занимала буржуазия в области экономики. По состоянию на 1 февраля 1948 г. в частных руках находилось 53,4% предприятий, на которых было занято 20,4% всех работающих¹².

В начале 1948 г. реакция перешла в контрнаступление под демагогическими лозунгами защиты демократии, свободы и частной собственности. Ей удалось создать антикоммунистический блок в правительстве и парламенте. При рассмотрении ряда важных вопросов коммунисты оказались в меньшинстве, их предложения были провалены. Центральный совет профсоюзов протестовал против тех мер правительства, которые были приняты под давлением реакционеров и вели к подрыву государственного бюджета, и со своей стороны принял решение созвать съезд председателей заводских советов для обсуждения вопроса о дальнейшей национализации. Развитие событий в стране ставило на повестку дня вопрос о диктатуре пролетариата, призванной обеспечить дальнейшее продвижение страны по пути социализма, сломить возросшее сопротивление буржуазии. Временные удачи вселили в реакционеров надежду на успех задуманного переворота, в планы которого был посвящен президент Э. Бенеш.

20 февраля 12 министров-реакционеров подали в отставку, рассчитывая вызвать правительственный кризис и сформировать правительство без коммунистов. Момент выступления был выбран не случайно.

Председатель Демократической партии Й. Леттрих впоследствии признавался: «Некоммунисты в феврале оказались перед альтернативой. Или позволить коммунистам готовиться к завоеванию большинства голосов, или воспротивиться этому и спровоцировать правительственный кризис»¹³.

План реакционного переворота оказался авантюрой. Реакция строила его, исходя из поверхностной оценки соотношения классовых сил в стране. Главный же ее просчет заключался в том, что она не имела реального представления о влиянии КПЧ в массах, о ее боевой способности мобилизовать народ, который реакционеры высокомерно называли «улицей» и с мнением которого они не намерены были считаться. Не учитывали они в должной мере и коренного изменения международной обстановки, решающего влияния СССР, его способности удержать империалистические силы от вооруженного вмешательства во внутренние дела ЧСР. Между тем это коренное изменение соотношения сил между социализмом и капитализмом на международной арене стало одной из решающих предпосылок победы трудящихся ЧСР. В повышении авторитета идей социализма в массах свою роль сыграла помощь СССР Чехословакии хлебом в засушливом 1947 г., а также сырьем для ее промышленности.

¹² M. B o u ř e k. Praha v unoru. Praha, 1963, s. 267.

¹³ J. L e t t r i c h. History of Modern Slovakia. New York, 1955, p. 157.

22 февраля общегосударственный съезд заводских советов единодушно потребовал изгнания министров-реакционеров из правительства, проведения дальнейшей национализации, осуществления новой земельной реформы. Он принял резолюцию об образовании комитетов действия Национального фронта в областях, районах, городах, на предприятиях, массовое создание которых началось на следующий день. В их состав входили коммунисты, представители профсоюзов, социал-демократы, члены буржуазных партий, ЧСМ, крестьянских комиссий и других организаций¹⁴. Их функции были очень разнообразны. На предприятиях, например, они обеспечивали непрерывность производственного процесса, отстраняли реакционные элементы от руководства, следили за снабжением населения в городах и селах, а главное пресекали все происки реакционеров и других подрывных элементов.

По инициативе Центрального совета профсоюзов был создан Центральный комитет действия Национального фронта, куда вошли по 12 представителей от КПЧ и Центрального совета профсоюзов, 6 — от Единого союза чешских крестьян, 5 — от социалистической, 4 — от народной партий, 17 — от различных массовых организаций, 8 — социал-демократов¹⁵. Поддержание порядка взяла на себя, помимо органов безопасности, народная милиция, созданная из вооруженных рабочих. Пятый день правительственного кризиса ознаменовался генеральной стачкой. В ней участвовали рабочие и служащие 24 тыс. заводов и учреждений — всего 2,5 млн человек. Не бастовали только 32 завода, на которых работали лишь 1494 человека¹⁶. Так проявилось величайшее единодушие и единство рабочего класса. В течение 5 дней канцелярия президента получила более 6 тыс. телеграмм и петиций с требованием принять отставку министров-реакционеров. Под давлением народа после долгих колебаний Э. Бенеш вынужден был 25 февраля принять отставку реакционных министров. 27 февраля новое правительство, сформированное К. Готвальдом, было представлено президенту. Это уже было правительство социалистическое, правительство диктатуры пролетариата.

Февральская победа трудящихся Чехословакии завершила процесс перерастания национально-демократической революции в социалистическую и стала победой социалистической революции. Политическая власть полностью перешла в руки рабочего класса, тем самым был окончательно решен и вопрос о социалистическом пути развития страны. «Величие победоносного Февраля, его место в истории революционной борьбы чехословацкого народа, — говорил товарищ Г. Гусак, — определяется прежде всего тем, что он окончательно покончил с капиталистическим строем в нашей стране»¹⁷.

Февральские события в Чехословакии сыграли важную роль в становлении и упрочении социалистической системы в Европе. Поэтому победу трудящихся Чехословакии в феврале 1948 г. можно рассматривать и как знаменательный революционный акт, являющийся составной частью мирового революционного процесса. Л. И. Брежнев, характеризуя международное значение февральских событий 1948 г., говорил: «Это было крупное классовое сражение на мировой арене, выигранное социализмом»¹⁸.

Международное значение Февраля этим не ограничивается. Осущест-

¹⁴ J. Mlýnský. Akční výbory Národní fronty — revoluční orgány lidu. «Casopis Matice Moravske», 1973, № 1—2, s. 12.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Archiv ROH, f. ÚRO - předsednictvo, kart. 4, inv. jedn. 55/1. Zapis ze schůze ÚRO 4 III 1948.

¹⁷ «Правда», 1978, 24 февраля.

¹⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 112.

вление в промышленно развитой Чехословакии социалистической революции мирным путем обогатило опыт международного коммунистического и рабочего движения. Здесь в полной мере проявились общие закономерности развития революционного процесса, характерные для всех стран, идущих по пути к социализму, что подтверждает теснейшую связь Февраля 1948 г. в Чехословакии с Октябрем 1917 г. в России.

В результате утверждения диктатуры пролетариата и осуществления в апреле 1948 г. дальнейшей национализации промышленности и торговли, завершения аграрной реформы и других преобразований, восстановления довоенного уровня промышленного производства возникли необходимые условия для решения рабочим классом последующей задачи переходного периода — создания новой материально-технической базы социализма.

Развитие чехословацкого общества вступило в новый этап — этап построения основ социализма. Генеральную программу строительства основ социализма утвердил IX съезд КПЧ, состоявшийся в мае 1949 г. Выдвинув в качестве основного звена первый пятилетний план развития народного хозяйства на 1949—1953 гг., в котором проводилась четкая линия опережающего развития производства средств производства, съезд определил весь комплекс экономических, политических и идеологических задач общества на это пятилетие, включая задачу кооперирования деревни, развития государственных хозяйств и МТС¹⁹.

Строительство социализма в Чехословакии имело свои специфические особенности. Страна уже имела сравнительно развитую промышленность. Однако прежняя структура промышленного производства, сложившаяся в обстановке капиталистической системы, не могла обеспечить высоких темпов роста всего народного хозяйства. Поэтому упор в пятилетнем плане делался на опережающий рост тяжелой промышленности, в первую очередь машиностроения. Это было началом коренной реконструкции промышленности, всей ее структуры.

После съезда главной линией работы Коммунистической партии стала организация социалистического строительства. Основное внимание уделялось воспитанию народа в духе нового, социалистического отношения к труду, развитию трудовой активности и инициативы, организации социалистического соревнования. В этом партии оказывали существенную помощь профсоюзные, молодежные и другие организации. Надо отметить сложность и трудность этой работы в обстановке длительного влияния на рабочий класс идей социал-демократизма, реформизма, масарикизма, а также анархосиндикализма. Процесс изживания подобных мелкобуржуазных настроений, иллюзий в отношении буржуазной демократии был весьма длительным в Чехословакии и, как показали последующие события 1968—1969 гг., был чреват серьезными осложнениями.

Большая организационно-воспитательная работа партии и профсоюзов обеспечила подъем трудовой активности рабочего класса, развертывание социалистического соревнования. В него включались целые коллективы. Появились ударные смены, а в июне 1950 г. — комплексные ударные бригады. Общее число соревнующихся достигло в середине 1950 г. 783 тыс. человек²⁰. Творческая инициатива рабочего класса проявилась также в разных формах новаторства и изобретательства на производстве, которые значительно повышали производительность труда.

Расширение экономических связей с социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом, позволило устранить многие труд-

¹⁹ «Protokol IX řadného sjezdu Komunistické strany Československa». Praha, 1949.

²⁰ Archiv ROH, Ibid. Schůze ÚRO 2 XI 1950.

ности с сырьем, обеспечить республике устойчивый рынок сбыта для ее товаров. Вместе с тем оно потребовало дополнительных структурных изменений в ее промышленности в сторону увеличения производства машин, в которых остро нуждались все социалистические страны, осуществившие индустриализацию. Это обстоятельство, а также осложнение международной обстановки, вызванное действиями западных держав, проводивших провокационную политику «холодной войны», «отбрасывания коммунизма» и создавших агрессивный Североатлантический блок (апрель 1949 г.), а затем и предпринявших агрессивные действия в Корею, вызвали необходимость пересмотра первоначального варианта пятилетнего плана в сторону значительного увеличения объема продукции тяжелой промышленности. В результате развития творческой активности рабочего класса удалось обеспечить выполнение этих повышенных заданий плана.

Напряженный труд рабочих, технической интеллигенции, а также крайне важная в условиях экономической блокады, проводимой капиталистическими странами, экономическая помощь социалистических стран, в первую очередь СССР, таким сырьем, как железная руда, нефть, хлопок позволили достигнуть высоких темпов роста промышленного производства. В годы первой пятилетки почти в два раза увеличилась валовая промышленная продукция, причем машиностроения — почти в три раза ²¹.

Свидетельством укрепления экономических связей Чехословакии с другими социалистическими странами, в особенности с СССР, являются данные о переориентации ее внешней торговли. Доля социалистических стран во внешней торговле ЧСР, составлявшая в 1947 г. приблизительно 20%, достигла в 1950 г. примерно 50%, а в 1952 г. — 70%. Удельный вес СССР во внешнеторговом обороте Чехословакии вырос с 16,3% в 1948 г. до 35,6% в 1954 г. ²² Со своей стороны в качестве члена Совета Экономической Взаимопомощи Чехословакия способствовала индустриализации и общему экономическому развитию других социалистических стран.

Одновременно с бурным развитием промышленности началось социалистическое преобразование сельского хозяйства. Материально-техническая поддержка, оказываемая крестьянству государством путем создания МТС, предоставления кредитов единым сельскохозяйственным кооперативам (ЕСХК), шефская помощь рабочего класса кооперативам в возведении хозяйственных построек, ремонте машин и разъяснительная работа среди крестьянства способствовали успеху в деле кооперирования.

К концу пятилетки, т. е. к 1953 г., ЕСХК имелись в каждой второй деревне. Большинство их стало кооперативами социалистического типа, т. е. в них велось общее хозяйство как в растениеводстве, так и в животноводстве, а получаемый доход распределялся в основном по труду. Однако подавляющая часть членов кооперативов были в прошлом мелкими крестьянами; середняк еще в своей массе вел индивидуальное хозяйство. Это ограничивало возможности дальнейшего развития социалистического сектора.

Успешно решалась проблема культурной революции несмотря на то, что задача изменения идеологии общества оказалась одной из самых сложных и трудных. В сознании широких масс оставило глубокие корни длительное господство буржуазной идеологии в ее самых разнородных проявлениях, начиная от наиболее рафинированных антимарксистских идей.

²¹ «Statistická ročenka ČSSR. 1972». Praha, 1972, s. 26.

²² В. Н. Д а н ь ш и н а. Экономическое развитие ЧССР. М., 1977, с. 168.

«гуманистического демократизма» Масарика и Бенеша и их приверженцев и кончая оппортунизмом социал-демократии, клерикализмом народной и демократической партий Словакии и т. п. Вышедшее из недр капитализма молодое социалистическое общество испытывало на себе давление буржуазной идеологии, носителями которой были лица, до этого жившие в условиях капиталистического общества. Немаловажное значение имело также влияние буржуазной идеологии извне, которое осуществлялось по самым различным каналам и в первую очередь через литературу, печать, кино, радио, телевидение и т. п. Все это требовало от Коммунистической партии организации продуманной дифференцированной системы воспитательной работы в массах. Как показали последующие события, в особенности 1968—1969 гг., эта работа не всегда была на должном уровне.

Годы первой пятилетки с полным основанием следует считать ключевым периодом в строительстве основ социализма. Именно в эти годы в основных чертах была сформирована новая более совершенная структура промышленности с высоким удельным весом производства средств производства, значительно продвинулась вперед индустриализация Словакии, начался процесс социалистического преобразования мелкотоварного производства в деревне и в городе, были переориентированы внешнеэкономические связи страны. Были построены такие крупнейшие индустриальные комплексы, как металлургический комбинат имени Готвальда, первый завод по производству алюминия, сооружены 12 электростанций.

Бурное развитие промышленного производства, повышение национального дохода и улучшение материального благосостояния всех слоев населения являлись важнейшими факторами укрепления авторитета рабочего класса в обществе, а следовательно и повышения его ведущей роли в нем. Наряду с отменой в 1953 г. карточной системы и проведением денежной реформы в стране неоднократно осуществлялось снижение цен. Росла реальная зарплата рабочего класса, увеличивались доходы крестьянства. Вместе с тем в ходе этого в целом успешного развития народного хозяйства выявились и отдельные недостатки, главными из которых были возросшие диспропорции в развитии отдельных отраслей, в особенности отставание сырьевой и топливной базы, а также сельского хозяйства от промышленного производства. Относительно низкими были темпы развития личного потребления трудящихся. В последующие годы была проведена соответствующая корректировка экономической политики с целью ликвидации указанных недостатков.

В годы второй пятилетки (1956—1960) экономика страны развивалась по-прежнему высокими темпами. Особое внимание было обращено на технический прогресс. Общее увеличение производства промышленной продукции составило 66%, национального дохода — 40%, личное потребление возросло на 36%²³. В основном было ликвидировано отставание топливно-энергетической базы.

Успехи рабочего класса в промышленном развитии страны позволили государству увеличить капиталовложения в сельское хозяйство. Они возросли в 11 раз за период с 1949 по 1960 гг.²⁴ Такая помощь деревне, наряду с разъяснительной работой среди крестьян, проводимой коммунистами, способствовала завершению процесса кооперирования крестьянства. К 1960 г. в единых сельскохозяйственных кооперативах было объединено подавляющее большинство крестьянских хозяйств. Вместе с госхозами

²³ «25 let Československa. Statisticko-ekonomický přehled vývoje socialistického Československa v letech 1945—1970». Praha, 1970, s. 12.

²⁴ «Zemědělství CSSR v letech 1948—1968». Praha, 1968, s. 134.

ЕСХК обрабатывали 84% сельскохозяйственной площади. Новый класс — кооперативное крестьянство — теперь был связан прочными узами с новыми социалистическими производственными отношениями в деревне. В социалистическое строительство включились также ремесленники и мелкие торговцы, большинство которых стали рабочими и служащими на государственных или кооперативных предприятиях. Знаменательным было полное исчезновение класса буржуазии из социальной структуры общества, хотя буржуазия могла еще оказывать известное влияние на массы в области идеологии.

Успехи социалистического строительства в городе и деревне способствовали формированию новых социальных связей численно возросшего социалистического рабочего класса с кооперированным крестьянством и другими слоями общества. Был устранен вековой антагонизм классов, порожденный их различным отношением к средствам производства, эксплуатации одних классов другими.

Повышение удельного веса промышленности в создании национального дохода подняло экономическую роль рабочего класса в обществе, возросли концентрация рабочего класса и удельный вес индустриальных рабочих. Благодаря общедоступности среднего и высшего образования, созданию возможности получения высшего образования заочно, возросла роль рабочего класса в формировании новой социалистической интеллигенции, тесно связанной с рабочим классом, а следовательно и в развитии социалистической культуры, науки, в формировании новой социалистической идеологии.

Более 400 тыс. рабочих были выдвинуты в это время на руководящие посты на предприятиях, в партийных и государственных органах. Удельный вес служащих составил в 1961 г. 27,9% активного населения (в 1950 г. — 16,3%)²⁵. Создание в стране социалистического общества получило свое законодательно-конституционное закрепление. 11 июня 1960 г. Национальное собрание приняло новую конституцию, провозгласившую страну Чехословацкой Социалистической Республикой, составной частью мировой социалистической системы²⁶.

Наряду с этими важными факторами внутреннего порядка надлежит также высоко оценить тот вклад, который трудящиеся Чехословакии — одного из самых передовых в промышленном отношении социалистических государств — внесли в развитие других стран социализма, в укрепление могущества социалистического содружества, в победу дела мира во всем мире. Существенно, что помощь оказывалась на протяжении многих лет и на условиях, выгодных для этих стран. Объем помощи был значительным, она сыграла большую роль особенно в процессе социалистической индустриализации прежних аграрных стран, а также в техническом перевооружении и развитии советской промышленности, сельского хозяйства и транспорта. По мере развития промышленного производства в Чехословакии рабочий класс страны мог оказывать эту помощь в возрастающих размерах.

Страны социалистического содружества высоко ценят этот вклад чехословацкого народа в упрочение мировой социалистической системы. Вместе с тем бесспорным является и то, что без помощи социалистических стран, без сотрудничества с ними народы Чехословакии не достигли бы столь выдающихся успехов в развитии экономики своей родины.

Однако начиная с конца 50-х годов в экономике страны стали проявляться некоторые неблагоприятные тенденции. Так, хозяйственным и пар-

²⁵ «Socialní struktura ČSSR a její vývoj v 60. letech». Praha, 1972, s. 45, 30.

²⁶ «Конституционные основы Чехословацкой федерации». Прага, 1972, с. 49.

тийным органам не удалось в полной мере обеспечить выполнение неотложных задач по повышению эффективности народного хозяйства и его технической оснащенности. Экономическое развитие было связано все еще с экстенсивными факторами. Слишком медленно решались ключевые вопросы структурных изменений в промышленности в соответствии с требованиями научно-технической революции. Не использовались должным образом и некоторые возможности в области международного социалистического разделения труда²⁷.

Все эти недостатки и теневые стороны в развитии народного хозяйства в более острой форме проявились в годы третьей пятилетки (1961—1965), когда начался новый этап осуществления широкой технической реконструкции промышленности. Планом намечались строительство и реконструкция более 600 предприятий, в том числе возведение крупнейшего металлургического комбината на востоке Словакии в районе г. Кошице. Эти задачи плана были одобрены общегосударственной конференцией КПЧ (июль 1960 г.). Они превышали первоначальные директивные установки XI съезда КПЧ 1958 г. и находились в определенном противоречии с реальными возможностями, учитывая, что резервы новой рабочей силы тогда резко сократились. Они не были подкреплены мерами организационно-хозяйственного характера. Задача построения развитого социалистического общества, поставленная конференцией, также выдвигалась без учета всех необходимых предпосылок, в частности, уровня морально-политической зрелости общества.

В первые годы третьей пятилетки темпы промышленного развития замедлились, и плановые задания были пересмотрены в 1962 г. в сторону их уменьшения. Тем не менее продолжалось снижение темпов развития промышленности. План практически не был выполнен.

В связи с этим для Чехословакии особенно актуальным стал вопрос о выработке новых принципов руководства народным хозяйством. Они стали практически осуществляться с 1965 г. В последующий период, в 1965—1969 гг., благодаря усилиям рабочего класса, развернувшего социалистического соревнования, в частности, в форме движения бригад социалистического труда, прирост национального дохода повысился и составлял в среднем свыше 7%, т. е. приблизился к темпам второй пятилетки²⁸. В структуре промышленного производства наблюдались положительные изменения в пользу прогрессивных отраслей: машиностроения и химической. Но в то же время в экономике давали о себе знать отрицательные тенденции, наблюдавшиеся в общественном развитии страны. Появились ревизионистские теории, предлагавшие заменить централизованное плановое управление народным хозяйством рыночными отношениями. Эти подрывные действия обосновывались теорией так называемого рыночного социализма.

Не получая надлежащего отпора, заметив колебания и непоследовательность партийного руководства в борьбе против враждебных вылазок, ревизионисты стали прибегать ко все более откровенным выпадам против ведущей роли партии рабочего класса. Преувеличивались национальные особенности страны в строительстве социализма, идеализировалось положение трудящихся в буржуазной республике, интеллигенция противопоставлялась рабочему классу, выпячивалась ее якобы ведущая роль в обществе. Чехословацкое общество рассматривалось ревизионистами как бесклассовое с общими для всех слоев идентичными интересами. Отсюда

²⁷ «Nová mysl», 1974, № 11, s. 1597.

²⁸ «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977, с. 316.

делался вывод о том, что классовая борьба отошла в прошлое. Вся эта антинаучная демагогия прикрывалась ширмой «улучшения социализма», его «гуманизации» и т. д. Так постепенно формировались взгляды, ставшие в 1968 г. идеологической платформой антисоциалистических сил, которые в проведении своей подрывной политики опирались на мелкобуржуазные слои населения, часть интеллигенции и отсталые слои рабочего класса и в значительной степени поддерживались и вдохновлялись из-за рубежа буржуазными идеологами и политиками.

В документе декабрьского пленума ЦК КПЧ (1970) «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» обстановка, сложившаяся в августе 1968 г. в Чехословакии характеризовалась следующим образом: «Страна очутилась на грани гражданской войны. На повестку дня со всей остротой встал вопрос „Кто кого?“. Либо контрреволюция, опирающаяся на поддержку международной реакции, завершит свое черное дело, либо социалистическим силам удастся отразить контрреволюцию и отстоять дело социализма»²⁹. Лишь отдельные отряды и группы рабочего класса смогли в той обстановке выступить открыто против разгрома контрреволюции и антисоветизма. Примером может служить письмо 99 рабочих автозавода «Прага» в газету «Правда».

Вступление в страну 21 августа 1968 г. союзных войск стран Варшавского Договора, явившееся актом интернациональной классовой солидарности рабочих и крестьян социалистических стран с рабочим классом и крестьянством Чехословакии, помешало силам контрреволюции осуществить свои замыслы до конца. Оно помогло рабочему классу ЧССР приостановить процесс разрушения политической и экономической системы социалистического общества, а затем и перейти в наступление против ревизионистов и их пособников, которые были разоблачены и разгромлены в ходе длительной и напряженной борьбы. В идеологической борьбе с оппортунистами особое значение принадлежало апрельскому и майскому пленумам ЦК КПЧ (1969). На этих пленумах оппортунисты были выведены из руководящих органов партии, был избран новый Президиум во главе с Г. Гусаком. В результате целой серии важных мер партия добилась идейного и организационного укрепления своих рядов, упрочения руководящей роли рабочего класса в обществе и, прежде всего, в экономической и политической жизни.

Сентябрьский пленум ЦК КПЧ 1969 г. отменил все неправильные и антимарксистские решения послеянварского руководства партии, так называемого высочанского съезда, наложил взыскания на всех, кто нес ответственность за положение, в котором партия оказалась в 1968 г. Партия провела серьезную работу по очищению своих рядов. Были осуществлены важные меры по стабилизации экономического положения, устранению инфляционных тенденций, обеспечению дальнейшего развития народного хозяйства.

С января 1969 г. на основе конституционного закона о федеративном устройстве государства Чехословакия стала федерацией двух равноправных социалистических республик — Чешской и Словацкой. Каждая из республик имела свои законодательные (Национальный совет) и исполнительные (правительство) органы. Общими государственными органами ЧССР стали: федеральное Национальное собрание, состоящее из двух палат (Народной Палаты и Палаты Национальностей), федеральное правительство, а также пост главы государства — президента. Так было завершено государственно-правовое оформление взаимоотношений наций в стране.

²⁹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, с. 44.

Получили дальнейшее развитие дружеские советско-чехословацкие отношения. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный между ЧССР и СССР 6 мая 1970 г., стал основой для упрочения политического, хозяйственного, научно-технического и культурного сотрудничества двух стран. Он укрепил внешнеполитические позиции Чехословакии, восстановил атмосферу товарищеского доверия и искренней дружбы между ЧССР и СССР.

На состоявшемся в мае 1971 г. XIV съезде КПЧ были подведены итоги борьбы марксистско-ленинских сил против ревизионизма и ошпортунизма, за восстановление КПЧ как партии ленинского типа. Съезд отверг теорию господства рыночных отношений в экономике, подтвердил социалистические принципы планирования народного хозяйства и наметил перспективы дальнейшего развития чехословацкого общества. Утвержденные съездом директивы по составлению пятилетнего плана на 1971—1975 гг. предусматривали значительный рост народного хозяйства. Особое значение придавалось интенсивным источникам роста экономики. 95% намеченного планом увеличения национального дохода предполагалось получить за счет повышения производительности труда. Предусматривалось также более последовательное включение чехословацкой экономики в международное социалистическое разделение труда.

Всесторонне проанализировав и оценив достигнутые успехи в строительстве основ социализма, XIV съезд КПЧ выдвинул новую стратегическую задачу — построения в стране развитого социалистического общества, которая была конкретизирована затем на XV съезде КПЧ. Страна вступала в новый этап своего развития. «Развитое социалистическое общество, строительство которого является содержанием данного этапа, — говорил Г. Гусак в Отчетном докладе XV съезду КПЧ, — характеризуется прежде всего соединением достижений научно-технической революции с новыми общественными отношениями, комплексным решением политических, социально-экономических, культурных и идейно-воспитательных задач...»³⁰.

Решения XIV съезда стали программой развития чехословацкого общества на ближайшие годы. Вопросы развития экономики и научно-технического прогресса обсуждались затем регулярно на пленумах ЦК КПЧ в 1972, 1974 и 1975 гг. Чехословацкий народ в последующие годы добился серьезных успехов в развитии народного хозяйства. Так, уже в 1971 г. промышленное производство по сравнению с 1969 г. увеличилось на 16%³¹.

Чехословакия приняла деятельное участие в разработке и осуществлении Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Наличие социалистического содружества дает возможность чехословацкому народу развивать и широко использовать взаимовыгодные экономические и научно-технические связи с другими социалистическими странами, и в первую очередь с Советским Союзом, для создания, упрочения и расширения материально-технической базы социализма. Сотрудничество с социалистическими странами в области экономики стало предпосылкой и гарантией стабильного развития народного хозяйства страны, а во внешнеполитическом плане — прочной гарантией нерушимости ее границ, сохранения государственности и мира для ее народов.

В результате постоянно расширяющегося взаимовыгодного сотрудничества, и в первую очередь, конечно, благодаря трудовым усилиям 7-миллионной армии работников промышленности, сельского хозяйства и других отраслей общественного производства, в стране была создана мощная производственная база социализма.

³⁰ «XV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Прага, 1976, с. 46.

³¹ «Statistická ročenka CSSR. 1972». s. 245.

В ходе выполнения пятилетнего плана национальный доход возрос почти на одну треть. 90% его прироста было достигнуто за счет увеличения общественной производительности труда³². Были осуществлены важные структурные изменения в промышленности, обеспечивающие развитие наиболее прогрессивных отраслей, в первую очередь машиностроения, химической и энергетической, повышение технического и технологического уровней производства.

Общие итоги экономического развития страны в годы строительства социализма представляют внушительную картину. Так, в 1975 г. по сравнению с уровнем 1937 г. национальный доход увеличился в 4,6 раза, а промышленное производство — в 9,3 раза, притом продукция машиностроения за 1948—1975 гг. увеличилась в 19 раз. Продукция сельского хозяйства по сравнению с довоенным уровнем возросла в 4,3 раза³³. Сельское хозяйство превратилось в отрасль, способную применять современную технику, осуществлять интенсификацию производства и способствовать общему подъему экономики страны и материального уровня жизни населения. Общество получило возможность реализации тех потенциальных возможностей, которые созданы в сельском хозяйстве в результате перевода его на социалистический путь развития. Тем самым рабочий класс и крестьянство Чехословакии доказали полную применимость ленинского кооперативного плана в условиях промышленно развитой страны.

Благодаря успехам в области материального производства стало возможным решение ряда социальных проблем, в первую очередь значительное улучшение материального благосостояния трудящихся. При стабильности общего уровня розничных цен зарплата и другие доходы населения увеличились на 29%. Было построено 614 тыс. квартир, благодаря чему в новые благоустроенные дома переселились около 2 млн человек³⁴. Была усовершенствована система социального обеспечения, особенно в отношении семей, имеющих детей, обеспечен высокий средний уровень пенсий. В целом в годы строительства социализма личное потребление и уровень зарплаты увеличились в три раза.

С такими значительными успехами пришла страна к XV съезду КПЧ (12—16 апреля 1976 г.). Съезд констатировал, что темпы развития народного хозяйства в годы пятой пятилетки превысили установленные директивами XIV съезда КПЧ. Осуществление курса XIV съезда на повышение эффективности привело к повышению технико-экономического уровня и укреплению научно-технической базы народного хозяйства. Был достигнут значительный скачок в развитии производительных сил страны. Опираясь на достигнутые успехи, XV съезд КПЧ принял «Директивы по экономическому и социальному развитию ЧССР в 1976—1980 гг.», где подчеркивалось, что в шестой пятилетке надлежит «добиться в соответствии с развитием и упрочением социалистического образа жизни удовлетворения возрастающих материальных и духовных потребностей населения и дальнейшего укрепления его уверенности в завтрашнем дне на основе пятилетнего развития и повышения эффективности общественного производства и качества труда»³⁵.

При этом было отмечено, что новые задачи по развитию народного хозяйства будут решаться в более сложных внутренних и внешних условиях, учитывая, что экстенсивные источники развития экономики практически исчерпаны. Тем не менее Коммунистическая партия сумела мобили-

³² «Rudé právo», 15 XI 1975.

³³ Ibid., 21 II 1975.

³⁴ «XV. Zjazd Komunistickej strany Československa». Bratislava, 1977, s. 38.

³⁵ «XV съезд Коммунистической партии Чехословакии», с. 220.

лизовать трудящиеся массы на решение поставленных задач и добивается в целом успешного выполнения широкой программы социального развития, опираясь на трудовой энтузиазм масс, успешно используя выгоды международной кооперации и специализации, в первую очередь в рамках социалистической экономической интеграции. Так, на период 1976—1980 гг. Чехословакия заключила 97 многосторонних и 207 двусторонних соглашений с социалистическими странами, содержащих обязательства по импорту и экспорту продукции. Экспорт специализированной продукции³⁶ возрос в 1977 г. на 18,6% по сравнению с 1976 г., при том экспорт специализированной машиностроительной продукции — на 16,9%, а его доля в вывозе машин и оборудования в страны СЭВ составила 29,4%³⁷. Огромную роль в развитии чехословацкой экономики, в особенности в создании самых технически современных объектов энергетического значения играет Советский Союз.

Являясь руководящей силой общества, Коммунистическая партия в эти годы уделяла особое внимание углублению дружбы и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, способствовала решению вопросов ускорения процесса социалистической экономической интеграции и других проблем укрепления могущества и единства социалистического содружества.

Благодаря постоянной политической поддержке социалистических стран ЧССР смогла укрепить свое положение на международной арене и решить целый ряд жизненно важных для себя внешнеполитических проблем.

Важное международное значение имеет опыт рабочего класса социалистической Чехословакии в решении национального вопроса. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, рабочий класс в качестве руководящей силы общества обеспечил опережающие темпы промышленного развития Словакии по сравнению с Чешскими землями и добился превращения аграрной Словакии в промышленно развитую область республики. Ее промышленное производство уже в 1973 г. по сравнению с довоенным уровнем возросло в 30 раз³⁸. Благодаря высоким темпам развития промышленного производства были достигнуты значительные успехи в выравнивании экономических уровней двух республик страны и в сближении материального и культурного уровней их населения. Широкое участие народа в решении всех вопросов общественной жизни проявляется в демократической системе представительства трудящихся во всех звеньях государственной власти, в наличии разветвленной системы общественных организаций и конституционном обеспечении важнейших прав трудящихся.

Строительство социализма в стране являлось результатом коллективной деятельности вновь сформировавшихся классов и социальных групп социалистического общества: социалистического рабочего класса, кооперированного крестьянства и социалистической интеллигенции, сплоченных и руководимых рабочим классом и его партией, объединенных общей заинтересованностью в устранении эксплуатации человека человеком, в построении нового социалистического общества.

³⁶ В 1975 г. на социалистические страны приходилось 70% внешнеторгового оборота ЧССР. Доля машин и оборудования в экспорте составила 57%. Региональное распределение экспорта специализированной продукции Чехословакии в страны СЭВ в 1975 г. было следующим: в СССР — 52,6%, НРБ — 4,8, ВНР — 4,1, ГДР — 20, ПНР — 16,5, СРР — 1,9%. В. Н. Д а н ь ш и н а. Там же, с. 169—170.

³⁷ В. Г у л а. Могучий фактор экономического прогресса. «Проблемы мира и социализма», 1978, № 12, с. 13.

³⁸ М. В а р н о в с к ý. 30 rokov hospodarského rozvoje Slovenska. «Historický časopis», 1975, № 3, s. 355.

На базе роста общественной производительности труда, увеличения промышленного и сельскохозяйственного производства рабочий класс ЧССР в союзе с трудовым крестьянством создал такой могучий производственный потенциал, который обеспечивает народу счастливую жизнь в условиях материального благополучия и социальной уверенности. Этот потенциал вместе с тем создает возможность последующего всестороннего и еще более эффективного развития производительных сил страны на новом этапе движения общества вперед.

В качестве руководящей силы общества рабочий класс все эти годы осуществлял продуманную политику учета и уважения специфических интересов своих союзников: крестьянства и интеллигенции. Только такая политика создала реальные возможности для проявления тенденции к сближению всех классов и слоев общества, что выразилось в усвоении ими идеологии рабочего класса — марксизма-ленинизма, в сближении их общественных позиций, условий труда, уровня жизни, образованности и культуры. Все это ведет к упрочению морально-политического единства общества, к стиранию социальных различий между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, следовательно, к упрочению социальной базы нового строя, к решению основных задач по созданию развитого социалистического общества.

Самоотверженно и энергично решая задачи нового этапа общественного прогресса в стране, трудящиеся Чехословацкой Социалистической Республики тем самым последовательно выполняют свой интернациональный долг, способствуют росту могущества всего социалистического содружества, победе дела мира и социализма на земле.

Л. Я. ГИВИАНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЮГОСЛАВСКОЙ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СФРЮ

Исследование народно-освободительной войны и революции, приведшей к образованию новой Югославии, к вступлению страны на путь социализма, являлось на протяжении трех с половиной послевоенных десятилетий одной из центральных тем в югославской историографии. В целом за прошедшие годы историческая наука СФРЮ добилась здесь весьма значительных результатов. При этом югославским историкам пришлось решать немало важных и сложных проблем. Одной из них стал вопрос периодизации народно-освободительной войны и революции.

Важность этого вопроса обуславливалась его методико-методологической значимостью, тем, что он был неразрывно связан с самим подходом к анализу, с выбором того или иного ракурса исследования, с трактовкой изучаемых процессов. Что же касалось сложности, то, с одной стороны, она особенно усиливалась своеобразием самого исследуемого явления. Во-первых, борьба югославских народов под руководством КПЮ совместила в себе как вооруженные действия против захватчиков и их пособников, превратившись в подлинную освободительную войну, так и процесс революционных общественно-политических перемен, создание народно-демократической власти и новой государственности. Во-вторых, в Югославии, с ее значительной спецификой условий в различных национальных районах, развитие народно-освободительной войны и революции в каждом из них, являясь составной частью общегославского процесса, в то же время отличалось существенными особенностями. Все это порождало неоднозначность тех фаз, через которые проходил процесс народно-освободительной войны и революции во всех своих элементах, а соответственно — неоднозначность периодизации, которая бы наиболее адекватно отражала историческую действительность. С другой стороны, разработка периодизации, основанной на всестороннем учете всех указанных обстоятельств, осложнялась и тем, что само исследование народно-освободительной войны и революции отличалось, как уже констатировалось югославскими историками, известной неравномерностью: в то время как в изучении одних сторон были уже достигнуты значительные результаты, позволявшие перейти к стадии обобщения, изучение других находилось лишь на начальном этапе¹. Соответственно, если периодизация одних процессов

¹ П. М о р а ч а. Югославская историография народно-освободительной войны и революции (1941—1945). В кн. Вторая мировая война, кн. 3. Движение Сопротивления в Европе. М., 1966, с. 324.

вырисовывалась достаточно четко, периодизация других не имела еще сколько-нибудь необходимой основы.

Таким образом, проблема периодизации по сути сфокусировала в себе важнейшие проблемы изучения народно-освободительной войны и революции в целом. Между тем, если самими югославскими, а также советскими историками уже предпринимались в той или иной связи хотя бы частичные попытки суммировать развитие югославской историографии данной темы², то по проблеме собственно периодизации до сих пор вообще нет работ, анализирующих основные направления и этапы ее разработки в послевоенной исторической науке СФРЮ. Цель данной статьи — способствовать выполнению этого пробела.

Как в югославской, так и в советской литературе уже неоднократно отмечалась та чрезвычайно существенная особенность исследования народно-освободительной войны и революции в исторической науке СФРЮ, что в поле зрения исследователей длительное время в первую очередь попадал сам ход вооруженной борьбы за освобождение Югославии, основное внимание долгое время обращалось прежде всего на военную сторону освободительной войны и революции, в то время как политическая сторона — общественно-политические процессы революции и ее внутренняя социальная динамика — оказывалась разработанной гораздо меньше, почти не была в течение ряда лет предметом специального рассмотрения³. Как мы уже имели случай отметить, это было в значительной мере связано с тем, что в отличие от некоторых других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где революции развернулись преимущественно к концу войны, захватив и первые послевоенные годы, в Югославии революция в преобладающей своей части прошла в рамках самой войны и с самого начала освободительной борьбы буквально слилась с ней, развиваясь как ее внутренний социальный компонент и оказавшись в известной мере как бы скрытой под ее оболочкой⁴. Указанная особенность исследования народно-освободительной борьбы — она оказалась в общем свойственна и советской историографии по данному вопросу, лишней раз подчеркивая объективную обусловленность названного явления, — в полной мере проявилась и в отношении периодизации: в ее основу с первых же работ

² Из югославских работ см., например: П. М о р а ч а. Там же; Р. М о г а њ а. Jugoslovenska istoriografija oslobodilačkog rata i revolucije 1941—1945 godine. «Vojno-istorijski glasnik», 1973, br. 2—3; J. M a r j a n o v i ć. A jugoszláv történetírás a háborúról és a forradalomról. «Történelmi Szemle», 1973, 3—4 szám. Суммарные обзоры литературы по данной теме содержатся также в специальных десятилетних отчетах о развитии югославской историографии («Dix années d'historiographie Yougoslave 1945—1955». Beograd, 1955, p. 575—660; «Historiographie Yougoslave 1955—1965». Beograd, 1965, p. 419—448; «The Historiography of Yugoslavia 1965—1975». Beograd, 1975, p. 413—430), однако они носят скорее справочно-информационный, нежели аналитический характер. Из работ советских историков см. В. К. В о л к о в. Некоторые вопросы освободительной борьбы югославских народов в годы второй мировой войны в освещении югославской исторической литературы. «Новая и новейшая история», 1960, № 5; Б. З. М и р к и н. Освещение заключительного этапа народно-освободительной войны (1944) в югославской историографии. В кн. Славянская историография. Сборник статей. М., 1966; Л. Я. Г и б и а н с к и й. Проблемы исследования революции и становления народной власти в Югославии. «Советское славяноведение», 1972, № 6.

³ Л. Я. Г и б и а н с к и й. Там же, с. 28—29; П. М о р а ч а. Там же, с. 324; V. V a k a r i ć. O ulozi i mjestu «Bihaćke republike» u narodnooslobodilačkoj borbi i revoluciji naroda Jugoslavije. In: «Prvo zasjedanje Antifašističkog vijeća narodnog oslobođenja Jugoslavije. Zbornik radova naučnog skupa». Bihać, 1967, s. 7; Б. П е т р а н о в и њ. О систему окупације у Југославији 1941—1945 и његовој научној обради. «Правни зборник», 1968, бр. 1—2, с. 1—2; «The Historiography of Yugoslavia 1965—1975», p. 413.

⁴ Л. Я. Г и б и а н с к и й. Там же, с. 28—29.

было положено прежде всего выделение этапов вооруженной борьбы с оккупационно-квислинговским режимом.

Одним из первоначальных проявлений этого критерия периодизации явилось рассмотрение истории народно-освободительной войны и революции преимущественно по сменявшим друг друга большим вражеским наступлениям, в ходе сопротивления которым партизанские силы, а затем выросшая из них Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) развертывали масштабные операции. Югославская историография первых послевоенных лет выделила семь наиболее крупных наступлений, суммарная характеристика которых была дана в докладе И. Броз Тито на V съезде КПЮ в июле 1948 г.⁵: первое — в конце сентября — декабре 1941 г., второе — в январе — феврале 1942 г., третье — с конца марта до середины лета 1942 г., четвертое и сменившее его сразу пятое — вся первая половина 1943 г., шестое — осень 1943 — зима 1944 г. и седьмое — конец весны — лето 1944 г. Такой критерий периодизации, отражавший существенные стороны реальной специфики народно-освободительной войны, уже в первое послевоенное десятилетие, с одной стороны, нашел выражение в целом ряде выпедших в те годы работ, специально посвященных отдельным вражеским наступлениям⁶, с другой — проявился так, либо иначе в характерных для этого периода изданиях обзорного характера⁷.

Вместе с тем в ходе дальнейших исследований, характеризовавшихся все более глубокой научной разработкой рассматриваемых проблем, в югославской историографии стали в середине 50-х годов высказываться критические замечания в адрес тех работ, авторы которых в своей периодизации военной истории народно-освободительной борьбы придавали принципу деления по вражеским наступлениям чрезмерное значение, абсолютизируя его. Подобный подход квалифицировался рядом историков и военных специалистов как односторонний. Во главу угла предлагалось ставить активность самого партизанского движения и выросшей из него НОАЮ⁸. Этот критерий приобретает все большее значение с середины и особенно со второй половины 50-х годов. Был выдвинут, например, вариант периодизации, выделявший пять наиболее крупных наступлений народно-освободительных сил: 1) восстание 1941 г.; 2) перемещение центра тяжести народно-освободительного движения из восточной в западную часть страны, обозначенное маршем пролетарских бригад в Боснийскую Крайну летом

⁵ J. Б р о з Т и т о. Говори и чланци, књ. III. Загреб, 1959, с. 411—412.

⁶ В. Т е р з и ћ. Пета непријатељска офанзива. Београд, 1945; е г о ж е. Четврта непријатељска офанзива. Београд, 1946 (изд. 2—1947 г.); е г о ж е. Четврта и пета непријатељска офанзива. Београд, 1948; А. Ј о в а н о в и ћ. Шеста и седма непријатељска офанзива. Београд, 1945; П. Т о м а њ. Четврта непријатељска офанзива. Београд, 1951; е г о ж е. Пета непријатељска офанзива. Београд, 1953; Д. К л а д а р и н. Slom četvrte i pete okupatorskokvislinške ofanzive. Zagreb, 1954 (изд. 2 расшир. и перераб.— 1956 г.); М. З е к и ћ. Друга непријатељска офанзива. «Војноисториски гласник», 1956, бр. 2—3; А. Б о н л а г и ћ, М. Л е к о в и ћ. Друга етапа друге непријатељске офанзиве. «Војноисториски гласник», 1957, бр. 4, и др.

⁷ См., например, М. М а р к о в и ћ. Преглед народноослободилачке борбе у Србији. Београд, 1947; е г о ж е. Борба Србије 1941—1945. Београд, 1952; А. Ј о в а н о в и ћ. Преглед народноослободилачке борбе. Београд, 1946 (два доп. изд.—1947 и 1948 гг.); «Преглед народноослободилачког рата у Македонији 1941—1944». Београд, 1950; Т. С у б е л и ћ, М. М и л о с т и ћ. Pregled historije narodnooslobodilačke borbe Jugoslavije. Zagreb, 1952 (десять доп. и перераб. изд.—1953—1963 гг., причем четыре последних под названием «Pregled historije narodnooslobodilačkog rata i revolucije naroda Jugoslavije»).

⁸ См., в частности: «Војноисториски гласник», 1953, бр. 1, с. 102; Р. Ј о в а н о в и ћ. Офанзива Народноослободилачке војске за коначно ослобођење Србије. «Војноисториски гласник», 1955, бр. 2—3, с. 22; П. Д а п ч е в и ћ. Како смо водили рат. Београд, 1956, с. 24—25, 64—67, 103—105.

1942 г.; 3) наступательные операции в период капитуляции Италии осенью 1943 г.; 4) наступление конца лета — осени 1944 г. с целью окончательного освобождения восточной части Югославии, в первую очередь Сербии; 5) наступление, приведшее к окончательному освобождению западной части Югославии зимой — весной 1945 г. Одновременно была также высказана точка зрения, что правильнее говорить не о семи вражеских наступлениях, а лишь о двух наступательных акциях противника с целью нанести стратегическое поражение народно-освободительному движению: первая, предпринятая в 1941—1942 гг. с целью уничтожить центр народно-освободительного движения, оформившийся на территории Сербии, восточной Боснии и Черногории, включала операции, обозначаемые как первое, второе и третье вражеские наступления; вторая, осуществленная противником в первой половине 1943 г. с целью уничтожения вновь оформившегося центра народно-освободительного движения на территории западной Боснии и южной Хорватии, охватывала операции, обычно называемые четвертым и пятым вражескими наступлениями; остальные же вражеские наступления, согласно данной точке зрения, либо имели контр-наступательный характер, подобно шестому, либо как седьмое, являлись операциями с ограниченной целью. Был выдвинут и тезис, что выделение крупных вражеских наступлений вообще очень условно, что каждое из них следует рассматривать лишь как оборонительную фазу крупных операций самой НОАЮ⁹.

Под этим углом зрения события 1941—1945 гг. исследовались в конце 50-х — первой половине 70-х годов в целом ряде значительных работ, специально посвященных наиболее крупным военным выступлениям народно-освободительного движения, рейдам и наступательным операциям НОАЮ¹⁰.

Утверждение и все бóльшая роль такого рода критериев не означали, однако, что выделение крупных этапов по вражеским наступлениям вовсе было отвергнуто югославской историографией. Происходило иное — совмещение, сочетание обоих указанных принципов. Такой подход ясно проявился в созданном югославскими военными историками в конце 50-х годов двухтомном труде «Освободительная война народов Югославии 1941—1945 гг.», обобщившем результаты первого десятилетия работы¹¹. На протяжении последующих полутора десятилетий наблюдался процесс дальнейшего, все более органического сочетания обоих названных принципов военной периодизации, что, в частности, нашло отражение в таких обзорно-итоговых работах, опубликованных в 60-е годы, как второе, переработанное и дополненное издание упомянутого двухтомника (1963—1965) или ряд монографий В. Стругара о народно-освободительной борьбе¹². При этом чем дальше, тем, пожалуй, все больше начинает превалировать

⁹ Р. Јовановић. Там же, с. 22—23; П. Дапчевић. Там же, с. 65—67.

¹⁰ Например: «Završne operacije za oslobođenje Jugoslavije 1944—1945». Beograd, 1957; Р. Вабас, А. Возовић. Splitska operacija godine 1943. Zagreb, 1959; Ј. Марјановић. Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963; М. Лековић. Ofanziva proleterskih brigada u leto 1942. Beograd, 1965; Т. Радошевић. Ofanziva za oslobođenje Dalmacije (1 IX — 9 XII 1944). Beograd, 1965; Р. Вишњић. Operacije za oslobođenje Srbije 1944. Beograd, 1972. В этом же ряду стоит и коллективная работа советских и югославских военных историков: «Белградская операция». М., 1964 (югославское издание — «Beogradska operacija», Beograd, 1964).

¹¹ «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941—1945», knj. 1—2. Beograd, 1957—1958. См. также: Ј. Марјановић, П. Морача. Наш Ослободилачки рат и Народна револуција 1941—1945 (Историски преглед). Beograd, 1958.

¹² В. Стругар. Rat i revolucija naroda Jugoslavije 1941—1945. Beograd, 1962; его же. Oslobodilna vojna v Jugoslaviji. Ljubljana, 1967; его же. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969.

второй из них. Если в двухтомнике «Освободительная война...», особенно в его первом издании, принцип периодизации по вражеским наступлениям применялся в равной, если в ряде случаев не преимущественной степени, прежде всего применительно к периоду 1942—1943 гг., то у Стругара, главным образом в двух последних из названных монографий, этот принцип, хотя и присутствует как один из элементов, уступает первенствующее место критериям второго типа.

Наконец, наряду с обоими перечисленными выше принципами и сочетаясь с ними, существенную роль стало играть выделение этапов в создании вооруженных сил народно-освободительного движения и, соответственно, в характере разворачиваемых ими военных действий. С точки зрения этих критериев был выдвинут ряд вариантов периодизации, особенно в середине 50-х годов. Так, например, в развитии народно-освободительной войны выделялись три крупные фазы: 1) период восстания 1941 г. и первого вражеского наступления, характеризовавшийся партизанской организацией, а также началом формирования НОАЮ; 2) перемещение центра тяжести народно-освободительной борьбы из восточной в западную, а затем вновь в восточную часть Югославии (1942 — лето 1944 г.), характеризовавшееся действиями НОАЮ как главной воинской силы народно-освободительного движения, в то время как партизанские отряды представляли собой вспомогательную, хотя и по-прежнему важную силу; 3) период окончательного освобождения страны и, соответственно, окончательного формирования нового государства, характеризовавшийся созданием и действиями полностью регулярных воинских частей в виде армий как стратегическо-оперативных соединений, которые становятся главными факторами заключительного наступления¹³. Другие варианты предусматривали выделение большего числа этапов, например, периода с конца 1941 г. до ноября 1942 г. как перехода от партизанских отрядов-территориальных частей к созданию и окончательному оформлению НОАЮ¹⁴.

Хотя вплоть до второй половины 60-х годов в исследовании и периодизации событий 1941—1945 гг. преобладали военные аспекты, однако уже с самого начала было очевидно, сколь важным компонентом процесса народно-освободительной войны и революции, а следовательно и его изучения является возникновение и развитие народной власти, новой, революционной государственности. Это нашло проявление и в подходе к периодизации: наряду с перечисленными выше элементами, отражавшими в первую очередь военную сторону народно-освободительной борьбы и революции, стали учитываться важнейшие элементы, обозначающие процесс создания народной власти. На этой основе были также выдвинуты различные варианты периодизации. Согласно одному из них, процесс создания новой власти в ходе народно-освободительной войны и революции разделялся на четыре основных этапа: 1) с начала восстания до конца 1941 г. — от появления первых народно-освободительных комитетов до их стабилизации как органов новой власти; 2) с конца 1941 до осени 1942 г. — укрепление и утверждение комитетов как органов новой власти; 3) с осени 1942 г. до осени 1943 г. — от создания Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) до его II сессии, конституировавшей революционную государственность; 4) после ноября 1943 г. — довершение революционной смены системы власти и строительства основной конструкции нового государства¹⁵. Между тем, другой вариант преду-

¹³ Р. Јовановић. Там же, с. 23.

¹⁴ П. Даичевић. Там же, с. 37—38.

¹⁵ F. Čulinović. Stvaranje nove jugoslavenske države. Zagreb, 1959, s. 84—88.

сма­тривал выделение пяти основных этапов — период с ноября 1943 г. расс­ма­тривался в этом случае не как единое целое, а как два самостоя­тель­ных этапа: от II сессии АВНОЮ до октября 1944 г., когда в резуль­та­те Белградской операции происходит окончательное освобождение вос­точ­ной части страны, где развертывают деятельность органы нового госу­дар­ства; с октября 1944 г. до Учредительной скупщины, провозгласившей Фе­де­ра­тивную Народную Республику Югославию и принявшей ее пер­вую конституцию (ноябрь 1945— январь 1946 г.)¹⁶.

Хотя подобного рода критерии так или иначе сказывались при разра­ботке общей периодизации народно-освободительной войны и революции уже с первых послевоенных лет, более значительным это стало в основном в 50-е годы, особенно со второй половины, когда все большее развитие при­обрело специальное рассмотрение проблем возникновения революционной власти и становления новой государственности, в том числе в таких полу­чивших широкую известность работах, как уже упомянутые очерки Л. Гершковича и Ф. Чулиновича, а также книги М. Шнудерла и В. Си­мовича¹⁷.

Следует, однако, отметить, что, поскольку данная проблематика по­лучила освещение преимущественно в трудах историко-юридического на­правления (к нему принадлежали и названные авторы) и расс­ма­трива­лась главным образом в плане описания и правовой характеристики норм и институтов складывавшейся системы революционного повстанческого управления и выраставшей из него новой государственности, выдвинутые в этих трудах критерии периодизации в основном несли в себе принцип фиксации тех или иных организационно-политических форм револю­ции и возникавшей постепенно новой Югославии, базировались на обо­значении определенных нормативных актов революции. Между тем, в од­них случаях нормативные акты действительно представляли собой вехи в развитии революционного процесса, подобно созданию АВНОЮ или ре­шениям его II сессии, в иных же случаях они не всегда и не во всем син­хронно отражали реальную динамику революционного процесса, а их буквальное восприятие вело даже к появлению искусственных историко-графических конструкций, как, например, в вызвавшем споры вопросе о так называемом временном и постоянном характере народно-освободи­тельных комитетов. Выдвинув осенью 1941 г. тезис о необходимости созда­ния комитетов как органов народной власти на освобожденной террито­рии, руководство КПЮ подчеркнуло в тот момент, что они являются временными органами власти, осуществляющими свою функцию в ин­тересах освободительной борьбы лишь до момента, когда с изгнанием ок­купантов можно будет перейти к организации государственного управ­ления. Между тем, в сентябре 1942 г. руководство КПЮ и народно-осво­бодительного движения изменило свою установку, заявив, что комитеты не являются больше временными, а представляют собой постоянные орга­ны власти¹⁸. Основываясь на этом, некоторые югославские авторы, пре­жде всего представители историко-юридического направления, утвержда­ли, что комитеты действительно были вначале временными органами власти и лишь позднее, к осени 1942 г., переросли в постоянные¹⁹. Одна-

¹⁶ L. Geršković. *Historija narodne vlasti*. Beograd, 1957.

¹⁷ M. Šnuderl. *Zgodovina ljudske oblasti*. Ljubljana, 1950; V. Simović. *AVNOJ. Pravno-politička studija*. Beograd, 1958.

¹⁸ «Исторически архив Комунистичке партије Југославије», т. I, књ. 1. Београд, 1949, с. 19; «Зборник dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda», т. II, књ. 6. Београд, 1957, с. 87.

¹⁹ См., например, M. Šnuderl. *Ibid.*, s. 105; L. Geršković. *Ibid.*, s. 55, 144; F. Čulinović. *Ibid.*, s. 126.

ко в вышедших в 60-е годы фундаментальных работах Й. Марьяновича и Д. Живковича, специально посвященных проблемам развития освободительной войны и революции и становления народной власти в 1941—1942 гг., убедительно раскрывалось, что как осенью 1941 г., так и в сентябре 1942 г. комитеты не меняли своего характера, были все время постоянными органами революционной власти²⁰. Стало быть нормативный акт (хотя в данном случае по форме не юридический, а чисто политический) обозначал не новый этап в развитии народно-демократической власти, а — мы уже имели случай обращать на это внимание — смену лозунгов, выдвигавшихся КПЮ в качестве непосредственной платформы народно-освободительного движения в каждой фазе революции, смену соответствовавших политическим условиям каждой такой фазы своеобразных этажных программ-минимум, через которые партия в специфических условиях освободительной борьбы шла к осуществлению своей максимальной классово-революционной цели²¹.

Конец 50-х — 60-е годы характерны в югославской историографии народно-освободительной войны и революции постепенным синтезом двух указанных выше основных направлений исследования, которые можно условно обозначить как военное и историко-правовое. Соответствующий синтез нашел выражение и в периодизации — произошло своеобразное совмещение главных принципов каждого из них, хотя военная сторона играла в целом преобладающую роль. Это особенно проявилось в крупных обзорных работах, изданных в те годы и обобщивших основные результаты исследования. Модель периодизации, представленную в этих работах, можно подразделить по крайней мере на четыре варианта, основанных в целом на аналогичных критериях, но различающихся некоторыми особенностями.

Так, в двухтомнике «Освободительная война народов Югославии 1941—1945 гг.» процесс народно-освободительной войны и революции разделен на пять основных этапов: 1) восстание 1941 г. (до отступления основных партизанских сил из Сербии и формирования Первой пролетарской бригады в конце декабря); 2) до I сессии АВНОЮ (ноябрь 1942 г.); 3) от I до II сессии АВНОЮ (ноябрь 1943 г.); 4) от II сессии АВНОЮ до Белградской операции и окончательного освобождения восточной части страны осенью 1944 г.; 5) до окончания народно-освободительной борьбы (май 1945 г.) и провозглашения республики (ноябрь 1945 г.).

В упомянутой выше книге Й. Марьяновича и П. Морачи, представлявшей собой обзорный очерк истории народно-освободительной войны и революции, выделяется четыре основных этапа. Первый, обозначенный как восстание 1941 г., и второй, характеризующийся как переломный год, совпадали с двумя первыми этапами в двухтомнике «Освободительная война...». Однако третий этап, обозначенный как образование нового государства, доведен до середины лета 1944 г. — кануна прорыва ударной группы НОАЮ в Сербию и последующего освобождения восточной части Югославии. Со второй половины лета 1944 г. датируется четвертый этап, характеризующийся окончательным освобождением страны и победой революции.

Четыре основных этапа выделяются и в названных выше работах В. Стругара, но хронологические рамки первых трех этапов иные. Первый, обозначенный в одном случае как восстание, а в другом — как период развития восстания в освободительную войну, завершается не концом 1941 г., а июнем 1942 г., когда начинается поход группы бригад в запад-

²⁰ J. Marjanović. Ustanak..., s. 426, D. Živković. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969, s. 189—191.

²¹ Л. Я. Г и б и а н с к и й. Там же, с. 46.

ную Боснию, в результате которого образовалась новая обширная свободная территория в центральной части Югославии. Второй этап, определяемый в одном случае как период больших битв НОАЮ, в другом, подобно Марьяновичу и Мораче, как переломный год, доводится до июля 1943 г., когда закончилась провалом наиболее крупная и опасная попытка уничтожить основные силы и руководство народно-освободительного движения, предпринятая оккупационно-квислинговским режимом в ходе четвертого и пятого вражеских наступлений. Третий этап, обозначенный как образование федеративного югославского государства, доводится до середины лета 1944 г., а четвертый целиком совпадает с вариантом Марьяновича и Морачи.

Наконец, авторы изданной для зарубежного читателя в 1967 г. на ряде языков, включая русский, коллективной работы о Югославии во второй мировой войне²² выделили шесть основных этапов. Первый — восстание 1941 г., второй — перерастание восстания во всенародную войну и третий — создание новой Югославии совпадали по датировке с вариантом, данным в двухтомнике «Освободительная война...». Четвертый этап, в отличие от всех предыдущих вариантов, охватывал период от II сессии АВНОЮ до прорыва соединений НОАЮ в Сербию во второй половине лета 1944 г. и характеризовался как закрепление достигнутых успехов в борьбе с оккупантами, в создании новой Югославии и ее внешнеполитическом упрочении. Пятый, обозначенный как общее наступление, датировался с прорыва в Сербию до марта 1945 г., т. е. включал окончательное освобождение восточных и части центральных районов Югославии и утверждение на этой территории нового государства. Март 1945 г., когда НОАЮ приступила к завершающему наступлению на запад, был взят за начало шестого этапа — полного освобождения страны и победы революции.

Как видно из сравнения приведенных четырех вариантов, во-первых, в большинстве случаев восстание 1941 г. и следующий за ним период до I сессии АВНОЮ рассматривались как отдельные этапы, лишь Стругар считал более существенными разграничительными моментами поход группы бригад в западную Боснию в середине 1942 г. и поражение, которым закончились в середине 1943 г. четвертое и пятое вражеские наступления. Во-вторых, в большинстве вариантов за разграничительный рубеж, которым отделяется завершающий период освободительной борьбы и революции, взят прорыв основной группировки НОАЮ в Сербию в августе 1944 г. (этот период делится в книге «Югославия во второй мировой войне» еще надвое по марту 1945 г.) и только в двухтомнике «Освободительная война...» этапной границей служит Белградская операция и окончательное освобождение восточной части страны. В-третьих, если в том же двухтомнике и в книге «Югославия во второй мировой войне» II сессия АВНОЮ взята как этапная граница, то у Стругара и в книге Марьяновича и Морачи она не фигурировала в качестве таковой, хотя там и подчеркивалось ее значение как важнейшей вехи в создании новой Югославии. В тех случаях, когда II сессия АВНОЮ бралась в качестве рубежа между этапами, она одновременно выделялась и для разграничения двух более крупных фаз, на которые, согласно данному варианту, делился весь процесс народно-освободительной войны и революции. В вариантах же, представленных книгой Марьяновича и Морачи и работами Стругара, выделение более крупных фаз, включающих в себя несколько этапов, отсутствовало.

²² А. Джонлагич, Ж. Атанацкович, Д. Пленча. Югославия во второй мировой войне. Београд, 1967.

В целом модель периодизации, заключенная — с теми или иными особенностями — в четырех приведенных вариантах и базирующаяся на синтезе критериев двух рассмотренных выше основных направлений исследования, остается пока преобладающей в югославской (это же относится и к советской) историографии.

Вместе с тем в 60—70-е годы в результате дальнейшего развития югославской историографии войны и революции, накопления ею необходимого материала все более значительно обозначился, как уже отмечалось, ее поворот к социально-политическому аспекту, к углубленному анализу самого революционного процесса, его объективных и субъективных факторов, социально-классовой динамики, форм и темпов развития революционной борьбы, изменения соотношения классово-политических сил, стратегии и тактики КПЮ, выступавшей организатором и руководителем народно-освободительного движения²³. Развертывание данного направления выдвинуло и задачу разработки, по выражению одного из югославских руководителей В. Бакарича, «политической» периодизации²⁴, ее во многом новых, специфических по своему характеру критериев, что было сопряжено с рядом серьезных проблем.

В первую очередь они были обусловлены спецификой соотношения классового и национального — двух основных компонентов, определивших не только направление и характер слившегося в неразрывное целое процесса народно-освободительной войны и революции, но и динамику этого процесса, последовательность его развития, т. е. как раз те его параметры, которые и должны лечь в основу научной разработки периодизации. Поскольку эту специфику мы уже рассматривали более подробно²⁵, напомним здесь лишь кратко ее суть.

В условиях фашистской оккупации перед народами Югославии в качестве самой неотложной и главной встала задача освобождения от захватчиков. Соответственно, КПЮ, выступившая во главе вооруженного восстания, выдвинула в качестве его цели именно эту общенациональную задачу и решительно выступила за широкий национально-освободительный фронт, объединяющий всех, готовых к активному выступлению против оккупационно-квислинговского режима, независимо от убеждений и взглядов на послевоенное устройство. Эта линия, несмотря на имевшие место в отдельные моменты некоторые повороты, в целом сохранялась в течение длительного времени в качестве платформы народно-освободительного движения и служила важнейшей основой объединения в нем широких народных масс. Вместе с тем острые общественно-политические противоречия, свойственные довоенной буржуазно-монархической Югославии, своеобразно преломившись в новой обстановке, созданной оккупацией, по-прежнему пронизывали все стороны жизни югославских народов. И решение практических задач организации вооруженной общенациональной борьбы за освобождение было неотделимо от решения кардинальных политических и социальных проблем югославского общества. Во-первых, задача эффективной борьбы требовала максимального объединения всех югославских народов, а оно могло основываться только на платформе, принципиально отличной от великосербской шовинистической концепции довоенной монархии с ее угнетением других народов и национальных мень-

²³ Л. Я. Гибианский. Там же, с. 29—30; Р. Могача. Ibid., s. 204—210; «The Historiography of Yugoslavia 1965—1975», p. 413.

²⁴ V. Bakarić. Ibid., s. 7.

²⁵ Л. Я. Гибианский. Там же, с. 37—43; е го же. Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии. В кн. Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 309—323.

шинств Югославии, непризнанием их национальных прав и даже самого существования большинства из них. Единственной реальной основой объединения являлись принципы братства и единства всех югославских народов и национальностей, их свободного и равноправного боевого содружества, во имя общего освобождения, которые были выдвинуты КПЮ в качестве одного из важнейших компонентов платформы народно-освободительного движения и стали энергично претворяться ею в практике освободительной борьбы. Организационная структура народно-освободительного движения стала с самого начала основываться на своего рода объединении равноправных в военно-политическом отношении крупных национальных земель, где были созданы свои главные штабы как руководящие национально-территориальные органы борьбы, направляемой общеюгославским Верховным штабом. Уже осенью 1941 — в начале 1942 г. в рамках системы народно-освободительных комитетов стали создаваться и первые главные комитеты национальных земель. Складывавшаяся новая межнациональная организация, принципы которой были затем закреплены решением II сессии АВНОЮ о федеративном устройстве Югославии, отвечала непосредственным потребностям освободительной борьбы и одновременно означала совершенно новое решение национального вопроса, практически противостояла довоенной государственной структуре. Во-вторых, образование уже в 1941 г. освобожденных территорий потребовало создания системы управления, а задачи развертывания освободительной борьбы были совершенно несовместимы с восстановлением там старых органов власти. В областях с несербским населением была абсолютно неприемлема уже какая бы то ни было реставрация всего, связанного с прежней государственной структурой великосербского режима. В Сербии, где в 1941 г. возникла наиболее обширная свободная территория, местный административный аппарат довоенной Югославии в значительной части фактически включился в квислинговскую систему органов власти. Наконец, главное было в том, что восстание явилось результатом непосредственной активности самого народа в оккупированной стране, начавшего борьбу независимо от прежней, рухнувшей государственной структуры, представляемой эмигрировавшим королевским правительством, даже вопреки призывам этого правительства воздержаться от развертывания борьбы. Естественно, что рождавшаяся в ходе восстания система организации жизни в освобожденных районах могла в этих условиях исходить лишь от самих масс, поднявшихся на борьбу. Этому отвечала линия КПЮ на создание народно-освободительных комитетов, которые стали органами власти восставшего народа. Такое развитие, будучи единственной реальной альтернативой, удовлетворявшей потребности последовательного развертывания общеюгославской освободительной борьбы, означало в то же время глубочайшее революционно-демократическое переустройство югославского общества с точки зрения как национально-государственной структуры, так и характера власти в освобожденной Югославии.

Такая направленность народно-освободительной борьбы крайне усиливалась тем, что в Югославии буржуазный класс в целом, за исключением отдельных его представителей либо незначительных групп, не только практически не принял участия в освободительной борьбе и даже занял по отношению к ней враждебную позицию, но как активная организованная политическая сила почти весь связал себя с коллаборационистским лагерем. Это, помимо многочисленных буржуазных групп, вставших на явно квислинговские позиции, касалось и той части буржуазии, представленной прежде всего этническим движением, которая была заинтересована в освобождении страны. Направив силы на борьбу с руководимым

КПЮ народно-освободительным движением, четники с этой целью стали сотрудничать с оккупационно-квислинговским режимом, превратившись, таким образом, на деле в одно из его звеньев. Поддерживая действия четников, выступавших в качестве «королевской армии на родине», с подобной политикой оказывалось связанным и королевское эмигрантское правительство. В итоге борьба против оккупантов и их пособников превращалась на практике и в борьбу с собственной буржуазией. Складывавшаяся из народно-освободительных комитетов система повстанческой власти оказывалась своеобразной революционной диктатурой антифашистских национально-демократических сил народа, где главную роль играли трудовые массы, а пролетариат, политически представляемый КПЮ, был не только гегемоном, но и безраздельным руководителем всей системы власти.

Так антифашистская, освободительная борьба, приобретающая одновременно ясно выраженный социально-революционный характер, по объективно происходившему классовому размежеванию, по расстановке сил в новых органах власти стала почти сразу приобретать черты, свойственные социалистической революции. Вместе с тем специфика ее развития состояла в том, что конфронтация между противостоящими общественно-политическими силами разворачивалась непосредственно на национально-освободительной основе, по линии «за» или «против» борьбы с оккупантами. Размежевание борющихся масс с буржуазией было первоначально в значительной мере не столько результатом прямого выступления против нее как класса, как враждебного социального фактора, сколько следствием того, что она как организованная сила сама поставила себя по другую сторону баррикад в качестве пособника оккупационного режима. По мере развития народно-освободительной борьбы, под влиянием логики разворачивавшейся революции с ее реальным столкновением между восставшим народом и буржуазией, вставшей на позиции коллаборационизма, не только сам факт этого столкновения, но и его истинный общественно-политический смысл становились все более очевидными, понятие антифашистского освобождения, национальной свободы и демократии наполнялось в сознании масс, объединявшихся в народно-освободительном движении под руководством КПЮ, все более глубоким социальным содержанием, получавшим все отчетливее выраженный антибуржуазный, в конечном счете пролетарский по своей направленности характер, совпадавший в итоге с объективным характером размежевания между народно-освободительным движением и всеми противостоявшими ему буржуазными политическими силами.

Изложенная специфика соотношения классового и национального в югославской революции обусловила особенности самого механизма развития революционного процесса, социальной динамики этого развития. Принципиальное разграничение лагерей, вступивших в острейшее столкновение между собой, на протяжении большей части освободительной войны оставалось тем же: по одну сторону находилось народно-освободительное движение во главе с КПЮ, выступавшее с позиций бескомпромиссной, вооруженной массовой борьбы против захватчиков, по другую — буржуазные группировки — как те, что открыто сотрудничали с фашистскими захватчиками в рамках оккупационно-квислинговской администрации, так и те, что, подобно четническому движению, по своим конечным целям были враждебны оккупантам, но в своей непосредственной военно-политической практике фактически перешли в коллаборационистский лагерь. При постоянстве этого знаменателя, выражавшего объективную классовую суть размежевания сил, переменная величина, обозначающая поступательное развитие революции, измерялась по крайней мере тремя основными пара-

метрами. Во-первых, изменением соотношения масс, выбиравших между борющимися лагерями. Во-вторых, упомянутой выше социально-классовой радикализацией национально-демократических устремлений широких слоев населения, шедших в рядах народно-освободительного движения или постепенно приходивших к нему, их, употребляя формулу В. Джуретича, идейно-политическим перевоспитанием до степени принятия ими революционных концепций²⁶. В-третьих, обусловленным этими факторами выдвижением и, соответственно, осуществлением практических задач — своеобразных этапных программ-минимум, как их определяет Д. Живкович²⁷, которые была способна решать революция на данном этапе и которые должны были отражать ту реальную ступень, на какую в каждый данный момент поднималась революционная борьба.

Поскольку указанные параметры выражали динамику революции, постольку они, естественно, несут в себе основополагающие критерии периодизации революционного процесса. Между тем конкретная разработка, а тем более непосредственное применение такого рода критериев сопряжены со значительными трудностями. Ибо, если говорить о критериях первого из трех перечисленных рядов, то очевидно, сколь непроста здесь, например, на ранних стадиях революции, достаточно точная количественная характеристика, особенно принимая во внимание, что, как уже отмечалось в югославской историографии, в рамках противоположных военно-политических группировок — народно-освободительного движения и организации четников действовали не только сознательные носители их политики, но и гораздо более отсталая масса, для которой сама грань между двумя движениями, двумя классово-политическими линиями была первоначально еще весьма зыбкой, чем вызывал даже переход со стороны на сторону²⁸. Что касается критериев второго ряда, то, по справедливой оценке некоторых югославских историков, подобные социально-психологические явления вообще в наименьшей мере и с наибольшим трудом поддаются сколько-нибудь точному вычленению и анализу²⁹. Наконец, если говорить о критериях третьего из перечисленных рядов, мы уже имели случай обратить внимание, что в силу все той же специфики развития югославской революции углубление непосредственного социально-политического содержания упомянутых этапных программ-минимум происходило в ходе освободительной борьбы преимущественно не в «чистых» классовых, а национально-демократических формах. А потому дифференцированная характеристика и четкое сопоставление конкретного классово-политического значения этих программ подчас весьма осложнены³⁰.

Тем не менее на рубеже 60—70-х годов появились первые работы, в которых стали рассматриваться проблемы, так или иначе связанные с разработкой такого рода критериев периодизации. Прежде всего это были исследования В. Джуретича, обратившего особое внимание на разработку вопросов, касающихся критериев первых двух рядов³¹. Отправляясь от

²⁶ V. Đuret ić. Neki elementi konstituisanja revolucije u nas. Teorijski koncept. «Gledišta», 1971, № 2, s. 283.

²⁷ D. Živković. Ibid., s. 632.

²⁸ См., например, V. Đuret ić. Ibid., s. 282.

²⁹ N. Vajić, R. Hur e m. Prilog izučavanju socioloških i društveno-psiholoških pojava kao faktora zblivanja u narodnooslobodilačkom ratu. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, br. 4.

³⁰ Л. Я. Гиб и а н с к и й. Проблемы исследования..., с. 46.

³¹ V. Đuret ić. Ibid.; его же. Revolucija i kontrarevolucija kod nas 1941—1945 godine. Teorisko-metodološki pogled. Split, 1969 (потатоп); его же. Teorijsko-metodološki smisao odnosa klasnog i nacionalnog u NO ratu. In: «Politički život Jugoslavije 1914—1945. Zbornik radova». Beograd, 1973.

них, он рассматривает развитие народно-освободительной борьбы как «классово-политическое конституирование социалистической революции», прошедшее три основных этапа. Первый обозначен разделением на антифашистские или, точнее, антиоккупационные и профашистские, прооккупационные силы и их конфронтацией. При этом непосредственной основой размежевания и столкновения служит отношение к оккупантам. Та же основа сохраняется и на втором этапе, характеризуемом дифференциацией внутри как антиоккупационных, так и прооккупационных сил. Джуретич не дает сколько-нибудь конкретной датировки рубежа между двумя этапами, ограничиваясь указанием на то, что второй в основном завершается в 1943 г. Подобная хронологическая неопределенность обуславливается его подходом к выделению этапов: он специально оговаривает, что берет их «как условные координаты» и что «они не могут быть ясно разграничены, многие их элементы взаимно переплетаются»³². Другими словами, Джуретич пытается вычленить не столько собственно временные периоды, сколько общую последовательность процессов размежевания сил. В целом развертывание первого из обозначенных им процессов предшествовало развертыванию второго, однако оба они, начавшись в 1941 г., шли на довольно значительном протяжении одновременно, переплетались друг с другом. Поэтому Джуретич в предложенной им периодизации отмечает их в принципе существовавшую последовательность, но не проводит между ними четкой хронологической грани. Более определенно, хотя и с известной оговоркой, обозначена конечная граница второго этапа, ибо свойственная ему, равно как и первому этапу, непосредственная основа размежевания и столкновения сил претерпевает затем, согласно Джуретичу, весьма рельефное изменение: не отношение к оккупантам, а непосредственно выраженная идеологическая, классово-политическая поляризация — «за» или «против» социалистической ориентации, характеризующая третий, завершающий этап революции³³.

В целом данная периодизация реалистично отражала общую последовательность общественно-политической дифференциации и поляризации сил, политической и социально-классовой радикализации масс в процессе революции. Вместе с тем она намечала лишь самые общие контуры и, с одной стороны, нуждалась в дальнейшей детализации, с другой — некоторые ее конкретные моменты не были бесспорными. Однако принципы периодизации, выдвинутые В. Джуретичем, не получили еще в югославской историографии дальнейшего развития, остаются в качестве проблем, требующих всестороннего решения.

Другая важная проблема разработки периодизации социально-политических процессов народно-освободительной борьбы была связана с тем, что в развитии югославской революции весьма значительное место занял также внешнеполитический аспект, включая борьбу за признание народно-освободительного движения и новой Югославии в антигитлеровской коалиции. Эта сторона была неотъемлемой частью революции, оказывала на ее ход немалое влияние, и задача адекватного отражения исторической реальности требовала создания периодизации, которая бы строилась на совмещении критериев, связанных как с внутренним революционным процессом, так и с его внешнеполитическим аспектом.

К середине 60-х годов имелся фактически лишь один не фрагментарный, а целостный вариант периодизации, относящейся к внешнеполитическому аспекту. Он был представлен монографией Д. Пленчи «Международные

³² V. Đur e ti ć. ' Neki elementi..., s. 271.

³³ Ibid., s. 271, 274, 281—282.

отношения Югославии в период второй мировой войны»³⁴. Автор вычленил следующие основные этапы: 1) международные проблемы восстания 1941 г.; 2) борьба народно-освободительного движения за международное признание в антигитлеровской коалиции в 1942 г.; 3) период от I сессии АВНОЮ по май 1944 г., характеризовавшийся Пленчей как этап, когда борьбу за международное признание стали вести АВНОЮ и созданный на его II сессии Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ); 4) период с июня по октябрь 1944 г., охватывающий заключение и действие так называемого Висского соглашения (подписано на острове Вис) между НКОЮ и реорганизованным эмигрантским правительством об установлении определенных форм сотрудничества в целях успешной борьбы за освобождение; 5) период от заключения 1 ноября 1944 г. нового, так называемого Белградского соглашения между НКОЮ и эмигрантским правительством о создании единого югославского правительства — до конца войны (май 1945 г.). Приведенной периодизации была свойственна значительная неровность в выборе критериев. В одних случаях в основе выделения этапов, в первую очередь четвертого, а отчасти и пятого, действительно лежали изменения во внешнеполитической стороне народно-освободительной войны и революции, но в других случаях автор взял за отправные пункты фазы внутреннего развития.

Несмотря на то, что разработка критериев, связанных как с внутренним, так и с внешнеполитическим развитием революции, в тот момент еще только начиналась, во второй половине 60-х годов были предприняты попытки выработать комплексную периодизацию, построенную на их совмещении. Одним из наиболее ранних явился вариант, предложенный в 1966 г. В. Бакаричем, который выделил пять основных «политических этапов»: 1) «Ужицкая республика»; 2) «Бихачская республика»; 3) II сессия АВНОЮ; 4) Вис; 5) завершающая фаза, начинающаяся с освобождения Белграда³⁵. В целом подобная периодизация отражала важнейшие ступени истории югославской революции, однако отличалась несовпадением как метода, так и критериев при определении различных из вычленимых ею этапов. Несовпадение метода выражалось в том, что при определении последних двух этапов периодизация, как обычно, выделяла следующие непосредственно одна за другой и качественно различающиеся временные фазы революции, между тем в определении первых трех этапов она носила как бы пунктирный характер, выделяя лишь своего рода вехи в развитии революционного процесса, выражавшие его уровень на каждом данном этапе, но хронологически не покрывавшие последних и разделявшиеся между собой в одних случаях меньшими, в других — большими интервалами. Так, «Ужицкая республика» характеризовала собой сущность восстания 1941 г., но не охватывала его целиком; «Бихачская республика» выражала собой следующую ступень в развертывании народно-освободительной войны и революции, превращение новой власти в единую систему, увенчанную образованием АВНОЮ, но охватывала период лишь с лета 1942 г. до начала 1943 г.; третий этап вообще обозначен лишь одним, хотя и кардинальным, событием: II сессией АВНОЮ. Что же касалось несовпадения критериев, то здесь особенно наглядным было аналогичное схеме, данной в книге Д. Пленчи, выделение этапа Виса (т. е. пребывания руководства новой Югославии на Висе, совпадающее с заключением и действием Висского соглашения), который, согласно

³⁴ D. P l e n ĉ a. Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata. Beograd, 1962.

³⁵ V. B a k a r i ć. Ibid., s. 7—8.

пояснению самого Бакарича, вычленялся им исключительно с точки зрения внешнеполитического аспекта революции, в то время как остальные этапы выделялись либо на основе критериев, связанных только с внутренним развитием революционного процесса, либо на основе критериев обоих порядков³⁶.

Основные элементы, содержащиеся в варианте В. Бакарича, равно как и возникающие в связи с этим проблемы, заняли фактически центральное место при последующей разработке комплексной периодизации революции. Это, в частности, проявилось и в периодизации, предложенной десятилетие спустя Б. Петрановичем в книге «АВНОЮ — революционная смена власти»³⁷. Хотя в качестве ее хронологических рамок обозначены 1942—1945 гг., книга включает в большей или меньшей степени и 1941 г. Исследуя ряд наиболее важных компонентов югославской революции, связанных как с внутренней, так и внешнеполитической сторонами революционного процесса, Б. Петранович выделил в нем четыре крупных этапа: 1) период восстания, характеризуемый возникновением общей направленной революционного процесса и принципиальной поляризации сил как внутри страны, так и в антигитлеровской коалиции в связи с отношением к югославской революции. Конечным его рубежом Петранович считает весну 1942 г.; 2) период создания основ новой Югославии, включая превращение революционной власти в единую систему, образование АВНОЮ и деятельность его исполкома, направленную на упрочение внутривластных позиций рождающейся государственности и международного положения народно-освободительного движения. Хронологические рамки — от возникновения «Бихачской республики» в середине 1942 г. по лето 1943 г., когда в результате краха четвертого и пятого вражеских наступлений и сильного поражения, понесенного четниками Михайловича, народно-освободительное движение упрочило позиции в стране и добилось признания в качестве военного фактора со стороны западных союзников, что было закреплено прибытием в Верховный штаб НОАЮ британской миссии связи; 3) период конституирования новой государственности, создания ее высших органов на II сессии АВНОЮ и возникновения контуров югославской федерации, а во внешнеполитическом плане — вступления югославского вопроса в новую фазу в связи с образованием НКЮЮ в качестве народного правительства. Начальный хронологический рубеж — подъем народно-освободительного движения и резкое расширение свободных территорий осенью 1943 г. в обстановке капитуляции Италии, складывание военных и политических условий для II сессии АВНОЮ, конечный — создание новой ситуации, приведшей к Висскому соглашению; 4) период от Висского соглашения в июне 1944 г. до провозглашения Республики в ноябре 1945 г., в основу вычленения которого Петранович кладет процесс международного признания новой Югославии.

В большей своей части основные элементы периодизации, предложенные Б. Петрановичем и В. Бакаричем, в целом аналогичны (за исключением периода Виса), но первые три элемента, обозначенные у Бакарича пунктирно, приобрели у Петрановича полновесные очертания следующих один за другим хронологических этапов. Варианту Петрановича присуще в целом более органичное сочетание критериев внутреннего и внешнеполитического плана. Это, однако, трудно сказать о последнем из выде-

³⁶ Ibid., s. 8—11.

³⁷ В. Петрановић. AVNOJ — revolucionarna smena vlasti. 1942—1945. Beograd, 1976.

ляемых этапов, который охарактеризован лишь с точки зрения международного аспекта. Между тем, если говорить о внутреннем развитии, то в пределы данного этапа попадает и период с осени 1944 г., когда с началом полного и окончательного освобождения Югославии революция вступает в стадию экспроприации буржуазии, аграрной реформы, утверждения на всей территории страны системы государственного и хозяйственного управления, и т. д. 15 лет тому назад в специально посвященной этому монографии³⁸ сам Петранович убедительно показал, что указанные явления обозначили качественно новую ступень революционного процесса, сделав вывод, что период с осени 1944 г. до провозглашения Республики и принятия первой конституции представляет собой законченную с проблемной и хронологической точек зрения фазу³⁹. В периодизации, предложенной в 1976 г., это не нашло отражения. Проблема сочетания критериев внутреннего и внешнеполитического порядка ждет еще своего всестороннего решения.

Вместе с тем в исторической науке СФРЮ со все большей настойчивостью выдвигается и задача еще более сложного синтеза: критерии, связанные с социально-политическим развитием революции, ввести в качестве полноправного компонента в пока еще преобладающую модель периодизации, построенную на сочетании принципов военного и историко-правового направлений, четыре наиболее значительных варианта которой рассматривались выше. Результативность этой работы сопряжена с рядом факторов, среди которых особенно важны, по крайней мере, два: во-первых, выбор действительно самых главных, наиболее обобщенных критериев, характерных для каждого из названных направлений, во-вторых, в полном смысле слова органичное и всестороннее их сочетание при вычленинии любого, без исключения, элемента суммарной модели периодизации. Модель, претендующая на суммарный характер, но построенная без необходимого соблюдения данных исходных принципов, едва ли в состоянии адекватно отразить все основные аспекты народно-освободительной войны и революции. Подтверждением может служить периодизация, содержащаяся в книге И. Божича, С. Чирковича, М. Экмечича и В. Дедиера «История Югославии»⁴⁰. Работа эта сразу после выхода подверглась острой критике, в том числе на специально организованных ее обсуждениях⁴¹. Причем написанный В. Дедиером раздел, включавший и период 1941—1945 гг., вызвал наиболее резкие возражения, вплоть до сомнения, насколько это можно отнести к марксистской историографии с точки зрения самого методологического подхода⁴². Не углубляясь в общую оценку, ограничимся вопросом периодизации народно-освободительной войны и революции.

В. Дедиер выделил здесь четыре основных этапа: 1) восстание 1941 г.; 2) 1942 г., кончая I сессией АВНОЮ; 3) с конца 1942 г. по лето 1943 г., кончая провалом четвертого и пятого вражеских наступлений; 4) с осени 1943 г., от капитуляции Италии, до конца войны (изложение доводится до полного освобождения Югославии в мае 1945 г.). Выделяя восстание 1941 г. в особый этап, Дедиер следует модели, широко распространенной, как мы видели, в югославской историографии. На первый взгляд так же

³⁸ B. Petranović. Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Beograd, 1964.

³⁹ Ibid., s. 7.

⁴⁰ I. Božić, S. Čirković, M. Ekmečić, V. Dedićer. Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972.

⁴¹ «Gledišta», 1973, № 3; «Casopis za suvremenu povijest», 1973, № 2.

⁴² «Gledišta», 1973, № 3, s. 282—283.

обстоит дело и со вторым этапом. Однако только на первый взгляд, ибо суть заключается в том, как охарактеризован этот этап и какие критерии положены в основу его вычленения. Между тем, автор определил его понятием «кризис восстания», связанный, как вытекает из самого текста, со следующими основными моментами. Во-первых, с тяжелыми ударами врага, поставившими народно-освободительное движение в крайне трудные военные условия. Во-вторых, с колебаниями крестьянских масс, вызвавшими временный отлив от народно-освободительного движения значительной части населения в ряде районов страны. В-третьих, с проявившимся в рядах народно-освободительного движения и КПЮ догматизмом, который выразился в представлении, будто в повестке дня стоит переход от буржуазно-демократической революции к пролетарской, что на практике вело к сужению народно-освободительного фронта, усилению временного отлива от него. В-четвертых, с тем, что Дедиер именует разрушением первоначальной партизанской этики эгалитаризма и уравниловки и появлением бюрократизма, приказной дисциплины, привилегированным положением командиров, в результате чего, по его мнению, возникают сложные моральные дилеммы, характеризующие кризис. В-пятых, с якобы направленной против югославской революции политикой СССР, которая, по утверждению Дедиера, затруднила развитие революционного процесса, что, в частности, проявилось в том, что АВНОЮ было создано на I сессии не как высший орган власти, а как общеполитическое представительство народно-освободительного движения⁴³. Сколь правомерно выделение перечисленных моментов в качестве критериев для выделения и характеристики 1942 г.?

Первые три уже рассматривались в югославской историографии, однако отнюдь не в качестве определяющих черт, характеризующих весь период 1942 г. как особый этап. Трудности, связанные с тяжелыми ударами оккупационно-квислинговских сил, относятся преимущественно к первой половине 1942 г., вторая же половина, даже при неудачах в отдельных районах, например, в Черногории, в целом обозначена как раз ясно выраженным подъемом народно-освободительного движения, созданием «Бихачской республики». Если же говорить о трудностях, связанных с колебаниями крестьянства и «левыми ошибками», то те югославские авторы, которые специально занимались данными проблемами и склонны характеризовать эти трудности как чрезвычайно серьезные, вплоть до оценки о возникновении кризисов в ряде районов, прежде всего в Черногории и Боснии и Герцеговине, относят такую ситуацию также главным образом к концу 1941 — весне 1942 г.⁴⁴. Хотя в некоторых районах страны это длилось дольше, в общем для второй половины 1942 г. характерен прежде всего, наоборот, процесс роста и укрепления политического влияния народно-освободительного движения, что сказалось и в увеличении численности его вооруженных сил — до 150 тыс. к концу 1942 г. (против 80 тыс. в конце 1941 г.)⁴⁵.

⁴³ I. Воژیć, S. Ćirković, M. Екмеčić, V. Dediјer. Ibid., s. 497—509.

⁴⁴ См., например, В. Бурет и Ђ. Карактеристике устанка 1941 године у Црној Гори и Босни и Херцеговини (паралела). «Историјски записи», књ. XXVI, св. 2—3. Титоград, 1969; его же. Neki elementi...; U. Danilović. Kriza ustanka u proljeće 1942 godine. «Glasnik Arhiva i Društva arhivskih radnika BiH», knj. X—XI. Sarajevo, 1970/71; Б. Петрановић. О левим скретањима КПЈ крајем 1941 и у првој половини 1942 године. «Матица Српска. Зборник за историју», св. 4. Нови Сад, 1971; R. Нугеџ. Kriza narodnooslobodilačkog pokreta u Bosni i Hercegovini крајем 1941 и почетком 1942 године. Sarajevo, 1972.

⁴⁵ V. Štrugaг. Jugoslavija 1941—1945, s. 69, 123.

Что касается четвертого момента, с которым Дедьер связывает свое утверждение о «кривизне восстания», то ряд участников упомянутых обсуждений книги выражал сомнение в правомерности методологического подхода, лежащего в основе такой интерпретации⁴⁶. Во всяком случае, переход от первоначальных элементов неопределенности в разграничении функций или недостаточной военной дисциплины, которые Дедьер именует партизанским эгалитаризмом, к более жесткой дисциплине, функциональной дифференцированности, закреплению командных кадров и усилению их роли, т. е. к тому, что он определяет как бюрократизм, — такой переход был неизбежным проявлением и следствием процесса создания новой государственности, превращения партизанских сил в постоянную армию. Пытаясь отыскать иные причины⁴⁷, он сам тем не менее в сущности отмечает такую обусловленность указанного явления⁴⁸. Но в таком случае оно, если и порождало в тот момент определенные морально-психологические дилеммы, было, однако, показателем упрочения народно-освободительного движения. Если же эти морально-психологические дилеммы Дедьер считает более важными, рассматривает как определяющие для характеристики данного этапа, то тогда 1942 г. должен представляться, как отмечалось при обсуждении книги, началом деформации революции⁴⁹, а, стало быть, все дальнейшее — продолжением такой деформации и кризиса. Между тем Дедьер говорит о победе революции.

Наконец, пятый момент является составной частью общего тезиса Дедьера, будто СССР занимал негативную позицию в отношении югославской революции и мешал ее победе. Тезис этот строится либо на голословных утверждениях, либо на передержках, искусственном выхватывании отдельных событий и явлений из общего исторического контекста и их, таким образом, неадекватной интерпретации, либо на прямом искажении источников. Сами югославские историки при обсуждении книги указывали в данной связи как на бездоказательность либо произвольность тех или иных положений Дедьера, так и на прямое искажение им фактов и документов⁵⁰. Если говорить о периоде 1942 г., то, например, изображаемая Дедьером картина отношения СССР к борьбе югославских народов находится в полном противоречии с тем, как освещалась и оценивалась тогда эта борьба советской печатью и радио, которые, начиная с 1941 г., прилагали неустанные усилия, чтобы разрушить стену молчания и фальсификации, возведенную в тот момент вокруг народно-освободительной войны в Югославии органами массовой информации западных союзников и эмигрантского правительства. Характерно, что Дедьер совершенно игнорировал обстоятельные работы советских историков, содержащие на сей счет богатый документальный материал⁵¹. Зато для доказательства своей

⁴⁶ «Gledišta», 1973, № 3, с. 278, 286—287.

⁴⁷ Например, воздействие опыта югославских участников войны в Испании, на которых повлияла «советская практика», перенесенная в интербригады (I. Воژیć, S. Сірковіć, М. Екмечиć, V. Дедієр. Ibid., с. 505). При обсуждении книги такое толкование характеризовалось как ненаучное («Gledišta», 1973, № 3, с. 319).

⁴⁸ I. Воژیć, S. Сірковіć, М. Екмечиć, V. Дедієр. Ibid., с. 498, 504.

⁴⁹ «Gledišta», 1973, № 3, с. 309.

⁵⁰ Ibid., с. 268, 285, 311—312.

⁵¹ См., например, V. V. Зеленин. Odnos sovjetske javnosti prema narodno-oslobodilačkom ratu Jugoslavije protiv fašizma (1941—1942). In: «Prvo zasjedanje Antifašističkog vijeća narodnog oslobođenja Jugoslavije». Bihać, 1967; Л. Я. Гибянский, В. В. Зеленин. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945). «Советское славяноведение», 1970, № 6; Г. М. Славин. Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941 год). «Советское славяноведение»,

версии он целиком взял утверждения по поводу позиции СССР, распространенные в то время эмигрантским правительством и руководством четников⁵²; хотя провокационный смысл подобных утверждений, вроде заявлений, будто КПЮ возглавляют троцкисты, линия которых враждебна и противоположна линии СССР, более чем очевиден.

Говоря о «трудностях», которые СССР будто бы чинил югославской революции, Дедиер делает особый упор на рекомендацию, которую Коминтерн, чью позицию автор целиком идентифицирует с советской политикой, дал осенью 1942 г. руководству КПЮ: не выдвигать на данном этапе вопроса о ликвидации монархии и создании республики и образовать в тот момент АВНОЮ не в виде революционного правительства, а как политический орган народно-освободительного движения⁵³. В действительности речь тут шла лишь о целесообразности той или иной конкретной тактики в условиях определенного момента развития революции. Сам Дедиер пишет, что «Москва в сущности хотела, чтобы она (революция. — Л. Г.) не развивалась вне рамок антифашистской войны»⁵⁴. Где же здесь «враждебность» революции? И разве ее развитие было возможно вне рамок антифашистской войны?

Хотя формально вычленение 1942 г. как «кризиса восстания» основывалось Дедиером на сочетании критериев, относящихся к различным сторонам народно-освободительной войны и революции, фактически ни один из пяти перечисленных выше моментов не мог быть отнесен к числу главных, наиболее обобщенных критериев, отражающих существо каждой из сторон. Естественно, такое вычленение встретило возражения при обсуждении книги⁵⁵.

При выделении же следующего, третьего этапа Дедиер, наоборот, исходил лишь из критериев, связанных с военной стороной, оставив без внимания остальные аспекты. Односторонность сказалась и при выделении четвертого этапа — с начала осени 1943 г. до окончательного освобождения, который он определяет как период «борьбы за сохранение плодов югославской революции». Если учитывать не только международный, а все основные аспекты, в указанных хронологических рамках происходит дальнейшее развитие самой революции.

В последние годы в югославской историографии начинают появляться разработки периодизации, построенные действительно на синтезе критериев всех отмеченных выше направлений. Одну из первых предложил в 1975 г. П. Морача в кратком очерке истории народно-освободительной борьбы⁵⁶. Он выделил три основных фазы: 1) восстание 1941 г. как отправной пункт народно-освободительной войны и революции, определивший ее основные черты и направления развития; 2) создание основ новой Югославии (1942—1943); 3) новая Югославия на завершающем этапе войны (1944—1945). По оценке Ф. Трго, эта схема вносит новое, свежее в периодизацию, дает возможность рельефнее видеть все основные компоненты такого сложного, комплексного процесса, каким была народно-

1972, № 4. Результаты этих исследований подтверждаются и рядом работ советских и югославских историков, опубликованных после выхода книги Дедиера: Г. М. С л а в и н. Советска јавност и народни устанак у Југославији 1941 године. В кн. Устанак у Југославији 1941 и Европа. Београд, 1973; е г о ж е. Об освещении народно-освободительной борьбы в Югославии советской печатью (1941—1942). «Советское славяноведение», 1975, № 1; Р. Т е р з и о с к и. Некои оценки на советската периодика од времето на Втората светска војна за борбата на југословенските народи (1941—1945). «Институт за национална историја. Гласник», 1976, бр. 2.

⁵² I. B o ž i ć, S. Ć i r k o v i ć, M. E k m e Ć i ć, V. D e d i j e r. Ibid., s. 508.

⁵³ Ibid., s. 509.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ «Gledišta», 1973, № 3, s. 309—310.

⁵⁶ P. M o r a ĉ a. Narodnooslobodilačka borba Jugoslavije 1941—1945. Београд, 1975.

освободительная война и революция⁵⁷. Морача наметил, однако, лишь самые главные фазы. На очереди разработка более подробной, детальной периодизации, построенной на синтезе всех критериев.

С проблемой периодизации тесно связан и стоящий в исторической науке СФРЮ вопрос об общих хронологических рамках югославской революции. Относительно ее исходного рубежа в югославской (и советской) историографии прочно утвердилось мнение, что начало народно-освободительной борьбы летом 1941 г. является одновременно началом революции. Сложнее, однако, обстоит дело с определением того, когда революция завершилась (не социальная революция в широком смысле слова — как процесс создания социалистического общества, а ее первая фаза — в марксистской литературе она обычно именуется политической революцией или собственно революцией, предшествующей второй фазе — социалистическому строительству). В названных выше общих обзорных трудах — двухтомнике «Освободительная война народов Югославии», книге «Югославия во второй мировой войне», монографиях В. Стругара окончание революции датируется провозглашением Республики 29 ноября 1945 г. и (или) принятием первой конституции новой Югославии 31 января 1946 г. С точки зрения процесса утверждения, конституирования и внешнеполитической стабилизации новой власти это представляется оправданным, однако в марксистской литературе уже давно утвердился взгляд, что социалистическая революция (в том смысле политической или собственно революции, о котором говорилось выше) включает в себя не только смену власти, но и социально-экономические преобразования: аграрную реформу, обобществление основных средств производства. Между тем в Югославии процесс социально-экономических преобразований выходит за указанные хронологические рамки. Под этим углом зрения Б. Зихерл в середине 60-х годов определил протяженность югославской революции «с начала освободительной войны до экспроприации капиталистической частной собственности и национализации основных средств производства в 1946 г.»⁵⁸. Обе приведенные датировки встретили возражение со стороны Б. Петрановича, выдвинувшего ряд конкретно-исторических аргументов, свидетельствующих, по его мнению, что ни одна из них не является конечной границей революции⁵⁹. Разумеется, практическое определение конкретных хронологических рамок у разных исследователей может быть различным. В данном случае для нас важнее иное — сами критерии периодизации. Петранович в качестве рубежа, отграничивающего период революции от строительства социализма, берет окончание народно-освободительной борьбы — 15 мая 1945 г. и аргументирует это тем, что указанный рубеж обозначает завершение «чрезвычайной» ситуации, созданной войной, и возникновение совершенно новых условий, в которых продолжается развитие Югославии по пути социализма⁶⁰. Таким образом, критерий периодизации связаны здесь не с ходом самого революционного процесса, а с изменением условий, в которых разворачиваются социально-политические перемены (война — мир). Подобный ме-

⁵⁷ «Политика», 7 мај 1975.

⁵⁸ Б. З и х е р л. О објективним и субјективним условима дезалијенације у социјализму. «Комунист», 3 децембар 1964 године, с. 8.

⁵⁹ В. П е т р а н о в и ć. О неким problemima obrade istorije FNRJ. «Jugoslavenski istorijski časopis», 1962, br. 1, s. 71; е г о ж е, О periodizaciji posleratnog razvitka Jugoslavije. In: «Istorija radničkog pokreta. Zbornik radova», 2. Beograd, 1965, s. 438—439, 442—443.

⁶⁰ В. П е т р а н о в и ć. О periodizaciji..., s. 438, 442.

тодологический подход приводит к тому, что, как признал Петранович, избранная им конечная граница не совпадает с завершением ряда важных политических и общественно-экономических процессов, характеризующих революцию⁶¹. Во всяком случае, вопрос о датировке конечной границы революции остается пока открытым и дискуссионным в югославской историографии.

Разработка периодизации народно-освободительной войны и революции, как мы видели, прошла в исторической науке СФРЮ ряд этапов, отмеченных решением целого комплекса проблем. Решение новых, еще более сложных задач, стоящих здесь перед югославской историографией, неотделимо от дальнейшего общего развития исследований истории народно-освободительной войны и революции.

⁶¹ В. Petranović. O nekim problemima..., s. 71—72; его же. O periodizaciji..., s. 439—442.

П. М. КАЛЕНИЧЕНКО, Л. В. ЯРОШ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. ВАСИЛЕВСКОЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(К 75-летию со дня рождения)

С именем В. Василевской, верной дочери польского народа, известной писательницы и общественного деятеля, тесно связана история развития и укрепления дружбы и боевого содружества советского и польского народов.

В. И. Ленин писал: «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им»¹. Польское рабочее движение в годы классовых битв и сражений против фашизма выдвинуло целую плеяду борцов за дело народа. Почетное место среди них принадлежит и Ванде Василевской. Вагда Василевская внесла значительный идейный и политический вклад в создание возрожденного Войска Польского. Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Э. Герек, выступая на VI съезде ПОРП, назвал В. Василевскую в числе главных деятелей, внесших серьезный вклад в дело освобождения Польши².

Как известно, В. Василевская не оставила сколько-нибудь исчерпывающих воспоминаний о своей богатой событиями жизни. Однако во время своего последнего приезда в ПНР в январе 1964 г., идя навстречу просьбе руководства Института истории партии при ЦК ПОРП, В. Василевская в течение недели ежедневно ходила в Институт истории партии и отвечала на многочисленные вопросы, подготовленные заранее сотрудниками института и охватывающие период ее жизни вплоть до 1945 г. Предполагалось, что печатный текст магнитофонной записи этих бесед будет представлен В. Василевской для авторизации, а затем опубликован. К сожалению, смерть В. Василевской, наступившая 29 июля 1964 г., нарушила эти планы. Воспоминания В. Василевской насчитывают в общей сложности около 430 страниц машинописи. Ныне они хранятся в Центральном архиве ЦК ПОРП, где с ними и познакомился один из авторов данной статьи³.

Как общественно-политический деятель В. Василевская сформировалась в годы классовых битв в буржуазно-помещичьей Польше, в борьбе против эксплуататоров, против реакции и фашизма.

В. Василевская вошла в историю рабочего движения как неслгибаемый борец за мир, демократию и социализм. В 30-е годы, в период напряженной

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 4, с. 375.

² Э. Г е р е к. Избранные статьи и речи (1971—1974). М., 1975, с. 91.

³ Первая часть этих воспоминаний, охватывающая период до сентября 1939 г., опубликована в квартальнике «Z pola walki», 1968, № 1.

борьбы рабочего класса Польши за свои экономические и политические права, В. Василевская встала на сторону революционных масс трудящихся. Как отмечает польский историк К. Собчак, В. Василевская, хотя и не была членом Коммунистической партии Польши, фактически претворяла в жизнь идеи коммунистического движения⁴. Будучи членом Главного совета Польской социалистической партии, находясь на ее левом крыле, она выступала за сближение ППС с КПП, за стратегию единства революционного рабочего класса со всем демократическим движением, со всеми общественными силами, выступающими за мир, демократию и социальный прогресс.

Политическая деятельность В. Василевской в 30-е годы заключалась в борьбе за создание в Польше единого рабочего и широкого антифашистского народного фронта. Она — активный участник Международной организации помощи революционерам (МОПР), Лиги защиты прав человека и гражданина, член Комитета мира, созданного в Варшаве в связи с подготовкой к Брюссельскому конгрессу мира.

В. Василевская выступала за установление дружественных отношений Польши с Советским Союзом, пропагандировала достижения советского народа в строительстве социализма, выступала в защиту СССР перед угрозой фашизма и войны.

Продолжением общественно-политической деятельности В. Василевской было ее литературное творчество. Первая книга репортажей — «Облик дня» — своим ярко революционным содержанием вызвала бурю в «санационной» Польше. Отражая беспросветное существование, нечеловеческую нищету трудящихся, высокое благородство рабочих в их героической борьбе против эксплуатации, книга явилась выдающимся событием не только в культурной, но и общественной жизни страны. Позже В. Василевская писала, что с выходом этой книги она поняла, «что в борьбе, которую пролетариат ведет за свое освобождение, оружием может быть и книга. И когда жизнь выдвигала передо мной новые вопросы, когда я видела зло и несправедливость, я писала книгу, чтобы протестовать, ...чтобы помочь тем, кто борется»⁵.

Таковыми книгами были повести В. Василевской «Родина» (1935) и «Земля в ярме» (1938), где писательница в остро публицистической форме показала борьбу разоряемого крестьянства с угнетателями и эксплуататорами в буржуазно-помещичьей Польше. Революционный и оптимистический пафос этих книг выдвинул В. Василевскую в число ведущих писателей пролетарского направления в польской литературе XX в. В. Василевская утверждала, что «место писателя, место художника в рядах пролетариата города и села, сражающегося за свое освобождение»⁶. Так писала она после Антифашистского конгресса работников культуры, созванного по инициативе коммунистов 16—17 мая 1936 г. во Львове, в котором польская писательница принимала активное участие⁷.

Новый этап в общественно-политической деятельности В. Василевской начался в сентябре 1939 г., когда она, как и многие другие прогрессивные деятели, вынуждена была покинуть оккупированную гитлеровцами Польшу. С этого времени В. Василевская становится гражданином СССР, оставаясь им до конца своей жизни.

⁴ K. S o b c z a k. Wanda Wasilewska — bojowniczką o postęp społeczny, niepodległość i socjalizm. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1977, № 1, s. 8.

⁵ Цит. по: Е. У с и е в и ч. Ваида Василевская. Литературно-критический очерк. Киев, 1951, с. 12—13.

⁶ «Антифашистский конгресс работников культуры во Львове в 1936 г. Документы и материалы». Львов, 1956, с. 55.

⁷ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 309, д. 95, л. 1—3.

В советском Львове В. Василевская, связавшая свое служение народу и отечеству с великой идеей пролетарского интернационализма, встала в ряды активных борцов за социализм. Ее статьи, являвшиеся прекрасным образцом публицистики, появляются во многих центральных периодических изданиях, на страницах львовских газет и журналов. Она часто выступает перед рабочими Львова, встречается с интеллигенцией и студенческой молодежью. В своих статьях и выступлениях В. Василевская выступала поборником дружбы советских и польских трудящихся.

Все свои силы, энергию неутомимого борца отдает В. Василевская делу служения народу, делу строительства новой жизни. Польская писательница входит в состав редакции журнала «Література і мистецтво», сотрудничает в газете «Червоны штандар» (орган Львовского обкома КП(б)У), а с января 1941 г. возглавляет редакцию журнала «Нове виднокренги».

В эти годы в Советском Союзе выходит из печати на русском, украинском и польском языках повести В. Василевской: «Отчизна», «Облик дня», «Пламя на болотах», «Земля в ярме».

В октябре 1940 г. В. Василевская была принята в Союз советских писателей Украины. По словам литературоведа Л. Венгерова, В. Василевская вошла в советскую литературу как возмужалый и могучий талант, очень близкий нам по своим идейным позициям и творческим установкам⁸.

В. Василевская считала Советский Союз своей второй родиной, родной трудящихся всего мира, при этом всегда оставаясь патриоткой Польши, дочерью польского народа. О ее патриотизме и интернационализме очень точно сказала Е. Усиевич⁹, друг и соратник по борьбе и творчеству: «Подлинность польского патриотизма Ванды Василевской, ее безграничная любовь к польскому народу, участие в его борьбе — это как раз то, что делает ее дочерью всей семьи советских народов, советским писателем, советской патриоткой»¹⁰.

Вокруг В. Василевской на платформе признания Советской власти объединяются прогрессивные польские ученые, писатели, художники и артисты, которые активно включаются в культурную и общественно-политическую жизнь Советской страны. В. Василевская устанавливает тесные контакты с польскими коммунистами, находившимися в Советском Союзе. Вместе с бывшим членом ЦК КПП, незадолго до этого распущенной, А. Лямпе налаживает связь с Исполнительным Комитетом Коминтерна, активизируя деятельность по восстановлению в оккупированной гитлеровцами Польше марксистско-ленинской рабочей партии¹¹.

В. Василевская пользовалась огромным авторитетом и любовью трудящихся. В 1940 г. она избирается депутатом Верховного Совета СССР, а в 1941 г. вступает в ряды ВКП(б).

С первых дней Великой Отечественной войны В. Василевская становится в ряды Советской Армии. Полковой комиссар, пламенный агитатор и пропагандист, она всегда на фронте, на передовой. В книгах, статьях и очерках писательница утверждает героизм как высшее проявление гражданской активности человека. В 1942 г. выходит ее книга «Радуга», посвященная борьбе советского народа против гитлеровских оккупантов. Радуга — это символ дружбы, связывающей два братских народа — советский и польский в их борьбе против общего врага. «И этой дружбой

⁸ В. Василевська. Твори у 8-ми томах, т. I. Київ, 1966, с. 22.

⁹ Е. Усиевич — дочь выдающегося деятеля польского рабочего движения Ф. Копа.

¹⁰ Е. Усиевич. Любовь к родине. Предисловие к книге В. Василевской «Родина». М., 1940, с. 10.

¹¹ E. S y z d e k. O Wandzie Wasilewskiej. «Nowe drogi», 1975, № 7, s. 82; М. М а л и н о в с к и й и др. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939 г. — январь 1945 г. Очерки истории. М., 1968, с. 99.

окрыленная, — писал М. Рыльский, — связала в дни Отечественной войны свою судьбу польская писательница с судьбой украинского народа, с судьбой советской семьи народов»¹².

Всем своим творчеством В. Василевская утверждала веру в несокрушимость советского строя, советского народа, веру в победу. Ее статьи и очерки, пламенные выступления перед бойцами на фронте будили ненависть к врагу, жажду мести. «Ее слово, — писал Д. Павличко, — словно пулеметные очереди было нацелено в сердце фашизма»¹³.

Главным содержанием общественно-политической деятельности В. Василевской в годы войны было ее непосредственное участие в процессе становления и развития советско-польских отношений на новых интернационалистических началах.

Как известно, Советское правительство всегда стремилось к урегулированию советско-польских отношений, взаимопониманию и сотрудничеству между СССР и Польской Республикой, к дружбе советского и польского народов. В годы войны Советский Союз считал полезным и необходимым установление равноправного советско-польского боевого сотрудничества. Объединение усилий обеих стран имело важное значение для ведения войны.

Установив дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне, Советское правительство дало согласие на создание в СССР польской армии «для совместной с Красной Армией борьбы против фашистской Германии»¹⁴. Советский Союз, писала газета «Правда», открыто заявил перед всем миром, «что он за создание свободной, независимой Польши» и что он с оружием в руках будет драться за свою свободу и за свободу Польши, за то, чтобы Польша обрела свою независимость и польский народ освободился от кровавого режима фашистских поработителей»¹⁵.

В ответ на подписание советско-польского военного соглашения В. Василевская с трибуны первого Всеславянского митинга, который состоялся в Москве 10—11 августа 1941 г., обратилась с воззванием к польскому народу, призывая его к активной совместной с советским народом борьбе против немецко-фашистских захватчиков¹⁶. Это выступление было по существу первым программным документом В. Василевской в годы войны. В нем поднималась проблема освободительной борьбы польского народа, с одной стороны, в широком аспекте национального фронта, а, с другой, — подчеркивалась необходимость боевого содружества польского народа с героическим советским народом, необходимость объединения военных усилий всех славянских народов в борьбе против общего врага. Обращение В. Василевской к польскому народу отвечало общей идее создания широких национальных антифашистских фронтов в поработанных странах.

Выражением братской солидарности советского и польского народов в общей борьбе с фашизмом явился радиомитинг представителей польских демократических деятелей, находившихся в СССР, который состоялся 27 ноября 1941 г. в Саратове по инициативе и при активном участии В. Василевской¹⁷. Польская патриотка обратилась к соотечественникам

¹² М. Р и л ь с к и й. Про людину, для людини. Статті про літературу і мистецтво. Київ, 1962, с. 130.

¹³ «Літературна Україна», 30 VIII 1964.

¹⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — ДМИСПО), т. VII. М., 1973, с. 217—218.

¹⁵ «Правда», 1941, 1 августа.

¹⁶ ДМИСПО, т. VII, с. 212—213.

¹⁷ П. М. К а л е н и ч е н к о. Польська прогресивна еміграція в роки другої світової війни. Київ, 1957, с. 114.

с пламенным призывом к беспощадной борьбе, к беспощадной мести врагу. В своем выступлении В. Василевская подчеркнула героизм и мужество советского народа, борьба которого воодушевляла все поработанные фашизмом народы.

В выступлениях Ю. Брун-Броновича, С. Ендрыховского, Е. Путramenta, в обращении к польскому народу, принятом участниками митинга, подчеркивалось, что единственная дорога к освобождению отчизны — активная вооруженная борьба против фашизма, союз с СССР, братство по оружию с Советской Армией¹⁸.

Участники митинга обратились с приветствием к героическим защитникам Москвы, в котором, в частности, говорилось: «С героической борьбой Красной Армии мы связываем надежду и на наше освобождение. Защитники Москвы! Известия о ваших героических подвигах с затаенным дыханием слушают поляки в оккупированной Польше; они вызывают в них новый энтузиазм и вселяют новые силы... Вы сражаетесь не только за свободу Советского Союза! Вы сражаетесь за свободу всего человечества! Честь и хвала вашему мужеству!»¹⁹.

Митинг польских патриотов в Саратове явился важным политическим событием. Как отмечает К. Собчак, материалы митинга, опубликованные в прессе накануне встречи главы польского эмигрантского правительства генерала В. Сикорского с председателем СНК СССР И. В. Сталиным, были в определенной степени предупреждением В. Сикорскому, что в Советском Союзе находится значительная группа польских патриотов, стремящихся к искреннему сближению с СССР²⁰. Необходимо отметить, что радиомитинг явился первым шагом на пути консолидации польской прогрессивной эмиграции в СССР. Польские патриоты изложили четкую программу своего активного участия в борьбе народа за освобождение²¹. Как в самой Польше, так и среди поляков в СССР инициатива переходила в руки коммунистов, поскольку было ясно, что правящие круги Польши не в состоянии возглавить борьбу народа на основе широкого антифашистского фронта, в союзе с СССР.

Развитие советско-польских отношений в этот период убеждало, что польское эмигрантское правительство ведет двойную игру. Оно не только уклонялось от выполнения принятых на себя обязательств, но и вело яркую антисоветскую пропаганду.

Польские коммунисты во главе с В. Василевской развернули широкую агитационно-пропагандистскую деятельность по разъяснению польским гражданам, находившимся в СССР, истинных целей политики польского эмигрантского правительства в Лондоне, противоречивших интересам народа.

И когда реакционные польские правящие круги в эмиграции, нарушив советско-польское соглашение, вывели в Иран созданную на территории СССР польскую армию²², возникла крайняя необходимость в консолидации усилий польских прогрессивных деятелей в Советском Союзе, стоящих на платформе широкого национального фронта и борьбы за освобождение польского народа в союзе с СССР. Польские коммунисты и демократы решительно осуждали реакционную политику эмигрантского правительства и считали, что необходимым условием победы над немецко-фашистскими захватчиками является активная борьба с оружием в руках

¹⁸ «Z pola walki», 1975, № 1, s. 170—174.

¹⁹ «Советская Украина», 1941, 3 декабря.

²⁰ «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1977, № 1.

²¹ «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», t. VII, Warszawa, 1973, s. 279—281, 281—283.

²² «Братство по оружию». «Braterstwo broni». М., 1975, с. 76.

плечом к плечу со всеми свободолюбивыми народами и прежде всего с народами великого Советского Союза²³.

Политической трибуной польских прогрессивных деятелей стал журнал «Нове виднокренги», возобновивший свою деятельность в мае 1942 г. по инициативе В. Василевской, которая и стала его главным редактором. Вокруг журнала начал формироваться новый политический революционный центр польских патриотов во главе с В. Василевской.

Глубоко понимая огромное значение демократических национальных вооруженных сил в борьбе за создание свободной, независимой, демократической Польши, В. Василевская всю свою энергию и талант организатора посвящает созданию новых польских воинских формирований на территории Советского Союза. С этой целью в январе 1943 г. В. Василевская и А. Лямпе направили Советскому правительству письмо с предложением создать в СССР «центр по польскому вопросу», который руководил бы всей организационной и агитационно-пропагандистской работой среди поляков в Советском Союзе и возглавил бы деятельность по созданию на территории СССР польских воинских частей²⁴.

Советское правительство поддержало эту инициативу, и в феврале 1943 г. после консультаций В. Василевской и А. Лямпе с советскими руководителями польские коммунисты приступили к созданию Союза польских патриотов в СССР (СПП) — общественно-политической организации демократического и общенационального характера.

Весной 1943 г. польские патриоты приступили к выполнению своей главной задачи — созданию национальных воинских частей на территории СССР.

В конце апреля В. Василевская от имени польских прогрессивных деятелей обратилась с письмом к председателю Государственного Комитета Оборона СССР с просьбой разрешить формирование на территории Советского Союза воинских частей и оказать в этом деле необходимую помощь²⁵. Советское правительство поддержало инициативу польских патриотов²⁶, и в мае 1943 г. в Сельцах под Рязанью начала формироваться I польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко. Польские коммунисты стремились создать армию нового типа, нового социального облика. Поэтому первостепенное внимание в подготовке дивизии уделялось идейно-политическому воспитанию, формированию морального облика польского воина, которому предстояло не только сражаться за свободу и независимость польского народа, но и быть строителем и защитником новой, демократической Польши.

Характеризуя 1942—1944 годы в жизни Василевской, польский писатель и публицист, бывший зам. командира польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко, старый деятель КПП Владзимеж Сокорский писал в своей книге «Те годы», что именно те годы в жизни Василевской характеризовались самым большим влиянием в советском обществе²⁷.

Всю политическую работу во вновь формируемых польских воинских частях и соединениях возглавлял Союз польских патриотов, идейным руководителем которого была В. Василевская. При ее непосредственном участии были разработаны документы, определяющие цели и назначение польских воинских формирований в СССР, главные задачи идейно-политической работы в них. В «Идейной директиве польской воинской части» отмечалось, что польские воинские формирования в СССР создаются для

²³ «Nowe Widnokrengi», 1942, № 1, s. 1—2.

²⁴ Archiwum Akt Nowych (далее — ААН), z. 130, sygn. 1, k. 1.

²⁵ ДМИСПО, т. VII, с. 364.

²⁶ «Известия», 1943, 9 мая.

²⁷ W. S o k o r s k i. Tamte lata. Warszawa, 1979, s. 32.

оказания помощи польскому народу в его борьбе за освобождение Польши. В директиве указывалось, что цель польских воинских частей в СССР — укрепление через братство по оружию уз нерушимой дружбы между польским народом и народами СССР ²⁸.

В разработанной В. Василевской «Временной инструкции о культурно-просветительной службе в польской дивизии им. Т. Костюшко» указывалось, что главными задачами политработы в дивизии являются:

1) воспитание польских воинов в духе ненависти к немецким поработителям, убеждение в необходимости вооруженной борьбы с гитлеровскими захватчиками плечом к плечу с Красной Армией за возвращение суверенитета и независимости польского государства, за создание парламентарно-демократического строя в свободной Польше;

2) воспитание польских солдат и офицеров в духе прогрессивных исторических традиций борьбы польского народа с немецкими захватчиками, в духе преданности народу и боевому знамени;

3) разъяснение каждому рядовому и офицеру, что только в союзе с СССР возможен разгром врага и освобождение Польши; воспитание польского народа в духе дружбы с русским народом и другими свободолюбивыми народами ²⁹.

Придавая огромное значение политической работе в армии, В. Василевская, выступая перед офицерами-политработниками дивизии, подчеркивала, что именно от их усилий зависит «действительно ли будет эта армия польской, действительно ли она будет демократической, действительно ли станет армией будущей Польши» ³⁰.

Основополагающие принципы идейно-политической работы в I пехотной дивизии им. Т. Костюшко легли в основу решений 1-го съезда СПП по вопросам культурно-просветительной работы, главной задачей которой являлось воспитание у польской эмиграции в СССР искренней любви к стране и народу, ненависти к немецким захватчикам и их пособникам, готовности к самоотверженной борьбе за свободу Польши, за прогресс и демократию, воспитание их в духе братства и дружбы между польским народом и народами СССР ³¹.

1 съезд СПП в СССР, который состоялся в Москве 9—10 июня 1943 г., принял программно-политическую декларацию, определившую основные цели организации: помощь польскому народу в освобождении Польши из-под немецкого ига; организацию вооруженной борьбы поляков совместно с Красной Армией против немецких захватчиков; борьбу за восстановление суверенных прав и независимости польского государства; борьбу за восстановление парламентско-демократического строя в свободной Польше; укрепление дружеских уз, связывающих польский народ с народами Советского Союза ³².

Таким образом, политическая концепция, выработанная польскими коммунистами — организаторами СПП в СССР, соответствовала историческим целям освободительной борьбы польского народа, освободительной концепции Польской рабочей партии. Она была направлена на создание единого национального фронта борьбы за национальное и социальное освобождение народа.

Взгляды, положенные в основу решений 1 съезда СПП, означали конкретизацию и претворение в жизнь курса, начертанного VII конгрессом

²⁸ Centralne Archiwum Wojskowe, III (далее — CAW, III), z. 7, sygn. 544, k. 1—3.

²⁹ AAN, z. 130, sygn. 610, k. 5—8.

³⁰ CAW, III, z. 7, sygn. 557, k. 21.

³¹ ДМИСПО, т. VII, с. 386—387.

³² Там же, с. 389.

Коминтерна. Первостепенное значение во всей деятельности польских коммунистов, направленной на объединение усилий польской эмиграции в СССР на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, приобретало органическое единство интернациональных и национальных задач пролетариата в борьбе против фашизма и гитлеровской агрессии.

Необходимо отметить, что В. Василевская как председатель Главного правления СПП в СССР, руководитель его военного отдела³³ принимала участие не только в теоретических разработках основ идейно-политической работы в польских воинских частях и соединениях, но и активно включалась в непосредственную работу по формированию морально-политического облика воинов польской армии нового, народного типа. Она часто посещала воинские части, присутствовала на занятиях и учениях, на совещаниях командиров и политработников, принимала участие во всех торжественных событиях, политических акциях, проводимых в дивизии, корпусе, армии. Она была прекрасным оратором, убежденным и убеждающим. «Мы готовы слушать ее часами, — писали польские воины в редакцию дивизионной газеты „Жолнеж вольносци“, — какая сила бьет из ее глаз, лица! Она — вечно горящий факел любви к Отчизне, вечно горящий факел ненависти к врагу»³⁴.

Придавая огромное значение формированию национального характера польской армии в СССР, большое внимание уделяла В. Василевская интернациональному воспитанию польских воинов. В этом плане необыкновенно важным был выдвинутый лозунг «За нашу и вашу свободу!» — лозунг интернационального долга с его новым содержанием — советско-польская дружба и боевое содружество. Выступая на VI пленарном заседании Всеславянского комитета, В. Василевская сказала: «Наша основная цель — выработать у польского населения в СССР чувства, которые старались у нас годами вытравить и уничтожить, — чувство дружбы к Советскому Союзу, к братским народам — украинскому, белорусскому, русскому...»³⁵. Под влиянием работы польских коммунистов, отмечала В. Василевская, «люди учатся дружбе, учатся любви. Люди узнают друг друга и другими глазами сегодня смотрят на жизнь и будущее Польши»³⁶.

В многочисленных выступлениях перед польскими солдатами и офицерами В. Василевская пропагандировала тот непреложный исторический факт, что только с победой советского народа над фашизмом возможно спасение польского народа от уничтожения, освобождение его от гитлеровского ига и капиталистической эксплуатации. Она призывала польских воинов внести свой достойный вклад в дело разгрома германского фашизма, освобождения родины, осуществления социальных преобразований в Польше³⁷.

Польская дивизия, присягнувшая с честью исполнить солдатский долг, сохранить верность союзу с СССР, боевому содружеству с Красной Армией, верность народу и знамени, на котором начертан лозунг отцов «За нашу и вашу свободу!», в бою под Ленино в октябре 1943 г. сдержала свою клятву. Этот бой стал поворотным пунктом в истории советско-польских отношений, символом боевого содружества двух братских народов.

Благодаря всесторонней помощи Советского Союза, активной деятельности польских коммунистов к июлю 1944 г. в СССР была создана 100-тысячная польская армия, «превосходно обученная и оснащенная боевой

³³ ААН, з. 130, sygn. 4, к. 1.

³⁴ «Żołnierz Wolności», 13 VII 1943.

³⁵ «Славяне», 1943, № 11, с. 26—27.

³⁶ Там же.

³⁷ «Żołnierz Wolności», 17 VIII 1943.

техникой — вооруженная рука народа, сражающаяся за избавление от немецко-фашистского ига»³⁸.

Важную роль в создании этой армии сыграла В. Василевская — коммунист, пламенный агитатор и пропагандист, сочетающий в себе убежденный интернационализм с глубоким патриотизмом.

Принимая во внимание выдающуюся роль В. Василевской, которую она сыграла в создании первой польской армии в СССР и вообще всего народного Войска Польского³⁹, ЦК ПОРП и правительство ПНР несколько лет тому назад присвоили Военно-историческому институту Министерства национальной обороны ПНР имя Ванды Василевской. В торжествах, посвященных этому событию, приняли участие член Политбюро ЦК ПОРП, министр национальной обороны Войцех Ярузельский, секретарь ЦК ПОРП Анджей Верблян, генерал Зыгмунт Берлинг, сестра Василевской — Зофья Возницкая.

Помимо создания польской армии в СССР, В. Василевская проводила активную работу, направленную на обеспечение культурных и материальных нужд польских граждан в СССР. При эффективной помощи и содействии правительства Союза ССР и местных органов Советской власти были созданы польские школы, детские сады и дома, значительно улучшилось снабжение польских граждан промышленными и продовольственными товарами, в библиотечке Союза польских патриотов начали выходить на польском языке брошюры и книги. Были организованы радиопередачи на польском языке как для поляков, проживающих в СССР, так и для населения временно оккупированной Польши. Активно действовали созданные СПП комиссии общественной опеки⁴⁰.

Будучи членом Всеславянского комитета, В. Василевская активно пропагандировала польскую культуру, освободительные традиции польского народа, вклад Польши в дело совместной борьбы с германским фашизмом. Это, безусловно, влияло на укрепление дружественных чувств советских людей к польскому народу, на укрепление зарождающегося в общей борьбе советско-польского братства по оружию.

В январе 1944 г. В. Василевская вошла в состав созданного в Москве Центрального бюро польских коммунистов, возглавив партийную работу в Союзе польских патриотов в СССР. Весной 1944 г. она участвовала в переговорах прибывших в СССР из оккупированной фашистами Польши делегатов Крайовой Рады Народовой с руководителями Советского правительства. 23 июня 1944 г. Главное правление Союза польских патриотов в СССР приняло решение о признании Крайовой Рады Народовой подлинным представителем польского народа⁴¹. 21 июля 1944 г. КРП приняла закон о верховной власти над польской армией в СССР и слиянии партизанских отрядов Армии Людовой и польской армии в СССР в единое Войско Польское⁴², являвшееся важным фактором в борьбе польского народа за освобождение и установление в стране народной власти, существенным элементом укрепления боевого содружества народов Союза ССР и Польши.

Таким образом, общественно-политическая деятельность В. Василевской в годы Великой Отечественной войны была одним из факторов, определивших великий перелом в истории советско-польских отношений.

³⁸ «Do bronі», 10 VII 1944.

³⁹ Создание народного Войска Польского было в каком-то смысле мечтой всей жизни В. Василевской, — писал В. Сокорский (W. Sokorski. Ibid., s. 36).

⁴⁰ П. М. К а л е н и ч е н к о. Деятельность Союза польских патриотов в СССР — славная страница в истории польской прогрессивной эмиграции. В сб. Очерки истории советско-польских отношений. 1917—1977. М., 1979, с. 277—292.

⁴¹ ДМИСПО, т. VIII. М., 1974, с. 117—118.

⁴² Там же, с. 140.

Предложив конкретные формы преобразования этих отношений, В. Василевская сыграла выдающуюся роль в укреплении дружбы и сотрудничества двух братских народов, что имело важное значение для исторических судеб польского народа, боровшегося за свое национальное и социальное освобождение. И, как отмечает В. С. Парсаданова, подчинение возглавляемого В. Василевской Союза польских патриотов в СССР Крайовой Раде Народовой, которую СПП рассматривал как верховную и единственную представительницу народа, и передача в ее распоряжение 100-тысячной регулярной армии значительно укрепило польский демократический лагерь и объединило две наиболее активные силы, боровшиеся за независимость страны, за завоевание власти трудящимися⁴³.

И когда 21 июля 1944 г. был создан Польский комитет национального освобождения, В. Василевская была назначена заместителем председателя первого в истории польского народа правительства трудящихся. В этом выражалось признание ее заслуг перед польским народом.

В годы становления народной власти в Польше, в период проведения революционно-демократических преобразований в стране В. Василевская принимает активное участие в разработке основных принципов построения нового польского государства, оставаясь вместе с тем руководителем Союза польских патриотов в СССР, который до конца войны считал своей главной целью — помощь польскому народу, сражавшемуся за окончательную победу над гитлеровскими оккупантами. Союз польских патриотов в СССР оказал активную поддержку ПКНО и Временному правительству Польской Республики. В одной из телеграмм СПП говорилось, что польские граждане, находящиеся в СССР, «горячо приветствуют создание Временного правительства Польской Республики, которое в дружестве с Советским Союзом поведет польский народ к победе над фашистским врагом и построит сильную, независимую и демократическую Польшу»⁴⁴.

В. Василевская возглавила в СССР движение польских патриотов по оказанию помощи в восстановлении Варшавы, направляла усилия активистов СПП в проведении репатриации польского населения, проводила огромную разъяснительную работу⁴⁵.

21 апреля 1945 г. В. Василевская присутствовала в Кремле на торжественном акте подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой, закрепившего коренной перелом в истории советско-польских отношений в сторону дружественного, союзного сотрудничества, сложившегося между СССР и Польшей в ходе совместной борьбы против германского империализма. Требования польских коммунистов, в том числе и В. Василевской, о жизненной необходимости и важности советско-польского союза и дружбы — стали государственной политикой Народной Польши.

Освобождением Польши от немецко-фашистских захватчиков и установлением в стране народной власти завершилась национально-освободительная борьба польского народа.

На заключительном этапе второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции, в тесном союзе с СССР включилось польское народное государство, бросившее на борьбу с врагом все свои материальные, военные и духовные силы. Возрожденное Войско Польское получило почетное право на участие в завершающих операциях второй мировой

⁴³ «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941—1945 гг.». М., 1978, с. 48—49.

⁴⁴ ААН, з. 130, sygn. 711, к. 19.

⁴⁵ ДМИСПО, т. VIII, с. 204, 209—210, 394—395.

войны. Польские армии были единственными из войск, входящих в состав антигитлеровской коалиции, которые принимали непосредственное участие плечом к плечу с Советской Армией в Берлинской операции.

Фактом большого исторического и политического значения для польского народа было участие в штурме Берлина 1 пехотной дивизии им. Т. Костюшко. 2 мая 1945 г. у Бранденбургских ворот, над которыми развевались советские и польские знамена, был подписан акт о ликвидации последнего очага сопротивления в Берлине. На этом акте поставили свои подписи и поляки ⁴⁶.

Историческим днем для народов всего мира, в том числе и для польского народа, стало 9 мая 1945 г. В изданном в день окончания войны приказе Верховного главнокомандующего Войска Польского говорилось:

«Офицеры, подофицеры и солдаты!

Ваш ратный труд не пропал даром. Вы принесли Польше историческое завоевание — возврат исконно польских земель и прочный союз с СССР — основу безопасности нашей страны в будущем!» ⁴⁷.

Победа польского народа над фашизмом и установление в стране народной власти подтвердили правильность политики Польской рабочей партии и Союза польских патриотов в СССР, выдвинувших народно-демократическую концепцию национально-освободительной борьбы, основой которой являлись союз и дружба с СССР. В процессе формирования этой концепции и претворения ее в жизнь важную роль сыграла В. Василевская — активный борец за независимость, общественный прогресс и социализм.

⁴⁶ «Wychowanie żołnierzy polskich w okresie drugiej wojny światowej (1939—1945). Materiały źródłowe». Warszawa, 1969, s. 303—304.

⁴⁷ «Polska Zbrojna», 10 V 1945.

С. О. ВЯЛОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ И КИРИЛЛИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ СОБРАНИЯ ИВАНА БЕРЧИЧА
В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ КНИГ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМЕНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Во второй половине XIX в. происходит укрепление и развитие общественных и культурных связей между Россией и зарубежными славянами. Россия находится в центре внимания славянских народов. В то же самое время повышается интерес русских общественных, научных и политических кругов к зарубежным славянам, их истории, этнографии, литературе. Это, прежде всего, приводит к заинтересованности ученых-славистов, Академии наук, библиотек материалами, связанными с историей культуры и современным положением славянских народов.

Публичная библиотека в Петербурге являлась одной из крупнейших библиотек России, и, по убеждению русских ученых-славистов, именно ей и было уготовано будущее «центрального древлехранилища славянства»¹.

Активно включившаяся в систему русско-славянских культурных связей Публичная библиотека расширяла свои «славянские контакты» главным образом через русских славистов (В. И. Ламанского, А. С. Будиловича, А. Ф. Гильфердинга, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др.). Славянские фонды библиотеки пополнялись путем покупок и получения в дар как отдельных изданий, так и целых библиотек и рукописных собраний славянских ученых, писателей, национальных деятелей.

В отчетах Публичной библиотеки о принесенных в дар книгах и рукописях ежегодно находим имена известных славянских ученых (например, В. Ганки, П. Шафарика и других почетных членов и почетных корреспондентов Публичной библиотеки²); в перечнях новых поступлений в этих отчетах приводятся сведения и об интересных покупках библиотек, собраний древностей, архивов (например, Й. Юнгмана, Г. и Э. Косты, И. Берчича).

Среди приобретений 1870-х годов заслуживает особого внимания собрание далматинского ученого-филолога, члена Югославянской Академии наук в Загребе Ивана Берчича (1824—1870). Было оно куплено

¹ См. Отдел рукописей и редких книг Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР и РК ГПБ), ф. 120 Бычковых А. Ф. и И. А., № 415, л. 1 (Письмо А. С. Будиловича А. Ф. Бычкову 13/24 февраля 1873).

² Институт почетных членов и почетных корреспондентов Публичной библиотеки начал свое существование в 1850 г.

в 1874 г. у отца тогда уже покойного И. Берчича — Михаила Берчича³.

Чем же знаменито это составляющее гордость Публичной библиотеки собрание? После его покупки Афанасий Федорович Бычков — хранитель Отдела рукописей и старопечатных книг Публичной библиотеки — писал: «Наша библиотека, кроме известного Зографского евангелия, писанного в XII веке, других глаголических рукописей не имела. Точно так же в ней было не более трех изданий, печатанных глаголицею»⁴. Далее собранию в Отчете библиотеки А. Ф. Бычковым дается следующая характеристика: «Эта коллекция рукописей хорватского глаголического письма, единственная в России, представляет весьма важные материалы как для изучения текста св. писания, так и для истории славянского языка и движения славянской письменности из Болгарии»⁵.

В фондах А. Ф. Быčkova, находящихся в ОР и РК ГПБ и Ленинградском архиве АН СССР (ЛОА АН СССР), а также в материалах Архива ГПБ удалось обнаружить ряд писем и документов, уточняющих историю данной покупки⁶.

В феврале 1873 г. русский ученый-славист Антон Семенович Будилович, путешествовавший по славянским землям, сообщил А. Ф. Бычкову из Праги относительно продававшегося, по сведениям профессора Пражского университета Мартина Гаттала⁷, в Загребе собрания И. Берчича. Он писал:

Проф. Гаттала поручил мне осведомиться у Вас, не могла бы Публичная библиотека купить рукописи и старопечатные книги, оставшиеся после смерти известного Далматинского ученого Берчича и принадлежащие теперь отцу покойного, в Загре. Югославянская Академия и Чешский Музей уклонились от покупки этих рукописей, по недостатку средств. Владелец просит за всю коллекцию всего 600 гульденов (Подчеркнуто в тексте. — С. В.).

Список этих книг и рукописей при сем прилагаю. Эта копия, сделанная мною из сербской описи Берчича-отца. Она очень кратка и неопределенна, но это не моя вина. Я думаю, что Пуб[личная] Биб[лиотека] не должна выпускать из своих рук подобной коллекции⁸.

Ровно месяц спустя А. С. Будилович посылает следующее письмо уже в ответ на письмо А. Ф. Быčkova, немедленно прореагировавшего на это предложение:

³ Об И. Берчиче и отдельных материалах его собрания см. I. Milčetić. Berčičeva zbirka glagoljskih rukopisa i štampanih knjiga u Lenjingradu. «Radovi Staroslovenskog instituta» (RSI), knj. 2, 1955, s. 93—128; О. И. Т р о ф и м к и н а. Иван Берчич и его собрание глаголических рукописей и редких книг. В кн. Книги. Архивы. Автографы. М., 1973, с. 130—135; Отчет ПБ за 1874 г. СПб., 1875, с. 67—71.

⁴ Отчет ПБ за 1874 г., с. 67. В настоящее время Зографское евангелие датируют XI веком.

⁵ Там же, с. 71.

⁶ ОР и РК ГПБ, ф. 120, № 415, л. 1—4 об.; ЛОА АН СССР, ф. 764, оп. 2, № 109, л. 1—2; Архив ГПБ, дело 1874 года, № 20.

⁷ М. Гаттала был знаком с И. Берчичем; черновики писем последнего к М. Гаттале, касавшиеся его научных работ и их изданий, сохранились в библиотеке францисканского монастыря на о. Крк (Главоток). Здесь находится часть архива И. Берчича, попавшая сюда, вероятно, от его ученика и преемника Карла (Драгутина) Парчича (Pačič — 1832—1902 — осуществивший в 1893 г. издание глаголического миссала), часть наследства которого также хранится в этой библиотеке. Архив И. Берчича состоит из черновики и конспектов его научных лингвистических и палеографических работ, материалов к ним, нескольких рукописей и изданий его трудов и корреспонденции (в том числе черновики его писем Ивану Црничу, Мартину Гаттале, Ватрославу Ягичу и др.). Кроме того, здесь два оставшихся от его собрания пергаменных глаголических фрагмента. См. V. Stefa ni ć. Предисловие в кн. I. Milčetić. Berčičeva zbirka glagoljskih rukopisa..., s. 95—97.

⁸ ОР и РК ГПБ, ф. 120, № 415, л. 1.

По получении Вашего письма, — пишет Будилович, — я немедленно сообщил его содержание проф. Гаттале и просил его быть посредником в данном случае между Берчичем и Императорской П[убличной] библиотекой. Он проявил большую готовность на это и согласился вытребовать коллекцию Берчича сначала к себе, сравнить ее с пересланным Вам списком, чтобы убедиться, что ничего не потеряно и не удержано наследниками покойного, и затем письменно известить Вас о результатах...

Вчера я виделся с ним (Гатталой. — С. В.). Он получил уже ответ от Берчича-отца, с изъятием радости, что нашелся покупатель и с просьбой подождать несколько времени, пока он с братом покойного (адвокатом), который вскоре приедет в Задр, упакует эту коллекцию и вышлет ее в Прагу⁹.

Переписка эта интересна еще и тем, что она демонстрирует один из видов участия Публичной библиотеки в развитии русско-славянских культурных связей и пополнения ее фондов славянскими материалами. В других случаях с предложениями о приобретении материалов обращались непосредственно в Библиотеку, желая, чтобы именно там хранились их собрания, архивы, коллекции¹⁰.

Кроме того, из переписки видно, как сложно было осуществлять пересылку в Россию (а в других случаях и наоборот — из России в славянские земли) всех этих материалов. В следующем письме от 23/4 мая — июня 1873 г., хранящемся в ЛОА АН СССР, А. С. Будилович сообщает А. Ф. Бычкову:

Проф. Гаттала поручил мне сообщить Вам, что отец покойного Берчича удостоверяет его, что все означенные в известном уже Вам каталоге рукописи и книги находятся налицо и могут быть немедленно высланы в Прагу, либо в Петербург. Но при этом он (Берчич) спрашивает Гатталу, на чей счет должна быть совершена пересылка? С своей стороны он предлагает — принять пересылку из Задра в Прагу на себя, с тем чтобы (затем) библиотека приняла на свой счет пересылку (около 100 фунтов) из Праги в СПб... Другое недоумение, какое выразил мне проф. Гаттала, — это насчет более надежного способа пересылки этих рукописей как из Задра в Прагу, так и отсюда в СПб. Если б наши консульства в Дубровнике, либо Реке (Fiume), либо Трнесте могли в этом помочь, то это было бы хорошо. Что касается меня, то я думал бы, что ящик хорошо закупоренный, запечатанный и в порядочную сумму застрахованный не подвергся бы особенному риску на пути¹¹.

На обороте последнего письма А. С. Будиловича сохранился черновик писем А. Ф. Быčkoва проф. Гаттале и книгопродавцу в Лейпциге Леопольду Фоссу, в которых он просит из Праги собрание Берчича переслать в Петербург через Лейпциг, а все расходы по транспортировке отнести за счет Публичной библиотеки¹².

Завершающими всю корреспонденцию, относящуюся к данной покупке, можно считать два письма Михаила Берчича (отца И. Берчича) А. Ф. Бычкову. В одном из них (от 14/26 августа 1873 г.), отправленном в адрес императорской библиотеки, он подтверждает договоренность о продаже коллекции рукописных и первопечатных глаголических памятников умершего сына императорской Публичной библиотеке в Петербурге за 600 флоринов. Далее он свидетельствует об отправке указанной коллекции 26 августа в Прагу для пересылки ее оттуда в Лейпциг книгопродавцу Фоссу, кото-

⁹ Там же, л. 4.

¹⁰ В Публичную библиотеку обращались Ст. Веркович (см. ф. 120, № 467), Марко Драгович (см. ф. 120, № 656) и другие (однако не всякий раз библиотека принимала такие предложения). Известно желание наследников Й. Юнгмана, например, видеть его библиотеку в руках «русского народа» (см. А. С. Мылников. Иозеф Юнгман и его время. М., 1973, с. 137—138).

¹¹ ЛОА АН СССР, ф. 764, оп. 2, № 109, л. 1—2.

¹² Там же, л. 2 об.

рый, в свою очередь, должен от имени А. Ф. Бычкова транспортировать ее в «знаменитую Императорскую библиотеку в Петербурге». При этом подтверждает, что транспортировка до Лейпцига — за его счет, а оттуда до Петербурга, «по соглашению с г. Бычковым», за счет Библиотеки. Деньги же — 600 флоринов — просит переслать в Задар на его имя.

Кроме того, Берчич-отец сообщает об отправке в дар Библиотеке «двух экземпляров произведения моего сына Ивана Берчича, которое он написал на основе этих рукописей и изданий, под названием *Uloinci svetoga pisma oboega uvjeta staroslovenskim jezikom* и один экземпляр двух других его публикаций *Čitanka staroslovenskoga jezika* и *Bukvar*. Это дар Императорской Библиотеке»¹³. (Экземпляры этих книг хранятся в фондах Библиотеки.) В следующем письме (от 4/16 декабря 1873 г.) на имя А. Ф. Бычкова Михаил Берчич сообщает, что Леопольд Фосс поставил его в известность письмом от 27 сентября/9 октября 1873 г. о том, что ящик с коллекцией уже отправлен в Петербург в адрес Библиотеки. Однако, он, Берчич, до сих пор еще не получил за нее денег и просит «сделать все возможное, чтобы скорее завершить это дело»¹⁴.

В «Журнале исходящих бумаг» Публичной библиотеки есть запись от 17/29 января 1874 г. под № 88 о том, что на имя г. Берчича в Задар отправлен вексель на сумму 600 флоринов¹⁵.

Коллекцию свою И. Берчич собирал в течение многих лет, начиная с 1848 г., когда, закончив ученье, уже в сане священника возвратился из Вены в Задар. Здесь он через несколько лет — в 1855 г. — занял кафедру глаголицы в Задарской семинарии — единственное, что к середине XIX в. осталось от глаголических семинарий в Далмации¹⁶. Занимаясь поисками глаголических материалов, он изъездил хорватское Приморье и побывал на многих Далматинских островах¹⁷. В результате этих «археографических» поездок и была создана Берчичем его знаменитая коллекция, известная всем исследователям в области славянской филологии как собрание пергаменных глаголических рукописей, а также первопечатных глаголических изданий¹⁸.

До настоящего времени считалось, что рукописная часть собрания состоит из пяти глаголических кодексов (четыре пергаменных и одного, написанного на бумаге) и пергаменных фрагментов¹⁹. Эти пять кодексов следующие (подробно они описаны О. И. Трофимкиной)²⁰: два Обрядника, переписанные монахом-францисканцем Шимуном Климантовичем — один в 1509 г., другой — в 1514 г.; часть Обрядника Ордена францискашцев,

¹³ Архив ГПБ, дело 1874 г., № 20, л. 1—1 об.

¹⁴ Там же, л. 4.

¹⁵ Архив ГПБ, Журнал исходящих бумаг, оп. 1а, л. 6 об.

¹⁶ См. А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. 1. СПб., 1879, с. 175.

¹⁷ Подробнее об исследовательской работе И. Берчича, с которой и были связаны поиски глаголических материалов, см. О. И. Трофимкина. Там же, с. 130—132.

¹⁸ Это собрание знали и о некоторых глаголических пергаменных материалах писали в своих работах слависты XIX и XX вв.: I. Milčetić. *Berčićeva zbirka glagoljskih rukopisa...*, RSI, knj. 2, 1955, s. 93—128; В. Ягич. *Глаголическое письмо*. СПб., 1914, с. 147—149 (*Энциклопедия славянской филологии*, т. 3, III); Н. Каринский. *Образцы глаголицы*. СПб., 1908, с. 7 и табл. 15, 16; Н. Каринский. *Памятники и вопросы древнеславянской письменности*, т. I. Юрьев, 1908, с. 39—40; V. Jagić. *Pop Ivan Berčić*. In: I. Vešić. *Dve službe rimskoga obreda*. Zagreb, 1980 и др.

¹⁹ См. опись, составленную отцом И. Берчича (ее копия в письме А. С. Будиловича — ОР и РК ГПБ, ф. 120, № 415, л. 2—3) и краткое описание этой покупки А. Ф. Бычкова в кн. Отчет ПБ за 1874 г. СПб., 1875, с. 70—71, а также О. И. Трофимкина. Там же, с. 133; I. Milčetić. *Ibid.*, s. 100—124.

²⁰ О. И. Трофимкина. Там же, с. 133—134; см. также I. Milčetić. *Ibid.*, s. 100—108.

написанного в 1529 г. монахом А. Чучковичем; сборник XV в., включающий житие блаженного Мавра-мученика, видение св. Бернарда, трактат о грехах, «чтение о злых женах» и др., и рукопись, написанная на бумаге²¹ монахом Петром Милутиничем в 1556 г., содержащая проповедь о почитании «святого воскресения» (ее последние листы, написанные позднее, представляют собой проповедь о жизни Иисуса).

Всего фрагментов — более 180 (около 280 листов)²². Это тексты так называемого «традиционного содержания»: здесь, главным образом, отрывки из служебников, часословов и др. богословских книг. Фрагменты объединены в два тома, получивших «фирменные» переплеты Публичной библиотеки (Берч., т. 1 и Берч., т. 2). Все они имеют пометы «В» и «М», обозначающие вид памятника (соответственно — «бревиарий» и «миссал»), определенный при изучении материалов самим И. Берчичем. Кроме того, на них указано, где, когда и от кого был получен ученым тот или иной фрагмент.

Интересно отметить, что в начале первого тома помещена фотография Ивана Берчича, сделанная фотографом Андровичем в Задаре, и следующая подпись: Pop Ivan Berčić začasni kanonik sborne crkve s. Jeronima u Rimu i prvostolne sv. Stošie u Zadru. Pravi član Jugoslavjenske Akademije u Zagrebu i dopisni Učenoga Društva u Biogradu. Naučitelj Bibličkih nauka, iztočnih jezika, i Slovinskoga staroga crkvnoga i novoga pučkoga na sredotočnoj za Dalmaciju katoličkoj bogosloviji u Zadru²³.

Краткое обозрение всех фрагментов дано (с пометами на них!) Мильчетичем, который большинство из них относит к XIV, XV и первой половине XVI в.²⁴ Несколько единиц он относит к XIII в. Первый вариант датировки текста дал еще сам И. Берчич. Однако в определении времени написания фрагмента Берч., т. 2, л. 68, который он датирует XII веком, его мнение расходится с мнением Мильчетича, относящим его к XIII в.²⁵

Вот в таком виде рукописная часть собрания И. Берчича и была известна всем славистам.

В неразобранных материалах Отдела рукописей и редких книг ГПБ был недавно обнаружен комплекс глаголических и кириллических рукописных материалов XV—XIX вв., написанных на бумаге, перемешанных с листками архивных материалов исследовательского характера. В результате их изучения автору данной статьи удалось доказать, что они являются составной частью коллекции И. Берчича. Основные тому доказательства получены при тщательном анализе указанных архивных материалов. Эти материалы появились в процессе научной обработки глаголических рукописей Берчичем, главным образом пергаменных фрагментов его собственной, хранящейся теперь в ОР и РК ГПБ коллекции.

Прежде всего, это транскрипции ряда глаголических пергаменных фрагментов, а также записки с указанием места и времени их обнаружения. Зачастую здесь указано и лицо, от которого получен тот или иной фрагмент.

Большинство этих транскрипций удалось отождествить с хранящимися в Отделе рукописей оригиналами фрагментов коллекции Берчича. Так,

²¹ Эта рукопись О. И. Трофимкиной ошибочно описана как пергаменная (см. О. И. Т р о ф и м к и н а. Там же, с. 134); она написана на бумаге XVI в. с водяным знаком «шляпа кардинала» (см. л. 12 и л. 27 рукописи).

²² У О. И. Трофимкиной значится «около 280 фрагментов». Ею каждый лист посчитан как отдельный фрагмент. См. О. И. Т р о ф и м к и н а. Там же, с. 133.

²³ Берч., т. 1, л. 1.

²⁴ См. I. M i l č e t i ć. Ibid., 108—124.

²⁵ См. I. B e r č i ć. Citanka staroslovenskoga jezika. «U zlatom Pragu», 1864, № 2, sv. IX—X, s. 33—34 (публикация текста); I. M i l č e t i ć. Ibid., s. 121.

есть транскрипции фрагментов: Берч., 1, л. 5—5 об., 20—20 об., 21—21 об., 65—65 об.; Берч. 2, № 18, л. 57, № 21, л. 61—61 об., 66—66 об., № 23, л. 69, № 24, л. 71—71 об., № 25, л. 72 об.

Большую часть записок также удалось соотнести с пергаменными фрагментами коллекции. На некоторых из этих записок есть подписи—автографы И. Берчича. Эти подписи и анализ почерка дают право говорить, что они, как и большинство транскрипций, составлены самим исследователем. Помимо того, сохранились транскрипции и записки, относящиеся к отсутствующим в данном собрании рукописям. Так, например, интересна записка с копией глаголического инициала, сделанная красными чернилами, со второй страницы так называемого «Пашманского» бревиария, хранящегося теперь в Архиве Югославской Академии наук в Загребе²⁶. Такие транскрипции и записки свидетельствуют о том, какие рукописи изучал И. Берчич, а, может быть, и о том, какие рукописи ранее входили в его собрание²⁷.

Обращает на себя внимание то, что несколько подобных записок осталось при фрагментах, к которым они относятся, и подклеены вместе с ними в уже известные два тома, составленные из этих фрагментов²⁸.

Почему же большинство из них оказались существующими отдельно, почему же и транскрипции были отделены, почему, вообще, вновь обнаруженная часть глаголических и кириллических рукописей не была до сих пор связана с основным пергаменным собранием И. Берчича, откололась от него? Можно лишь предположить, что, во-первых, при передаче в Публичную библиотеку все рукописи находились в беспорядочном, хаотическом состоянии. «Собрание это не находилось при жизни покойного Берчича в особенном порядке. За несколько дней до смерти он хотел заняться приведением в порядок своих рукописей», — сообщал А. Ф. Бычкову А. С. Будилович со слов Берчича-отца²⁹. Как видно, осуществить свое намерение И. Берчич не успел. При описании же материалов и их передаче в Публичную библиотеку было обращено все внимание на материалы, выделяющиеся своей стариной — на пергаменные кодексы и их фрагменты и на первопечатные глаголические издания. Вероятно также, что И. Берчич успел систематизировать лишь пергаменную часть своей коллекции, поэтому на нее и была составлена опись. Рукописи же, написанные на бумаге небольшого формата и даже просто на обрывках бумаги, да к тому же перемешанные, явились, вероятно, лишь «приложением» к собранию, а за-

²⁶ ОР и РК ГПБ, ф. 120, № 415. Небольшая работа (рукопись) И. Берчича о Пашманском глаголическом бревиарии, который он датировал 1312—1382 гг., находится в библиотеке францисканского монастыря в Главотке (о. Крк). См. Vj. S t e f a n i ć. Предисловие....

²⁷ В каталоге Штефанича в ряде случаев указывается, что рукопись «возможно из коллекции Берчича». Вероятно, сопоставив такие рукописи с хранящимися в ОР и РК ГПБ транскрипциями, можно более определенно в ряде случаев сказать об их принадлежности к собранию И. Берчича. Так, обращает на себя внимание примечательный факт: в черновом списке «Rukopisi glagoljske ilirskim narječjem» под № 25 у И. Берчича записан «Blagdanar 1506», полученный им в Првиче. В описании же рукописей собрания Югославянской Академии Штефанича под № 204 описан также «Blagdanar 1506» (IV а, 99). Более того, в конце описания сказано, что не установлено, когда и как рукопись попала в академическое собрание. Относительно указания в «Letopis Jugoslovenske akademije 1895, X, 167» о том, что «Blagdanar» был куплен из наследства И. Берчича, выражено сомнение и, наоборот, высказано предположение, что эта версия относится к «Disipul» (IV а, 95). Однако, если сопоставить все это со списком, составленным самим И. Берчичем, есть основания говорить, что данный «Blagdanar» происходит из его коллекции. Vj. S t e f a n i ć. Glagoljski rukopisi Jugoslavenske academic, dio I. Zagreb, 1969, s. 219—223.

²⁸ См., например, Берч., т. 2, л. 14, 49, 51, 54, 67.

²⁹ ОР и РК ГПБ, ф. 120, № 415, л. 3.

тем и просто были отделены, так как ни в каком даже самом кратком виде нигде не упоминаются при описании «собрания И. Берчича».

Родные И. Берчича составили опись, куда вошли, как наиболее ценные, пергаменные материалы и старопечатные книги, и в Петербурге все собрание и было принято согласно этому описанию. «Связку» же «бумаг» ученого прислали просто в виде приложения, так же, как затем отцом — М. Берчичем — были присланы в дар библиотеке три печатные работы сына.

К архивному материалу относятся и краткие черновые списки рукописей и книг коллекции, составленные самим И. Берчичем. В списки включены рукописные коллекции, написанные глаголицей и латиницей на старославянском и сербохорватском языках. Многочисленные рабочие пометы на них дают возможность уточнить характер и возраст некоторых материалов, получить дополнительные сведения о месте и времени их приобретения³⁰. Кроме того, они лишней раз показывают, над какими материалами (иногда отсутствующими в коллекции), работал И. Берчич. Итак, каковы же доказательства того, что все материалы являются составной частью собрания И. Берчича?

Начнем с указания на то, что несколько отрывков из обнаруженных кириллических материалов опубликованы И. Берчичем в его Букваре³¹ в качестве типичных примеров «босанчицы».

Затем, доказательства находим в его «архивной части»: а) почти все латинские транскрипции удалось соотнести с пергаменными фрагментами «старой» части собрания; б) то, что мы называем «записками», тоже, по большей части, удалось сопоставить с пергаменными фрагментами «старой» части (не говоря уже о том, что при некоторых фрагментах имеющих двух томов пергаменных фрагментов сохранились точно такие же записки, написанные тою же рукой); в) две записки имеют подпись — автограф И. Берчича; г) среди «архивных» материалов находятся несколько черновых списков пергаменных фрагментов, хранящихся в ОР и РК ГПБ в «старой» части коллекции. В эти списки попала и часть вновь обнаруженных материалов; д) здесь же сохранились и черновые списки первопечатных глаголических изданий собрания И. Берчича, хранящихся в секторе редких книг ОР и РК ГПБ.

³⁰ На основании помет И. Берчича на пергаменных материалах его собрания, а также дополнительных данных «заметок» и транскрипций, можно проследить маршруты (хотя и с пробелами и не очень точно) его поездок и сказать, что свою коллекцию он собирал более 15 лет. Уже в 1848 г. И. Берчич побывал на о. Првич (август), о. Углия (сентябрь), о. Црес (св. Мартин), о. Крк (Врбник); в декабре 1850 г. на о. Пашман (Ткон). В 1851 г. И. Берчич снова возвращается на о. Крк (Главоток) и о. Углия (Преко), а затем отправляется на о. Рава и на Дуги Оток (Брбинь). В декабре 1852 г. он опять обнаружил материал, вернувшись на о. Првич, где, вероятно, встречал Новый год, так как находка помечена 31 числом. В октябре 1853 г. приехал на о. Велики Иж и о. Крк (Главоток), в 1854 г. на о. Дуги Оток (Брбинь), в июле 1855 г. опять о. Углия (Куклица), а в июле 1856 г. — ездил за материалом в Кожин, в июле и октябре опять о. Углия (Углия, Кали, Сутомишчица), затем о. Пашман. В 1857 г. в мае был на Дугом Отоке (Солине, Савро). После 1857 г. — перерыв, и следующие сведения получаем о 1861 г., когда в июле Берчич снова был на о. Крк (Кассионе). В 1862 г. в феврале на о. Пашман (Ткон) и затем Дуги Оток (Жман) и Сплит. Очередной раз он отправляется на о. Углия (Куклица) в июле 1863 г., в ноябре на о. Крк (Добринь) и в Сплит. В 1864 г. — на о-ва Крк (март, Главоток), Раб (июль), Пашман (июнь) и в Бибинье. 1865-м годом помечены только задарские находки. В 1866 г. он был в марте и августе на Дугом Отоке (Жман), в декабре возвращается сюда же (Сали) и затем — на о. Раб. В августе следующего 1867 г. опять — о. Раб, а в феврале 1869 г. — о. Крк (Ткон). Кроме того, за это время Берчич находил материал в монастырях Задара, в Бетине (о. Миртер), на о. Олиб, о. Корчула, Спешской Полице. Как видно из перечня, И. Берчич во многих местах бывал неоднократно и больше всего материала собрал на островах, близких к Задару, где он жил.

³¹ I. B e r č i ć. Bukvar staroslovenskoga jezika glagoljskimi pismeni na čitanju crkvenih knjig. «U zlatom Pragu», 1862, s. 79—80 (a, b, c.).

Итак, собрание И. Берчича пополняется следующими материалами. Это различные документы, письма, проповеди, молитвы и другие материалы, написанные почти все на сербохорватском языке угловатой глаголицей и босанчицей (разновидность кириллицы, употреблявшаяся католическим населением Боснии) и несколько единиц — латиницей. В отличие от книжного унциального письма уже известной пергаменной части собрания, все эти материалы написаны скорописью и не на пергамене, а на бумаге. (Необходимо отметить, что до настоящего времени в фондах ОР и РК ГПБ не значились рукописи глаголического курсива.)

Воссозданное собрание И. Берчича увеличилось на 51 глаголическую рукопись. Среди них выделяются, прежде всего, подлинные датированные акты XV и XVII веков. Это два завещания: от 12 января 1460 г. дом Петра, сына Микулы Кршавича из селения Штипани Луци на Велом отоке (-Дуги оток); и второе, от 12 мая 1472 г., некоего Брайко, завещающего «черную шапку суконную», «плащ и берет», «синий плащ» и другие свои вещи настоятелю францисканского монастыря брату Ивану и другим специально перечисленным лицам. К XVII в. относится «Соглашение», составленное в день св. Екатерины (24 ноября) 1635 г., о передаче в вечнонаследственное владение монастырем св. Екатерины Матии Вуковичу раскорчеванного им участка земли «за церковью» при условии выплаты 1/6 всего (урожая).

Эти глаголические документы имеют тем большее значение, что написанного глаголицей актовое материала, как подчеркивает Е. Э. Гранстрем, сохранилось от средневековья чрезвычайно мало³²; что касается Далмации, то среди общего небольшого числа его еще меньше в связи с историческими условиями существования данной территории.

Интересен и комплекс материалов так называемого традиционного содержания. В своем большинстве это проповеди на стихи евангельских глав, а также на библейские сюжеты. Из 41 проповеди несколько датировано 1750—1780 годами: на обороте последнего листа проповеди на ев. Луки 21, 27, по всей видимости, владельческая запись «1756 г.»; переписка проповеди на ев. Матфея 11, с закончена, как указывает запись на последнем листе, 29 октября 1781 г.; на обороте последнего листа проповеди на ев. Луки 2, 10—11, вероятно, также владельческая запись «1782 год». Исходя из анализа почерка и бумаги, можно к XVIII в. отнести и все остальные проповеди. На многих из этих проповедей есть записи о том, в какие дни они произносятся: «в неделю первую великого поста» (ев. Матф. 4, 1—2), «в неделю четырнадцатую после троицы» (ев. Матф., 6, 24), «говорение на „сидмодесетницу“» (ев. Матф. 20, 4), «на обрезание» (ев. Лук. 2, 21), «на день св. Ивана Крестителя» (ев. Лук. 1, 66), «на Рождество» (ев. Лук. 2, 67) и так далее. К XVIII же веку, по всей видимости, относятся и запись Дон Томе Шешегла из Заглава о совершении двух месс за семью Миличей, поминальная записка с рядом имен, записка с перечнем святых (?), духовные стихи на тему о причащении, перечень грехов, составленный для епископа задарского неустановленным лицом³³.

Новым для фондов ОР и РК ГПБ типом письма является курсивная босанчица (употребляемая католиками в Боснии и отличающаяся от кириллицы написанием нескольких букв — «б», «в», «д», «ц») ³⁴, которой на-

³² См. Е. Э. Гранстрем. О происхождении глаголической азбуки. Труды отдела древнерусской литературы, т. XI. М.—Л., 1955, с. 303.

³³ Все глаголические материалы получают более полное освещение в специальной статье, посвященной глаголическим рукописям ОР и РК ГПБ.

³⁴ Краткое (одно из первых) описаний босанчицы, «босанскую азбуку» и ряд примеров этого письма на образцах рукописей, в том числе и из своей коллекции, дал И. Берчич в своем Букваре: I. В е г љ и њ. Bukvar..., s. 70—84.

писаны 18 из вновь обнаруженных рукописей. Эти материалы выделяются не только тем, что подобных им не значилось в описях ОР и РК; таких материалов сохранилось немного и в архивах Югославии, если судить по выпущенным к настоящему времени каталогам и описаниям.

Наиболее обширна среди этих 18 рукописей эпистолярная часть. Два из этих писем относятся к средневековью. Первым в хронологическом ряду этого комплекса является письмо некоего Боца от 13 сентября 1538 г., адресованное Антону Бросквичу, Миколу Чирдару и Шимону Боршичу. Интересно, что фрагмент именно этого письма помещен в качестве примера босанчицы в Букваре И. Берчича³⁵.

Более столетия спустя поп Микула Бобетич обратился с письмом к Антонию Филипповичу — протоиерею в Незесиче с просьбой о принятии в монастырь указанного в письме лица (без имени). Письмо написано в Драченицах в августе 1685 г.³⁶

Особое внимание обращает на себя комплекс из 8 писем, интересных не только с лингвистической и палеографической точек зрения, но весьма примечательных и с исторической. В XVIII в., к которому они относятся, территория прибрежной Далмации находилась под властью Венецианской республики, горная Босния — под властью турок. Сохранившиеся письма (7 из них) посланы из горной — в прибрежную, т. е. из Босанского пашалыка в область, занятую Венецией; написаны они представителями власти Островачской и Бихачской областей (капитаний), адресованы же «сердару» шибеникскому (и скрадинскому) Павасовичу и рассказывают о весьма своеобразных отношениях между этими пограничными областями, находившимися под властью различных государств. Пять писем написаны от имени Махмуда ибн Салиха, капитана Островачкой капитании в 1722—1726 гг. В них говорится о пограничной схватке, в которой был ранен и пленен родственник Махмуда ибн Паши Омара-ага. Автор писем просит Павасовича о помощи раненому, благодарит за оказанную заботу, сообщает об отправке продовольствия, лошади и завершает все приветами жене и детям адресата. В двух других его письмах речь идет о денежных расчетах с кметом, краже воска и выявлении ее виновника.

Ахмед ибн Юсуф, капитан г. Бихач и бихачской капитании в письме, которое можно датировать 1727—1728 гг., обращается к «сердару» скрадинскому с просьбой отдать долг за его (сердара) подчиненного Петра.

Восьмое письмо этого комплекса написано значительно позднее — в 1794—1795 гг. Салих пашой Куленовичем некоему Цирногаче и касается обмена товарами и денежных взаимоотношений.

Хотя письма написаны представителями турецкой власти, носящими турецкие имена (о национальной принадлежности говорить трудно), но на сербохорватском языке и босанчицей, они все же имеют элемент турецкой дипломатики: на левом поле каждого из них присутствует «тугра» — графическая форма имени автора письма, употребляемая в османских документах. Кроме того, на шести — печатка (пять из них — оттиски перстня) с турецким текстом, по которым и дана приблизительная датировка писем. (Приблизительная, так как такая печатка-перстень с датой употреблялась в течение нескольких лет.) Точная дата поставлена только на одном письме от 15 октября 1726 г. Махмуда ибн Салиха, в котором он обращается к Павасовичу с просьбой расследовать дело о краже воска.

³⁵ Ibid., s. 79.

³⁶ В каталоге кириллических рукописей Югославянской Академии В. А. Мошина под № 98 помещено описание письма Дон Микулы Бобетича от 26 февраля 1698 г. Можно предположить, что оба эти письма написаны одним и тем же лицом, тем более, что письма, хранящиеся в Югославском архиве, — из коллекции Кукулевича, к которому попал ряд материалов И. Берчича. См. V. M. o š i n. Cirilski rukopisi Jugoslavske Akademije, dio 1. Zagreb, 1955, s. 151—152.

Из этого комплекса фрагмент одного письма — Ахмеда ибн Юсуфа — И. Берчич опять же приводит в своем Букваре также в качестве примера этого типа босанчицы³⁷.

Босанчицей написаны, помимо этих восьми, еще два, но более поздних письма. В письме от 10 мая 1811 г. Юрай Пейкович обращается с просьбой к неустановленному лицу, но явно высшему по сану, разрешить задержку возврата денежной суммы, числящейся за их канцелярией. Второе письмо принадлежит Гаджибеку Куленовичу, который сообщает майору Лишицу «о рождении у царя (какого?) сына». Письмо не датировано, но, судя по бумаге, можно предположить, что оно написано в начале XIX в. Кроме того, на письме имеется помета «май 1822 г.» (может быть, кем-то установлена дата?).

Комплекс материалов так называемого традиционного содержания, написанных босанчицей, менее обширен, чем глаголический. Их насчитывается всего шесть единиц: «Слово на Успенье богородицы», «Слово на Великую пятницу», «Слово в среду первой недели поста», «Слово о богородице» и «Молитва и проповедь против блуда». Все эти тексты предположительно могут быть отнесены к XVIII в. На тексте «Слова на Великую пятницу» есть две пометы на л. 2: «1756» и «1805». Точную датировку имеет лишь одна проповедь «у недилу парву дошастья 1745».

Латиницей написано всего 10 единиц. Они, как и глаголические и кириллические материалы, первым в своем ряду имеют средневековый документ. Это послание главы доминиканского ордена Далмации Юрая Старьяничча (Gregorius Anticvarius) монахиням-доминиканкам церкви св. Димитра, вызванное отступлением некоторых сестер от норм монастырского поведения. Написано оно в Задаре на сербохорватском языке в феврале 1555 г.

Один из материалов этой «латинской» группы относится к новому для всего собрания типу документов. Ко второй половине XVIII в. венецианские власти начали усиленно регламентировать все стороны жизни населения занятой Венецианской республикой части Далмации. С этим было связано появление различных постановлений, распоряжений, правил, регламентаций. Именно к этой сфере «венецианской деятельности» относится распоряжение венецианского правителя Задара Жуана Моро о соблюдении жителями города и его окрестностей правил гражданской и уголовной юрисдикции, ряда условий торговли и т. п. Написано оно было 15 ноября 1762 г. на итальянском языке и имеет параллельный текст на сербохорватском. Эти два документа особенно интересны с исторической точки зрения.

Остальные материалы уже известного нам типа и в ряде случаев представляют собой лишь транскрипции глаголических либо босанских рукописей. Такова латинская транскрипция письма Алай бега Атлагича скрадинскому «сердару» Петру о вооруженной стычке людей Алай бега и Петра с предложением обмена военнопленными, написанного в Ливно 13 октября 1785 г. на сербохорватском языке. Оригинал, скорее всего, был написан босанчицей. (Основания к такому предположению дает комплекс рассмотренных выше писем, написанных босанчицей, к «сердару» скрадинскому от капитанов боснийских.)

Четыре текста — духовного содержания. Исходя из того, что такие материалы есть в коллекции Берчича в глаголическом и кириллическом написании, можно предположить, что по крайней мере три единицы — копии в латинской транскрипции: духовное песнопение «О, Иезу, чи спивай вирно», отрывок литании Богородице и «Антифон на величание», бого-

³⁷ I. B e r ĉ i ć. Bukvar..., s. 80 (с.)

служебные песнопения (2) в честь мучеников и молитва об очищении от грехов. Ни один из этих текстов не датирован. Можно предположить, что они относятся к концу XVIII — началу XIX в. Одна молитва, «Молитва об избавлении от дьявольского лукавства», имеющая квадратную нотацию, может претендовать на название «подлинной записи». Написана она не только на сербохорватском, но и на латинском языках.

Весьма любопытна записка некоего Ветрича, который не зашел к исповеди перед венчанием, о чем он и сделал запись на обрывке бумаги в 1844 г. на сильно италянизированном сербохорватском языке.

Все рассмотренные рукописи представляют несомненный интерес как с точек зрения исторической и этнографической, так и лингвистической и палеографической. Собраны они, как и пергаменные материалы собрания И. Берчича, в различных областях Далмации. Они (как глаголические, так и кириллические) отличаются не только диалектными особенностями языка, но и типами письма.

Эти рукописи значительно обогатили фонды ОР и РК ГПБ, не только численно увеличив количество глаголических и босанских памятников Отдела, но сделав их более разнообразными, так как до сих пор в фондах значились лишь глаголические рукописи богослужебного характера книжного письма, но не значилось глаголического актовое (да еще средневекового датированного) материала. Кроме того, не значилось ни глаголических, ни босанских рукописей курсивного письма.

Вот в таком составе предстает перед нами теперь рукописная часть собрания Ивана Берчича в его полном восстановленном виде. Теперь о нем уже надлежит говорить не как о собрании лишь пергаменных глаголических материалов, но как глаголических и кириллических (босанских) рукописных памятников.

Это собрание глаголических (одно из лучших среди европейских архивохранилищ) и босанских рукописей И. Берчича, без сомнения, должно заинтересовать специалистов, оно даст прекрасный материал для лингвистических, палеографических и исторических исследований. В настоящее время эти материалы подготавливаются к публикации.

Кроме того, это собрание имеет вторую часть, состоящую из старопечатных глаголических книг, и сообщение о собрании И. Берчича без пусть даже краткого упоминания о них не может быть завершено.

Собрание старопечатных глаголических книг И. Берчича в ОР и РК ГПБ является одним из наиболее полных такого рода собраний. Недавно оно было описано специалистом в области первопечатных книг глаголического шрифта А. А. Крумингом³⁸. По его сведению, «общее число глаголических изданий очень невелико: в XV—XVIII вв. напечатано всего лишь 60 книг и листовок»³⁹. В настоящее время, по его заключению, «коллекция глаголических книг ГПБ, несомненно, одна из лучших в мире»⁴⁰. Действительно, она насчитывает 36 названий, и основную ее часть составляет собрание старопечатных книг И. Берчича, содержащее 33 издания⁴¹.

³⁸ А. А. Круминг. Предварительный список старопечатных изданий глаголического шрифта XV—XVIII вв. В кн. В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические указания, вып. 2. М., 1977; е г о ж е. Славянские старопечатные книги глаголического шрифта в библиотеках СССР. В кн. Проблемы рукописной и старопечатной книги. М., 1976, с. 101—125.

³⁹ А. А. Круминг. Славянские старопечатные книги..., с. 103; в своей следующей работе автор говорит уже о 62 изданиях. См. его «Предисловие» к Предварительному списку..., с. 3.

⁴⁰ А. А. Круминг. Славянские старопечатные книги..., с. 103.

⁴¹ А. А. Круминг. Предварительный список..., с. 4—41.

Среди них надо назвать, прежде всего, «Миссал», изданный в год рождения глаголического книгопечатания — в 1483 г. (Венеция? Изола? Косинь? Модруш? Анонимная глаголическая типография). Это первое из известных до сих пор глаголических изданий и значится в «Предварительном списке старопечатных книг изданий глаголического шрифта...» А. А. Круминга под № 1. Затем «Миссал» 1494 г. издания (Сень), помещенный в этом списке под № 4. Известны всего два его экземпляра, хранящиеся в ГПБ в Ленинграде и в Национальной библиотеке в Будапеште. Также известно всего два экземпляра и такого издания, как «Искусство благочестиво умирать» (1507—1508) — в ГПБ и в Загребе («Предварительный список...», № 7). А такие издания, как «Молитвы, читаемые в продолжение мессы. 1764. Венеция» («Предварительный список...», № 50) и «Благословение воды, вмешиваемая в чашу. Молитва „егда омывает руке“. Конец XVIII в. Рим» («Предварительный список...», № 58) — согласно последним сведениям, сохранились только в собрании И. Берчича в ОР и РК ГПБ.

Кроме того, среди печатных материалов собрания И. Берчича находится *Vikovgnjak* (Берч., 26 по шифру сектора Редких книг ОР и РК ГПБ), изданный в 1788 г. латиницей.

Как можно видеть, коллекция глаголических памятников Ивана Берчича является едва ли не лучшей среди прочих такого рода коллекций.

Г. П. КЛЕПИКОВА

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ЕДИНИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ И В СОВОКУПНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

Исследования последних лет, ведущиеся в области описательной диалектологии (главным образом труды московских диалектологов, исходящих из теоретических положений, разработанных Р. И. Аванесовым), усилили интерес к проблеме специфики различных типов языковых систем и соотношения между ними, — в частности, к тому, что объединяет и различает, например, такие системы, как система литературного языка (СЛЯ) и система одного говора (частная диалектная система — ЧДС), каково соотношение между СЛЯ и системой диалектного языка (СДЯ), а также между ЧДС и СДЯ и под. ¹

Очевидны различия между литературным языком и диалектной формой языка в плане функционирования и социально-общественной характеристики. Так, литературный язык функционирует в письменной и устной формах, территориально не дифференцируется, социальная престижность литературного языка в масштабах национального государства поддерживается рядом мер, он отличается относительной стабильностью. Напротив, диалектная форма языка функционирует только как устная, имеет территориальную отнесенность, характеризуется сниженным социальным престижем, является, по сравнению с литературным языком, более подвижной, изменчивой и т. п. Однако если оставить в стороне различия внелингвистического порядка, то оба идиома — литературный язык и диалект (resp. диалекты) — с собственно лингвистической точки зрения могут быть интерпретированы как равноценные, равнозначные объекты. Л. Э. Калнынь пишет в этой связи: «... если оперировать только лингвистическими понятиями, абстрагируясь от экстралингвистических показателей, ... то нельзя сформулировать различие между языком и говором». И далее: «понимание языка и диалекта (говора) как разных категорий актуально лишь в лингвистическом исследовании, учитывающем экстралингвистические показатели» ². Таким образом литературный язык и диалект могут быть трактованы как реальности, непосредственно данные в речи и выполняющие главную, коммуникативную, функцию; каждый из указанных идиомов представляет языковую систему, получающую реализацию в речи определенного коллектива (ограниченного для диалекта и практически неограниченного для литературного языка). Для СЛЯ и ЧДС присуще

¹ О понятиях и терминах «частная диалектная система», «диалектный язык» см. в кн. Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 8, 9—12, 14 и сл.

² Л. Э. К а л н ы н ь. О некоторых приемах моделирования частной диалектной системы. ОЛЯ. Материалы и исследования. 1972, М., 1974, с. 5.

однозначное соответствие тексту, когда языковая система соотносится с одной разновидностью (формой) речи.

Множество ЧДС (континуум диалектов), функционирующее в рамках национального языка, также интерпретируется как система (а не простая сумма ЧДС) — это или диалектный язык в целом, или его фрагмент. Система диалектного языка — это система систем (макросистема). Поэтому СДЯ и ЧДС представляют разные уровни абстракции и не сопоставимы в одной плоскости³; первая определяется как чисто научное построение, не имеющее, в отличие от ЧДС, например, однозначного соответствия в речи и соотносящееся с речью через конкретные ЧДС. Общее для СДЯ и ЧДС состоит в возможности видеть в них модели, характеризующиеся изоморфизмом их устройства, а именно — наличием в них общих и вариативных звеньев. Правда, вариативность в ЧДС оценивается коллективом говорящих как существование эквивалентных, допустимых нормой данного диалекта средств выражения плана содержания; вариативность в СДЯ выступает прежде всего как маркированная в территориальном аспекте; именно потому, что члены диалектных различий обладают разной территориальной отнесенностью, они не реализуются в пределах одной ЧДС⁴.

Таким образом, из сказанного следует, что системы типа СЛЯ и ЧДС могут рассматриваться как единичные; системы типа СДЯ (или его фрагменты) — как совокупность определенным образом организованных единичных систем.

Обращение к изучению явлений в совокупности единичных языковых систем, в данном случае — в совокупности ЧДС, означает прежде всего расширение самого объема исследуемого материала за счет введения пространственной его характеристики; при изучении СЛЯ и ЧДС указанный параметр оказывается «выключенным».

1. Даже в случае, когда стоит задача изучения отдельного, изолированного явления (а постановка задач такого рода представляется закономерной), например, изучение отдельного лексического (resp. семантического) явления в совокупности ЧДС⁵, объект исследования усложняется. Так, на содержащийся в вопросе любого атласа вопрос «Как называется предмет *x*?» исследователь получает некоторое количество достаточно «простых» ответов — слова *a*, *b*; *c*, *d* ... Однако эта простота может быть кажущейся — применительно к каждой, отдельно взятой ЧДС. Относительно же континуума диалектов, диалектного пространства (или его фрагмента) сумма «простых», «атомарных» слов-ответов как правило порождает проблему их взаимного соотношения, установления между ними связей и отношений (конечным, но не обязательным результатом подобного анализа является его техническая экспликация на плоскости — картографирование). Так, ответы могут манифестировать непротивопоставленные (лексические) диалектные различия, отраженные в несоотносительных

³ Л. Э. К а л ы н ь. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. Автореферат докт. дисс. М., 1976, с. 7, 9.

⁴ Л. Э. К а л ы н ь. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект». Изв. ОЛЯ АН СССР, т. 35, 1976, с. 43.

⁵ Целесообразность и полезность — в определенных случаях — такого подхода к изучению отдельных лексем (семем) нельзя отрицать. Сказанному несколько не противоречат идеи известной программной статьи Н. И. Толстого «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава». («Вопросы языкознания», 1963, № 1) и работ его последователей. Указанная статья может рассматриваться как polemически заостренная реакция на абсолютизацию принципа «атомарного» подхода к изучению лексико-семантической сферы в практике диалектологических исследований и вместе с тем — как обоснование перспективности системного изучения лексики и семантики (в составе макрополя).

различительных элементах, в основе чего обычно лежит противопоставление языкового факта, явления в одной ЧДС отсутствию соответствующего факта, явления в другой ЧДС⁶; иногда во ввелингвистическом плане этому может соответствовать и этнографическое противопоставление — наличие предмета, реалии: отсутствие ∞⁷.

В большинстве случаев исследователь имеет дело с противопоставленными (лексическими) диалектными различиями, чему соответствуют соотносительные различительные элементы; в свою очередь противопоставленные диалектные различия могут быть также неодинаковыми по характеру — выделяться на базе семантической общности и на базе общности корневой морфемы⁸.

Таким образом, казалось бы, изолированно изучаемые в континууме диалектов факты типа перечисленных выше уже в процессе обработки, анализа, эвентуально — и картографирования, подвергаются известному упорядочению (структурированию)⁹.

2. Неизмеримо более сложной представляется задача изучения лексики и семантики в диалектном континууме, если целью исследования является установление и описание парадигматических и синтагматических связей групп лексем (в частности, выступающих в качестве альтернатив в определенном семантическом пространстве). Можно предположить, что лексико-семантическим штудиям такого характера должна предшествовать переформулировка и уточнение ряда основных понятий, категорий, которыми оперирует исследователь, ибо несомненно, что «все основные понятия разрабатывались лишь в применении к отдельной частной языковой системе (пусть даже такой, как система литературного языка), но не к диалектному языку как целому, который представляет собой своеобразную систему частных диалектных систем»¹⁰. По нашему мнению, такие уточнения могут касаться понятий (и терминов) «синонимия», «омонимия», «полисемия» и под.

Определение указанных понятий и анализ самих явлений в литературном языке (СЛЯ), а также критический обзор существующих (и существующих)

⁶ Ср. случаи, когда у носителей различных говоров имеется определенное понятие, однако в одних ЧДС для него есть специальное слово, а в других оно отсутствует; например, слово *вёдро* 'хорошая погода' известно лишь некоторым русским говорам, хотя понятие 'хорошая погода', несомненно, существует во всех говорах. Как сходные с указанным рассматриваются и случаи, когда в одних диалектах могут выражаться видовые понятия, а в других существуют названия лишь для родовых. Так, в русских говорах известны названия для родового понятия 'стерня' (независимо от вида злака-родителя на данном участке), однако в некоторых русских говорах зафиксированы названия для видов стерни — в зависимости от культуры, убранной с данного поля (подробнее см. в кн. Вопросы теории..., с. 12—13, 152—153, 157 и сл.). Подобные явления, в иной терминологии, определяются как различная сегментация внеязыковой действительности (Н. И. Т о л с т о й. Там же, с. 39, 42).

⁷ Примером этого является наличие в некоторых русских говорах названий для берестяного сосуда для жидкости (*бурак, тус, жбан* и др.) и отсутствие их в других говорах, сопровождаемое отсутствием в данном ареале и самого предмета. Иногда выявляются такие соотношения разнодиалектных слов, которые характеризуются не столько семантической, сколько функциональной общностью, и, следовательно, не являются эквивалентными; например, названия построек для сушки снопов в русских говорах могут сильно различаться в зависимости от конструктивных особенностей (*сарай, пуня, клуна*) (подробнее см. в кн. Вопросы теории..., с. 13, 17, 157).

⁸ «Вопросы теории...», с. 14—18, 160—171.

⁹ В частности, по отношению, например, к картографированию кажется справедливым следующее высказывание: «...выявление и интерпретация ареалов имеют в лингвистике... большую эвристическую ценность. Картографирование не является простым приемом повышения степени наглядности тех или иных фактов..., а выступает в качестве способа их систематизации и сопоставления» («Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974, с. 4).

¹⁰ «Вопросы теории...», с. 147, также с. 8.

вавших прежде) точек зрения на эти явления содержится в многочисленных лексикологических работах, в том числе опубликованных и в СССР. В них можно найти и некоторые новые формулировки, которые считаются более удачными и полными по сравнению с предшествующими определениями. В качестве примера остановимся несколько подробнее на проблеме синонимии. Д. Н. Шмелев, описывая это явление в русском литературном языке, предлагает учитывать два принципа: 1) тождественность (или близость) значений слов и 2) взаимозаменяемость слов, понимаемую не как возможность, а как необходимость («принудительная взаимозаменяемость») ¹¹. «Синонимами являются, — пишет он, — не слова вообще, а слова в определенных значениях, определенных типизированными контекстами их употребления. Синонимы — это слова, несовпадающими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определенной позиции. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществляется их взаимозамена» ¹² и т. д. Как известно, обычно при рассмотрении синонимии фиксируется внимание лишь на близости значений, обратимся ли мы к определению Ш. Балли (синонимией называют «обширную область оттенков смысла», «чтобы показать, что нечеткая аналогия преобладает над различием») ¹³ или к такому определению: «синонимы в плане семасиологии — это все же тождественность, но тождественность не слов, а отдельных элементов их смысловых структур..., то, что не позволяет ставить знак равенства между синонимичными словами, это не оттенки значения или какие-либо другие смысловые расхождения их семантических объемов, ... это — единственное различие семасиологического порядка и оно не качественное, а количественное, остальные различия связаны со стилистикой» ¹⁴. Напротив, описание семантики глагольных единиц, принятое на основе анализа их синтаксических свойств, потребовало иного определения явления синонимии, синонимов — синонимическими следует называть «трансформации, в которых меняется предложно-падежная форма не более, чем у одного непроизводного существительного из числа имеющих в данной фразе» ¹⁵.

Аналогичным образом мог бы быть рассмотрен в системе литературного языка и подход к изучению омонимии (соответственно — полисемии). В СЛЯ омонимы обычно трактуют как «звуковое тождество самостоятельных слов, имеющих различные, не связанные друг с другом значения» ¹⁶; важнейшей при этом является проблема разграничения омонимии и многозначности слова, поскольку «нет оснований заранее считать каждую номинативную функцию одной и той же единицы значением различных слов. Наоборот — надо доказать, что такие-то различия, несмотря на то, что они выражаются той же материальной единицей, принадлежат не одному слову, а разным словам» ¹⁷.

¹¹ Д. Н. Ш м е л е в. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 118.

¹² Там же, с. 129—130.

¹³ Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 192.

¹⁴ С. Г. Б е р е ж а н. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973, с. 87.

¹⁵ Ю. Д. А п р е с я н. Экспериментальное исследование русского глагола. М., 1967, с. 64; ср. «синонимы, синонимические высказывания — равнозначные относительно определенной ситуации» (с. 11).

¹⁶ Д. Н. Ш м е л е в. Там же, с. 74—75, 81; ср. также «Омонимами называются два знака, имеющих тождественные означающие и различные означаемые». Ш. Б а л л и. Там же, с. 189.

¹⁷ Там же, с. 74.

В диалектологической литературе, применительно прежде всего к единичной системе (одному говору), также можно встретить близкие определения явлений синонимии и омонимии¹⁸.

Необходимость различать явления синонимии, омонимии и под. в системах, оцениваемых как равные самим себе (СЛЯ, ЧДС) и как содержащие общие (тождественные) и вариативные звенья, осознается прежде всего исследователями, которые обращаются к изучению совокупностей единичных языковых систем, — идет ли речь именно о диалектном континууме, т. е. о совокупности ЧДС, для которой релевантен признак «пространственная непрерывность» (ареальность), — при том, что изучаются не все пункты ареала, а лишь часть их, в зависимости от принятой густоты сетки обследования, что и дает основание картографировать полученные результаты, например, в трудах по лингвогеографии, или же речь идет о совокупности ЧДС, для которой указанный признак признается нерелевантным, — в случае, если ставятся чисто типологические задачи.

Можно указать работы, в которых — применительно к диалектному континууму — явления синонимии, омонимии и др. рассматриваются как имеющие некоторые существенные специфические черты. Так, если в единичной языковой системе, как указывалось выше, синонимы — это прежде всего слова с близкими значениями, а полное совпадение их практически невозможно¹⁹, то в совокупности ЧДС явление «абсолютной» синонимии (полное совпадение означаемых) оказывается вполне обычным; то же может быть сказано и об омонимии²⁰.

Одновременно в некоторых таких работах наблюдается стремление использовать принципиально иную, чем в отношении к гомогенной языковой системе (СЛЯ, ЧДС), терминологию, которая учитывает особую классификацию явлений, отмечаемых именно в диалектном континууме. Например, московские диалектологи широко используют в этой классификации дихотомический принцип (существование противопоставленных и непротивопоставленных явлений — см. выше) и как правило избегают терминов «синонимия», «омонимия» и под. применительно к совокупности единичных систем.

Другой характерной чертой рассматриваемых явлений в континууме диалектов оказывается реализация следующего принципа: «разные члены одного соответствия являются... взаимоисключающими в одной ЧДС и напротив — замещающими друг друга в разных ЧДС»²¹; в то же время такой принцип (признак) как взаимозаменяемость (в понимании Д. Н. Шмелева — см. выше), организующий парадигматические отношения в лексико-семантической сфере (в частности, в случаях синонимии), в масштабе совокупности ЧДС практически не действует.

Тенденция к разграничению явлений синонимии (resp. омонимии) усматривается в новейших работах по болгарской диалектной лексикологии. Имеется в виду учение о «диалектных лексических множествах» (ДЛМ — «слова, которые называют один и тот же предмет, объединенные общим значением», «объединение всех территориально ограниченных лексем —

¹⁸ Так, в болгарской диалектной лексикологии синонимичными называют тождественные или близкие значения смысловой структуры сравниваемых слов, омонимы — это слова «с одинаковой формой и различной смысловой структурой»; большинство их оценивается как результат случайных совпадений. Ср. болг. диал. *л'аф* [хлѣвъ 'хлев']: *л'аф* [лѣв-ни 'левый'] и под. И. К о ч е в, Гребенскийят говор в Силистренско. София, 1969, с. 160, 174).

¹⁹ По-видимому, можно согласиться с утверждением, что «подлинных синонимов в действительности не существует» (Л. Б л у м ф и л д. Язык. М., 1968, с. 148).

²⁰ По определению Н. И. Толстого, синоним — это одна семема, соответствующая двум лексемам, омоним — одна лексема, соответствующая двум семемам (Н. И. Т о л с т о й. Там же, с. 30).

²¹ «Вопросы теории...», с. 13, 15, 153, 158 и сл.

названий одних и тех же предметов или явлений» и под.) и «диалектных семантических множествах» (ДСМ — «объединение всех территориально ограниченных диалектных значений одной лексемы» и под.), которое впервые было сформулировано М. Младеновым²², а затем нашло отражение в ряде работ болгарских лингвистов²³.

В западноевропейском языкознании понимание специфичности явлений синонимии (resp. омонимии) в континууме диалектов находим, например, в работах Я. Гоосенса, который пользуется при этом терминами гетеронимия, гетероним (слова с одинаковым значением в различных системах, в различных говорах) и гетеросемия (явление, при котором одна языковая форма имеет различные значения в дивергентных системах)²⁴.

Иная тенденция заключается в том, что различие в сущности самого явления синонимии (омонимии) и под. в единичной системе и в совокупности единичных систем не акцентируется на уровне использования особой терминологии; в этом случае говорят о диатопической синонимии, диатопической омонимии²⁵, о междиалектной синонимии и омонимии²⁶, изучается «разнодиалектная межсистемная синонимия» и «внутрисистемная синонимия»²⁷ и под.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что далеко не все лингвисты, исследующие лексико-семантическую сферу диалектов, разделяют точку зрения о существовании явления синонимии (resp. омонимии) в диалектном континууме, в совокупности единичных языковых систем и далее — о принципиальной возможности изучать эти явления в наддиалектном масштабе, за пределами одного говора (или — одного идиолекта). Одним из последних примеров такого рода является книга Т. С. Коготковой «Русская диалектная лексикология» (М., 1979). Следуя за Ф. П. Филиным²⁸, Т. С. Коготкова видит в синонимии «не только семантическое наложение единиц синонимического ряда, но и объединение синонимизирующихся элементов общей речевой практикой, скрепление их системно-семантической корреляцией»; автор выражает решительное сомнение в существовании явления «междиалектной синонимии», по ее мнению, в этом термине «недопустимо подменяется одно явление (внутрисистемное) другим, базирующимся на локальных признаках семантически соотносенных диалектных слов»²⁹. И далее: «...чем обширнее берется территория при изуче-

²² М. Младенов. Типове лексикални различия в източните български говори. Славистичен сборник. София, 1968, с. 261—274; е го ж е. Диалектните лексикални различия и причините за тяхното появяване. «Славистичен сборник». София, 1978, с. 223 и сл.

²³ Ср. В. Радева. Седкостопанската лексика на централния балкански говор. Българска диалектология. Проучвания и материали, кн. IX. София, 1979, с. 107, 82, 210 и др.; Х. Холмичев. Диалектната лексика в Тълковния речник на националния език. Славистичен сборник. София, 1978, с. 169—170.

²⁴ J. Goosen. Strukturelle Sprachgeographie. Heidelberg, 1969, S. 99. Ср. также существование в чешской лингвистической терминологии термина *tautonyma*, определяемого как «разные слова с одинаковым значением, принадлежащие разным языковым областям» («Slovník spisovného jazyka českého». Praha, t. III, 1966, s. 777.

²⁵ Х. Холиолчев. Там же, с. 169.

²⁶ Г. П. Клепикова. О карпато-балканской терминологии горного ландшафта. I. «Вопросы географии», вып. 81. М., 1974; е е ж е. Славянская папушеская терминология. М., 1974, с. 224.

²⁷ «Вопросы теории...», с. 151.

²⁸ Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.—Л., 1936, с. 164; е го ж е. О составлении диалектологических словарей славянских языков. В сб. Славянское языкознание. М., 1963, с. 328.

²⁹ Т. С. Коготкова. Русская диалектная лексикология. М., 1979, с. 99—100, 102; ср. и такие высказывания: необходимость «разграничить синонимы как единицы внутрисистемной организации лексики и внешне сходные с ними лексические параллели (эквиваленты)»... (там же с. 104) и др.

нии проблемы синонимии (и однородность, вернее односистемность ее всякий раз надо доказывать...), тем меньше строгость самого синонимического анализа, тем больше отход к проблеме междиалектного лексического варьирования, т. е. к проблеме частично лингвогеографической³⁰. Из сказанного следует, что Т. С. Коготкова (а также другие исследователи, в том числе русисты-диалектологи), по существу признает системный статус лишь единичного говора (resp. идиолекта) и литературного языка, но отрицает его для единиц диалектного членения иного порядка — больших или меньших фрагментов диалектного языка и в конечном счете — самого диалектного языка, с чем, нам кажется, согласиться трудно³¹.

Обращение к совокупности отдельных языковых систем (например, ЧДС) открывает новые возможности для совершенствования методов изучения лексико-семантической сферы языка. Речь идет прежде всего об обогащении методики «семантического поля». Как известно, в течение нескольких десятилетий на базе различных теорий лексико-семантического поля возник ряд конкретных исследовательских приемов и методов, с помощью которых анализируются те или иные классы лексико-семантических единиц именно как наборы элементов, определенным образом упорядоченных, находящихся в известных отношениях и связях. С помощью «полевых» методов изучалась «понятийная» сфера языка (понятийное поле), «смысловое поле» и т. д.³². Исследовательской базой как правило являлся материал единичной языковой системы — СЛЯ. В качестве одного из последних примеров изучения «концептуального поля» нескольких лексических микросистем ('пути передвижения', 'колесное перевозное средство', 'запахи') именно на таком материале могут служить соответствующие разделы упоминавшейся выше книги С. Г. Бережана. Автор в понимании «концептуального поля» солидаризируется с О. Духачеком и использует методику разложения смысла лексических единиц, составляющих одно поле, на семантические признаки (семы)³³.

В последние годы довольно значительное распространение в диалектологии получила методика изучения лексических групп с помощью ономазиологического подхода, который в дальнейшем трансформировался в сема-ономазиологический. Исследования последнего типа в СССР связаны прежде всего с обработкой данных «Молдавского лингвистического атласа». Исходным при конструировании поля является в этом случае группа лексем (лексико-семантическая группа, ЛСГ), обладающая реальными (или приписываемыми ей) общими дифференциальными признаками. Во внеязыковом плане (явления и отношения объективной действительности) она соотносится, как правило, с группой объектов (реалем), объединенной общностью или близостью их свойств (и, следовательно, — назначений и применений). Обширный и новый материал такого рода был получен молдавскими диалектологами потому, что ономазиологический аспект широко учитывался уже на стадии создания Вопросника Атласа³⁴. Большие

³⁰ Там же, с. 102—103.

³¹ Характерно, что в данной работе не нашла отражения идея Р. И. Аванесова о диалектном языке (макросистеме, включающей постоянные и вариативные звенья), которая представляется очень важной, фундаментальной для современной диалектологии.

³² А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968; ср. также Г. С. Щур. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

³³ С. Г. Бережан. Там же, с. 120 и сл.

³⁴ Атласул лингвистик молдовенеск, в. I. Аргиколе ынтродуктиве. Анексе. Кишинэу, 1968, п. 14. О том, что при создании АЛМ заранее планировалось изучение различных типов зависимостей наименований определенных реалий (микросистемы, построенные на смысловой связи слов, обусловленной функциональной или материальной близостью реалий, микросистемы, учитывающие формальную связь слов, микро-

возможности изучения лексики в составе сема-ономасиологического поля, заложенные в «Молдавском лингвистическом атласе», демонстрируют работы Р. Г. Пиотровского, В. С. Сорбалэ, В. К. Павела и др.³⁵

Наряду с рассмотренными методами большую известность получила в диалектологии и предложенная Н. Т. Толстым процедура конструирования семантического поля на основе собственно лингвистических (сема-сиологических) критериев, а именно — учет величины семантической амплитуды лексемы, выступающей в качестве опорной. Важно подчеркнуть, что эта методика была создана для изучения лексико-семантической сферы именно группы (континуума) диалектов. Сама семантическая амплитуда опорной лексемы рассматривалась в качестве результата семантических изменений (сдвигов), реализовавшихся на определенной территории (диакрония, развернутая в пространстве)³⁶.

Прямое и косвенное влияние такого подхода, вероятно, можно видеть в работах по диалектной лексике и семантике некоторых советских и зарубежных исследователей³⁷. Представляется, однако, что нецелесообразно абсолютизировать те или иные, известные в настоящее время, методы изучения слов и значений в составе поля (даже если эти методы базируются на чисто лингвистических критериях). Применение определенных методов и их комбинирование должно, на наш взгляд, диктоваться самим исследуемым материалом, собственно — тем, какого типа языковые системы оказываются предметом анализа, какие классы лексико-семантических структур (ЛСГ, полисемантические слова, синонимы и под.) находятся в центре внимания лексиколога, каковы конкретные цели, которые он ставит перед собой и т. д.³⁸.

Действительно, практика изучения в совокупности единичных систем (континууме диалектов) все новых групп лексики с учетом важнейших принципов «полевой» методики показывает необходимость модифицировать уже существующие приемы исследования, в зависимости от специфики самого материала, поскольку приемы, разработанные при анализе определенных ЛСГ, в дальнейшем, без соответствующей корректировки, могут

системы, в которых представлен омонимический аспект) см. Р. Г. П и о т р о в с к и й. Некоторые теоретические вопросы Молдавского лингвистического атласа. «Omăgiu lui I. Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani». București. 1958, p. 683.

³⁵ Ср., например, Р. Г. П и о т р о в с к и й. Структурализм и языковедческая практика. «Вопросы языкознания», 1957, № 4; В. С. С о р б а л э. Формирование и развитие терминологических систем в молдавских говорах. Докт. дисс. Л., 1972; е г о ж е. Реконструкция терминологической системы пил и ножевок в молдавских говорах. В кн. Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 170—171; В. К. П а в е л. Терминология агриколэ молдовеняскэ. Кишинэу, 1973; е г о ж е. Изучение языковых интерференций в периферийных молдавских говорах Левобережья Днестра. В кн. Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978, с. 103 и сл. Другие работы по лексике, основанные на материалах АЛМ, см. в библиографии Атласа («Артиколе ынтродуктиве», с. 159 и сл.).

³⁶ Подробнее см. Н. И. Т о л с т о й. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I, II. «Вопросы языкознания», 1963, № 1; 1966, № 5; е г о ж е. Некоторые проблемы сравнительной славянской лексикологии. В сб. Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968 и др. Принципы, изложенные в них, нашли применение в ряде публикаций Г. Ф. Вешторг, Л. Т. Выгонной, Г. П. Клепиковой, В. В. Корчмарь, Н. В. Никончука и др.

³⁷ Ср. некоторые статьи О. Н. Мораховской, например. О. Н. М о р а х о в с к а я. К вопросу о методе картографирования в лингвистике. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978, с. 13 и сл.; М. М л а д е н о в. Из наблюдений над болгарской диалектной лексикой. 3. Глаголы *доя*, *кърмя*, *мълям*. (там же, с. 148 и сл.).

³⁸ Г. П. К л е п и к о в а. Сема-ономасиологический аспект в исследовании некоторых лексических групп (на материале карпатоукраинских диалектов). Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977, с. 163 и сл.

оказаться недостаточно эффективными. Это положение, например, подтверждается анализом русской диалектной микологической терминологии в составе микрополя, проведенным Е. А. Нефедовой. Так, автор показывает, в частности, что в данной группе лексики целесообразнее в качестве «опорного» элемента при построении поля взять не лексему, а наиболее общее значение, вокруг которого группируются другие значения, соотносящиеся с родовым понятием той или иной степени обобщения; набор семантических признаков представляет собой комбинацию опорного и дополнительных семантических признаков (находящихся, таким образом, в многоступенчатой, иерархической зависимости). Этот набор позволяет очертить границы всей лексико-семантической группы; далее сопоставление ЛСГ отдельных говоров (ЧДС) осуществляется по методике Н. И. Толстого³⁹.

Сказанное выше свидетельствует, таким образом, что обращение исследователей от материала единичных языковых систем типа «система литературного языка», «отдельный говор» к материалу совокупностей единичных систем, прежде всего к совокупности диалектов (ЧДС), открывает новые аспекты в изучении тех или иных сторон лексико-семантической сферы языка, а также порождает новые методы и приемы изучения отношений внутри самой этой сферы, что, несомненно, способствует обогащению наших представлений об устройстве и функционировании языка как коммуникативной системы в целом.

³⁹ Е. А. Нефедова. О гипонимических отношениях в группе микологической диалектной лексики. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978, с. 187 и сл.

Из истории славяноведения

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ С. И. СИДЕЛЬНИКОВА ПО ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БОЛГАРСКОГО НАРОДА

Выходец из крестьянской семьи, Степан Иванович Сидельников в 1939 г. окончил исторический факультет Ленинградского университета, затем работал преподавателем новой истории в Сталинградском педагогическом институте.

С июня 1942 г. С. И. Сидельников находился в рядах Советской Армии. После тяжелого ранения и длительного лечения он возвратился к преподавательской деятельности, в 1945—1956 гг. работал в Харьковском педагогическом институте, а затем на историческом факультете Харьковского университета, где с 1964 по 1977 г. возглавлял кафедру новой и новейшей истории и длительное время был деканом факультета¹.

Интерес к новой истории Болгарии С. И. Сидельников проявил уже в студенческие годы. В 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878—1886 гг.)». В диссертации и статье, кратко излагающей ее содержание², впервые подробно рассказывалось о борьбе болгарского народа против расчленения страны по решению Берлинского конгресса 1878 г. Широкое народное движение за воссоединение было показано на фоне внутривосточного развития княжества Болгарии и автономной области Восточная Румелия.

В следующие годы С. И. Сидельников почти полностью сосредоточился на исследовании национально-освободительного движения болгарского народа до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. По этой проблематике он опубликовал три монографии, около тридцати исследовательских статей, а также ряд историографических обзоров и рецензий. В 1963 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Создание и деятельность первого Болгарского революционного центрального комитета (1868—1873 гг.)».

Для исследований С. И. Сидельникова характерны широкое использование разнообразного круга источников, их тщательный анализ, убедительность аргументации, четкость, ясность и обоснованность выводов.

С. И. Сидельников глубоко исследовал систему османского политического господства в болгарских землях в середине XIX в., показал особенности и усиление военно-феодального и национального угнетения бол-

¹ Архив Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, личное дело С. И. Сидельникова.

² С. И. Сидельников. Воз'єднання князівства Болгарії і Східної Румелії (1878—1886 рр.). Наук. зап. Харківського пед. ін-ту, т. XI, 1949, с. 45—90.

гарского народа в этот период³. В связи с оживленной дискуссией в болгарской научной литературе относительно сущности так называемого чорбайджийства появилось исследование С. И. Сидельникова, в котором впервые были критически рассмотрены все существовавшие точки зрения по этому вопросу. На основе всестороннего анализа фактического материала автор пришел к выводу, что чорбайджийство представляло собой крупную торгово-ростовщическую верхушку болгарской буржуазии, экономически и политически связанную со всей системой османского господства и с иностранным капиталом, что в развернувшемся национально-освободительном движении оно занимало ярко выраженные туркофильские позиции⁴.

Внимание ученого привлекали события, связанные с развертыванием национально-освободительного движения болгарского народа в 40-х — первой половине 60-х годов XIX в. Он впервые в советской литературе исследовал причины, программу, характер и ход крестьянских восстаний 1841—1850 гг., особенно детально осветил восстание в северо-западной Болгарии в 1850 г.⁵ С. И. Сидельников показал начало революционного подъема в Болгарии в ходе и особенно после Крымской войны. Он исследовал вопрос о развитии гайдуцкого движения этого времени, рассмотрел его социальные корни, характер и значение, показал процесс постепенного углубления его социально-экономической программы и усиления элементов организованности⁶.

В 1959 г. С. И. Сидельников опубликовал монографию о жизни и деятельности выдающегося болгарского революционера Георгия Раковского⁷, написанную на основе тщательного изучения всего наследия Раковского, а также других источников. В работе охарактеризована деятельность этого видного теоретика и организатора национально-освободительного движения в 50—60-х годах XIX в., определены основные течения освободительной борьбы болгарского народа в данный период. Монография знакомит читателя с литературным творчеством Раковского. Особое внимание уделено его титанической деятельности по изданию революционных пропагандистских газет «Българске дневница», «Дунавски лебед», «Бъдущност», «Бранител». Но в центре исследования — руководство революционным движением и разработка Г. Раковским программы национального освобождения болгарского народа. Анализ документов дал возможность убедительно показать, что Г. Раковский явился родоначальником революционной идеологии в болгарском освободительном движении, что он впервые выдвинул идею завоевания полной политической независимости при помощи победоносного всенародного вооруженного восстания. При его подготовке Раковский впервые предпринял попытку объединить все революционные силы и создать единый руководящий центр революционного движения. Автор пришел к выводу, что идейно-теоретическая и практическая деятельность Г. Раковского подготовила переход болгарского революционного движения к более высокому этапу, когда на главе него стал первый Болгарский революционный центральный комитет (БРЦК).

³ С. И. Сидельников. Система турецкой политической сваволи в Болгарии в 50—60 годах XIX ст. Наук. зап. Харьковского пед. ин-ту, т. XVII, 1955, с. 63—85.

⁴ С. И. Сидельников. До питання про класовий характер чербаджийства в Болгарії в період турецького панування. Труды істор. фак. Харківського ун-ту, № 4, 1956, с. 189—203.

⁵ С. И. Сидельников. Селянські повстання 1841—1850 рр. в Болгарії. Наук. зап. Харківського пед. ін-ту, т. XV, 1954, с. 84—110.

⁶ С. И. Сидельников. Національно-визвольний рух болгарського народу в 50-х — першій половині 60-х років XIX стор. Наук. зап. Харківського пед. ін-ту, т. XII, 1954, с. 67—108.

⁷ С. И. Сидельников. Болгарський революціонер Георгій Раковський. Харків, 1959, 174 с.

Деятельности и идеологии Г. Раковского были посвящены и статьи С. И. Сидельникова. В них давалось более подробное освещение отдельных проблем, поставленных в монографии⁸.

Монография о Г. Раковском получила широкий общественный резонанс. На нее откликнулись видные болгарские ученые — Д. Косев, К. Василев, Н. Трайков. Глубокий анализ творческого вклада С. И. Сидельникова в исследование проблемы и отдельных спорных положений, встречающихся в книге, был дан в рецензии акад. Д. Косева⁹.

Следующему этапу борьбы болгарского народа под руководством БРЦК С. И. Сидельников посвятил свою докторскую диссертацию, две монографии и ряд научных статей.

Монография о борьбе течений в первом БРЦК¹⁰ посвящена одной из центральных проблем истории национально-освободительного движения болгарского народа. Она написана на основе изучения материалов ряда болгарских и советских архивов, приведений руководителей революционного движения Болгарии, периодической печати, многочисленных мемуаров. В книге исследован вопрос об идейно-политической борьбе в болгарском национально-освободительном движении в конце 60-х — начале 70-х годов по вопросам будущего политического устройства страны, принципов построения и роли революционной организации, оценки движущих сил национально-освободительного движения и значения вооруженного восстания в освобождении болгарского народа. Автор проанализировал социально-политический характер острой идейной борьбы, доказав, что она велась между революционно-демократическим течением В. Левского и Х. Ботева, с одной стороны, и буржуазно-радикальным течением, с другой.

По мнению автора, возникший осенью 1869 г. и организационно оформившийся весной 1870 г. революционный очаг болгарского освободительного движения в Бухаресте, хотя и носил название Болгарского революционного центрального комитета, из-за острых внутренних разногласий не смог превратиться в подлинно руководящий центр революционного движения. Этот вывод не совпадал с традиционным, вошедшим в историческую литературу положением о создании БРЦК как центра революционного движения в Бухаресте в апреле 1870 г.¹¹ В качестве такого центра БРЦК, согласно С. И. Сидельникову, возник осенью 1870 г. и оформился зимой 1870—1871 гг. внутри Болгарии в г. Ловече. Его создателем и руководителем был великий революционный демократ Васил Левский. Левский выработал устав и программу БРЦК, руководил созданием в стране сети революционных комитетов, сплотил вокруг себя большую группу помощников, ставших подлинно народными революционерами.

Результатом большой исследовательской работы были приложения к книге — списки «частных революционных комитетов», действовавших в Болгарии в 1870—1873 гг., с указанием их численности и состава; списки «частных комитетов», вопрос о деятельности и статусе которых не решен и требует дополнительного анализа; список руководителей БРЦК, окруж-

⁸ С. И. Сидельников. Начало революционной деятельности Г. С. Раковского. Науч. зап. Харьковского пед. ин-та, т. VIII, 1957, с. 115—134; его же. К вопросу об оценке идеологии Г. С. Раковского. Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 32. М., 1961, с. 46—50.

⁹ «Исторически преглед», 1961, № 3, с. 115—119.

¹⁰ С. И. Сидельников. Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. Харьков, 1962, 116 с.

¹¹ Ал. Бурумов. Съществувал ли е Централен революционен български комитет в Букурещ през 1869—1872 г.? «Исторически преглед», 1961, № 3, с. 134—147; Хр. Гандев. Васил Левски. Политически идеи и революционна дейност. София, 1946, с. 64; «История Болгарии», т. I. М., 1954, с. 271 и др.

ных и «частных» комитетов с указанием их социальной принадлежности. Эти данные показывают, что революционная работа велась более чем в 200 населенных пунктах Болгарии. Свыше 99% участников революционных комитетов принадлежало к числу крестьян, ремесленников, мелких торговцев, интеллигенции. Представители буржуазии составляли менее 1% участников комитетов¹².

Монография была высоко оценена болгарской и советской научной общественностью. Наиболее полный анализ ее научной значимости был дан в рецензии Х. Капитанова¹³. На книгу откликнулся кратким положительным отзывом центральный орган БКП газета «Работническо дело»¹⁴.

Объем монографии не позволял, однако, подробно рассмотреть целый ряд поставленных в ней вопросов, поэтому детально они были освещены в статьях, написанных в период подготовки монографии¹⁵. В них была критически рассмотрена вся имевшаяся литература проблемы и приведен огромный материал, убедительно доказывавший, что возникновение БРЦК явилось результатом подъема революционного движения в стране и было подготовлено идейно-теоретической и практической деятельностью Г. Раковского. Непосредственный же процесс создания БРЦК проходил под руководством его последователей — В. Левского, Л. Каравелова, Х. Ботева и их соратников.

В ряде других статей¹⁶ и в многочисленных рецензиях на монографии болгарских авторов и документальные сборники¹⁷ С. И. Сидельников углубил анализ борьбы течений в болгарском национально-освободительном движении 60—70-х годов в целом и внутри БРЦК, в частности. По поводу некоторых положений этого цикла работ С. И. Сидельникова в научной критике высказывались возражения. Выявление новых источников позволяло уточнить те или иные положения.

В 1970 г. вышла в свет монография С. И. Сидельникова, посвященная проблеме создания и деятельности БРЦК в целом в первые годы его существования¹⁸, в которой автор по-новому решил целый ряд сложных вопросов, уточнив и некоторые положения своих предыдущих трудов.

¹² С. И. Сидельников. Борьба течений..., с. 102, 104—115.

¹³ «Исторически преглед», 1965, № 5, с. 99—104.

¹⁴ «Работническо дело», 23 VI 1967.

¹⁵ С. И. Сидельников. Початок революційної діяльності Василя Левського. Труды ист. фак. Харківського ун-ту, № 7, 1959, с. 107—121; е го ж е. Роль двох поїздок Василя Левського в Болгарію (грудень 1868 — серпень 1869 р.) у створенні першого Болгарського революційного центрального комітету. Сб. Питання нової та новітньої історії, вип. I, Київ, 1965, с. 97—109; е го ж е. Висвітлення історії утворення першого Болгарського революційного центрального комітету у болгарській і радянській історичній літературі. Сб. Історичні зв'язки слов'янських народів. Київ, 1963, с. 273—292; е го ж е. Национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х — начале 70-х годов. XIX в. в исторической литературе Народной Республики Болгарии. «Советское славяноведение», 1966, № 2, с. 76—82 и др.

¹⁶ С. И. Сидельников. Взгляды Василя Левского на всенародное вооруженное восстание в Болгарии 60-х — начала 70-х годов XIX в. Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1960, № 1, с. 118—127; е го ж е. Письмо от редакцията. «Философска мисъл», 1960, № 3, с. 130—134; е го ж е. Участие на Любен Каравелов в руския периодичен печат. «Исторически преглед», 1962, № 5, с. 66—84 и др.

¹⁷ С. И. Сидельников. Ценен извор за изучаване идеологията на Любен Каравелов. «Исторически преглед», 1959, № 6, с. 89—96; е го ж е. Книга, повдигаща принципи въпроси на национално-освободителното движение на българския народ. «Исторически преглед», 1960, № 6, с. 100—106; е го ж е. Документи о борьбе болгарского народа за независимость. «Новая и новейшая история», 1962, № 5, с. 150—152; е го ж е. Из истории болгарского национально-освободительного движения. «Новая и новейшая история», 1965, № 1, с. 157—158 и др.

¹⁸ С. И. Сидельников. Болгарский революционный центральный комитет (1869—1872 гг.). Харьков, 1970, 176 с.

Эта книга была написана на основе кропотливого изучения обширного круга источников — фондов болгарских и советских архивов, статей, писем и других документов деятелей БРЦК. Широко использована болгарская и русская пресса, воспоминания участников и очевидцев событий.

Автор исследовал процесс постепенного усиления революционного течения в национально-освободительном движении болгарского народа, возникновение и широкое распространение идеи создания массовой революционной организации. Он глубже, чем в предыдущей книге, осветил борьбу течений в революционном лагере, выделение и укрепление революционно-демократического крыла, игравшего решающую роль в создании первого БРЦК, показал деятельность внутренней революционной организации, численность, социальный состав и работу «частных революционных комитетов» внутри страны и в эмиграции.

В ходе подготовки монографии С. И. Сидельников создал картотеку болгарских населенных пунктов, а также городов других стран, где велась работа болгарских революционеров. Фиксация в ней всех встречавшихся в источниках и литературе упоминаний об участии болгар и эмигрантов в революционном движении позволила по-новому решить вопрос о численности и социальном составе болгарской революционной организации¹⁹.

В монографии выявлена расстановка классовых сил в болгарском национально-освободительном движении. Проанализировав многочисленные источники и мнения разных авторов, С. И. Сидельников подтвердил свою точку зрения о том, что Болгарский революционный комитет (с осени 1870 г. БРЦК) возник осенью 1869 г. в Бухаресте. Однако до апреля 1872 г. бухарестский комитет не был руководителем революционного лагеря, так как в нем преобладали буржуазные либералы и буржуазные демократы. Революционное течение, представленное только Л. Каравеловым, не имело в комитете прочной опоры. Руководящим центром стал, как убедительно доказал автор, БРЦК в Болгарии. Процесс его организационного оформления продолжался с осени 1870 до конца весны 1871 г. Созданный и руководимый В. Левским, этот центр возглавил широкую сеть местных организаций, превратившись в первую в истории Болгарии революционно-демократическую народную партию.

С. И. Сидельников осветил деятельность революционной организации в стране до бухарестского съезда в апреле — мае 1872 г., дал анализ программы освобождения болгарского народа, разработанной В. Левским, обратив внимание на решение им вопросов политического устройства Болгарии после освобождения, движущих сил национальной революции, роли революционной организации в руководстве национально-освободительным движением, подготовки и проведения вооруженного восстания.

Весьма важна разработкой автором проблемы организационного укрепления и расширения сети революционной организации в Болгарии. В книге приведены и рассмотрены данные о количестве, численности, социальном составе и деятельности «частных революционных комитетов» и революционных групп. Используя в основном методику, выработанную в предыдущей книге, автор внес в нее известные коррективы, выделив не два, а три типа местных революционных организаций, упоминаемых очевидцами и участниками событий.

Исследования последних лет дали С. И. Сидельникову возможность внести некоторые уточнения и в фактические данные таблиц, опубликованных в монографии о борьбе течений в первом БРЦК. Автор установил, что с лета 1869 г. до мая 1873 г. в Болгарии было создано 108 «частных комитетов», объединявших 113 человек, фамилии которых известны. В 90 насе-

¹⁹ Там же, с. 11—12.

ленных пунктах существовали революционные группы, или вели работу отдельные патриоты в количестве 168 человек. По социальному составу преобладали крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, мелкобуржуазная интеллигенция. Эти данные полностью подтверждали вывод автора о том, что БРЦК был революционно-демократической партией.

Как и предыдущие книги, эта монография получила высокую оценку в рецензиях специалистов — советского историка В. Д. Конобеева, болгарского историка О. Маждраковой-Чавдаровой²⁰. О. Маждракова-Чавдарова писала: «Интерес к этому первому в советской исторической литературе всестороннему монографическому исследованию возникновения и деятельности БРЦК, отличающемуся научными достоинствами, является вполне заслуженным. Зная исследования С. Сидельникова о нашем прошлом, специалисты и широкие читательские круги в нашей стране ожидают в близком будущем появления новых его трудов в области Болгарского Возрождения»²¹.

В период подготовки этой, как и предыдущих монографий, а также после ее появления С. И. Сидельников опубликовал ряд новых статей, в которых с привлечением более обширных фактических данных и значительно подробнее обосновал основные положения работы. Внимание специалистов привлекли его статьи с социологическим анализом численности и социального состава болгарских революционных организаций в 1869—1873 гг.²². Составленные автором таблицы дали возможность подтвердить и углубить представление о БРЦК как революционной партии с разветвленной системой комитетов и групп, возглавлявших борьбу против османского господства. На более широком материале были показаны преимущественно мелкобуржуазный состав первого БРЦК, исключительная активность мелкобуржуазной интеллигенции, в первую очередь учителей. Преданность народному делу отличала многих представителей сельского духовенства. Наиболее крепкие в организационном отношении, политически активные и многочисленные революционные комитеты действовали в городах и крупных селах, являющихся центрами сельскохозяйственного производства, ремесла и торговли (города Ловеч, Тырново, Русе, Пловдив и др., села Тетевен, Трявна, Гложене, Копривштица и др.). С. И. Сидельников выявил значительные различия в социальном составе руководства эмигрантских комитетов и революционных групп, преобладание в них мелкобуржуазной интеллигенции и больший, чем внутри страны, удельный вес средней буржуазии. Различия в социальном составе революционных организаций были, как показал автор, главной причиной острой идейной борьбы в первом БРЦК, но решающую роль в движении играло революционно-демократическое течение.

Продолжая углубленную разработку исследуемого круга проблем, С. И. Сидельников выявил историческое значение бухарестского съезда в конце апреля — начале мая 1872 г. Исследовав процесс подготовки и ход работы этого съезда, ученый определил его как первый в истории болгарского национально-освободительного движения съезд революционно-демократической партии. Съезд завершил длительную работу В. Левского

²⁰ «Советское славяноведение», 1971, № 5, с. 90; «Исторически преглед», 1971, № 2, с. 141—146.

²¹ «Исторически преглед», 1971, № 2, с. 146.

²² С. И. Сидельников. О численном и социальном составе первого Болгарского революционного центрального комитета в 1869—1873 гг. Сб. «Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов». Минск, 1969, с. 307—313; е г о ж е. О численном и социальном составе болгарских революционных организаций в 1869—1873 гг. Сб. «Историко-социологические исследования». М., 1970, с. 254—282; е г о ж е. О численном и социальном составе первого Болгарского революционного центрального комитета в 1869—1873 гг. (Опыт социологического исследования). Сб. В памет на академик Михаил Димитров. София, 1974, с. 287—309.

и других революционеров за создание единой партии во главе с бухарестским БРЦК. На съезде был создан единый руководящий центр революционной борьбы болгарского народа за национальное освобождение. Хотя в принятых съездом программе и уставе менее четко, чем в предыдущих документах В. Левского, определялись цели борьбы, формы государственного устройства Болгарии, объединение сил в единую организацию имело большое значение для дальнейшего подъема национально-освободительного движения²³.

В другой статье²⁴ С. И. Сидельников предпринял одну из первых попыток исследовать историю революционной партии в следующие годы, когда фактически прекратил свою деятельность первый БРЦК. Он рассмотрел позиции ее деятелей по таким важнейшим вопросам, как принципы построения и роль организации революционеров, характер движущих сил и пути развития национально-освободительного движения, формы государственного устройства будущей освобожденной Болгарии. Автор пришел к обоснованному выводу, что революционно-демократическое крыло, руководимое Х. Ботевым, постепенно усиливало свое идейно-теоретическое и организационное влияние на революционную эмиграцию и комитеты внутри страны и добилося создания в августе 1875 г. второго БРЦК, возглавив его деятельность.

С. И. Сидельниковым была предпринята и первая попытка дать общую оценку социально-экономического развития и расстановки классовых сил в Болгарии в середине 70-х годов²⁵. Он подвел итог исследований болгарских и советских историков в этой области и показал, как османское феодальное господство тормозило развитие болгарских земель. К середине 70-х годов в Болгарии, по мнению автора, назрела буржуазно-демократическая революция. В статье охарактеризована роль болгарской буржуазии в развивавшемся революционном процессе, показано, что все ее политические группировки в той или иной степени участвовали в национально-освободительном движении. В этом отношении статья С. И. Сидельникова в какой-то мере предвосхищала некоторые результаты широкой дискуссии в Болгарии в 1977 г. о роли буржуазии в национально-освободительной борьбе болгарского народа, в ходе которой был сделан общий вывод о значительной роли буржуазии в национальной революции²⁶. В то же время С. И. Сидельников исходил из того, что основной движущей силой революционного процесса были широкие народные массы.

В последние годы особенно усилился интерес С. И. Сидельникова к проблемам историографии болгарского освободительного движения и русско-болгарских революционных связей во второй половине XIX в. Начиная с 1972 г. он публикует ряд статей по этому кругу вопросов. В одной из них были подведены историографические итоги исследования деятельности первого БРЦК в 1869—1873 гг., причем впервые было обращено внимание на разработку проблемы болгаро-русских революционных связей в эти годы²⁷.

²³ С. И. Сидельников. Бухарестський з'їзд болгарських революціонерів 29 квітня — 4 травня 1872 г. Сб. Українське слов'янознавство, вип. 12. Львів, 1975, с. 69—76.

²⁴ С. И. Сидельников. Борьба течій у Болгарському революційному центральному комітеті до початку Старозагорського повстання (травень 1873 — вересень 1875 г.). Сб. Українське слов'янознавство, вип. 8. Львів, 1973, с. 83—91.

²⁵ С. И. Сидельников. Соціально-економічне становище і розстановка класових сил у національно-визвольному русі Болгарії середини 70-х років XIX ст. Сб. Питання нової та новітньої історії, вип. 20. Київ, 1975, с. 48—61.

²⁶ См. «Исторически преглед», 1977, № 5—6, с. 250—267.

²⁷ С. И. Сидельников. Болгарская и советская историческая литература о русско-болгарских революционных связях и деятельности первого БРЦК (1868—1873 гг.). Сб. Славяне и Россия. М., 1972, с. 203—209.

В мае 1972 г. на организованной Болгарским историческим обществом конференции «Проблемы болгарской историографии после второй мировой войны». С. И. Сидельников выступил с докладом, специально посвященным историографии революционных связей между нашими народами в 60—70-х годах XIX в.²⁸ Автор умело классифицировал литературу по этому вопросу, выделив пять групп: биографические произведения; монографическую литературу по истории болгарского национально-освободительного движения; обобщающие труды по истории Болгарии; труды по истории революционного движения в России; специальные работы о русско-болгарских революционных связях. В докладе была дана оценка этих трудов, показано, как постепенно углублялся анализ проблемы, преодолевались ошибочные и спорные концепции.

К 100-летию юбилею выдающегося события в истории болгарского народа, высшей точки его национально-освободительной борьбы — Апрельского восстания 1876 г. С. И. Сидельников опубликовал историографическое исследование, посвященное восстанию²⁹. Проанализировав имеющуюся литературу (библиография Апрельского восстания насчитывает сотни названий), автор охарактеризовал основные этапы его исследования буржуазными историками. Он пришел к выводу, что буржуазная историография, накопив большой фактический материал о восстании, не смогла объяснить основы социально-экономических и политических процессов, происшедших в Болгарии в XIX в. и обусловивших Апрельское восстание, не исследовала принципиальных вопросов, касающихся его движущих сил, не дала научного объяснения причин его поражения, роли восстания в истории болгарского народа. Основное внимание в статье уделено марксистской историографии. Выделив отдельные периоды ее развития, С. И. Сидельников рассмотрел вклад болгарских и советских ученых в разработку таких вопросов, как социально-экономические и политические предпосылки восстания, расстановка классовых сил, ход вооруженной борьбы, формирование и деятельность отряда Х. Ботева, внешнеполитические отклики на восстание. В статье были намечены и перспективы дальнейшего исследования разных аспектов этой героической эпопеи.

В своих историографических исследованиях С. И. Сидельников уделил внимание и более широкой проблематике истории Болгарии и истории южных и западных славян в целом. В одной из его работ были подведены итоги изучения истории Болгарии учеными Украинской ССР³⁰. Другую свою работу С. И. Сидельников выполнил в жанре биографической историографии. Он раскрыл вклад известного советского историка профессора В. А. Жебокрицкого в разработку проблем новой и новейшей истории Болгарии, показав, в частности, значение трудов этого ученого для исследования развития страны накануне и в период Балканских войн³¹.

С. И. Сидельников активно участвовал в подготовке библиографического справочника «Историки—слависты СССР», в котором представлены сведения о советских историках, занимающихся исследованием истории

²⁸ С. И. Сидельников. Свѣтската и българската историография за руско-българските революционни връзки през 60-те и 70-те години на XIX в. Сб. Проблеми на българската историография след втората световна война. София, 1973, с. 371—381.

²⁹ С. И. Сидельников. Советская и болгарская историография Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии. «Вопросы истории», 1976, № 4, с. 49—71.

³⁰ С. И. Сидельников, Г. И. Чернявски. Исследования върху историята на България от учениците на Свѣтска Украина. Сб. В чест на академик Димитър Косев. София, 1974, с. 213—222.

³¹ С. И. Сидельников. Дослідження В. А. Жебокрицьким нової і новітньої історії Болгарії. Сб. Питання нової та новітньої історії, вип. 22. Харків, 1976, с. 112—118.

южных и западных славян, а также межславянских связей³². Научной общественностью этот справочник был оценен как «полезнейшее начинание»³³. В процессе подготовки второго, переработанного и дополненного издания справочника, над которым С. И. Сидельников вместе со своими коллегами работал в последние годы, в канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции была подготовлена итоговая статья, содержащая анализ основных достижений советской и историко-славистской науки за 65 лет Советской власти³⁴.

Большое место в деятельности С. И. Сидельникова занимала научная критика. В специальных научных общесоюзных, республиканских и болгарских журналах и сборниках им было опубликовано большое количество рецензий не только на публикации документов и монографии по тематике его исследований, но и на литературу по более широкому кругу проблем истории и историографии Болгарии, южных и западных славян.

Ученый активно участвовал в подготовке кадров специалистов и в популяризации исторической науки. В выпущенном в Киеве университетском учебнике истории южных и западных славян им были написаны главы по истории Болгарии с древнейших времен до 1878 г. и югославянских земель до 1918 г.³⁵ С. И. Сидельников был одним из инициаторов постановки в специальном журнале вопроса о качестве и нерешенных проблемах преподавания истории южных и западных славян в вузах³⁶. В «Українській радянській енциклопедії» и «Радянській енциклопедії історії України» он опубликовал ряд статей с обобщенными данными по проблемам славяноведения. Под руководством С. И. Сидельникова были подготовлены и успешно защищены восемь кандидатских диссертаций только по истории южных и западных славян. Среди его аспирантов было немало и тех, кто специализировался по другим проблемам новой и новейшей истории. Ряд учеников профессора С. И. Сидельникова ныне стали видными учеными. Формированию научных кадров высшей квалификации способствовали и его многочисленные оппонентские выступления по кандидатским и докторским диссертациям, отличавшиеся принципиальностью и компетентностью.

В многогранную научно-организаторскую работу С. И. Сидельникова входило участие во всесоюзных научных конференциях историков-славистов в качестве не только докладчика, но и члена Организационного комитета. Он активно участвовал и в подготовке последней, восьмой конференции историков-славистов, которая состоялась в феврале 1978 г. уже после его кончины³⁷. В течение ряда лет С. И. Сидельников был членом редакционных коллегий межведомственных научных сборников «Проблеми слов'язнознавства» и «Питання нової та новітньої історії». В 1974—1977 гг. он возглавлял редколлегия второго сборника.

С. И. Сидельников внес значительный вклад в разработку проблем истории и историографии Болгарии, русско-болгарских революционных связей, в советскую историко-славистическую науку в целом.

³² С. И. Сидельников, Г. И. Чернявский. Историко-слависты СССР. Биобиблиографический справочник. Харьков, 1969, 109 с.

³³ «Советское славяноведение», 1970, № 3, с. 95—96.

³⁴ С. И. Сидельников, Г. И. Чернявский. Историко-славистична наука в СРСР. Сб. Питання нової та новітньої історії, вип. 23. Харків, 1973, с. 28—40.

³⁵ «Історія південних і західних слов'ян. Підручник для університетів». Вид. Київського ун-ту, 1966, с. 14—30, 55—72, 136—164, 189—207, 222—224.

³⁶ С. И. Сидельников, В. В. Сухарев, Г. И. Чернявский. Преподавание истории южных и западных славян в высшей школе. «Советское славяноведение», 1969, № 2, с. 52—58.

³⁷ Программа VIII Всесоюзной научной межвузовской конференции историков-славистов. Донецк, 1978, с. 4, 28.

ИТО ТАКАЮКИ (ЯПОНИЯ)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ЯПОНИИ

Заглавие статьи¹ может прозвучать несколько экзотично. Читатель вправе спросить: а есть ли вообще славяноведение в Японии? Действительно, мы до сих пор не имели таких тесных контактов со славянскими народами, как другие капиталистические страны. Но мы следили довольно внимательно за тем, что происходит в той части Европы, которая населена славянами. В настоящее время культура и жизнь славянских народов вызывает все возрастающий интерес в Японии.

Так, например, в 1977 г. молодой библиограф Института славяноведения в Саппоро М. Джун составил «Список исследователей Советского Союза и Восточной Европы в Японии», согласно которому у нас есть 791 славяновед (из них 30,8% — экономисты, 30,1 — литературоведы и языковеды, 14,3 — историки, 14,3 — юристы и политологи и 7,2% — социологи). Оказалось, что в западном мире по количеству исследователей данного региона Япония уступает только США. Год спустя тот же библиограф составил библиографию славянских и восточноевропейских исследований в Японии за 1976 г. Оказалось, что за год по славяноведению вышло в свет 809 названий, из которых 26,6% относятся к литературоведению и языковедению, 21,4 к политическим и юридическим наукам, 19,7 к экономическим наукам, 15,3 к социологическим наукам и 11,6% к истории. Эти цифры включают не только научные статьи и исследования, но также отчеты о научных сессиях, рецензии, учебные пособия, словари, переводы, научно-популярные сочинения, репортажи и т. д.

Здесь мне хотелось бы рассмотреть следующие вопросы: понятие «славяноведение» в Японии, историю японской славистики, ее учреждения и проблематику².

Славяноведение (по-японски сураву-гаку) относительно новое понятие для японцев, возникшее только после второй мировой войны, и еще не получившее полного права гражданства в разговорном языке. Но уже 22 года

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в Москве 15 марта 1979 г.

² О славяноведении в Японии см. P. B e r t o n et al. Japanese Training and Research in the Russian Field. Los Angeles, 1956; H. M o m o s e. A Survey of Eastern Europe from the Viewpoint of Japanese Social Scientists. An Interim Report. «Suravu kenkyu», Sapporo, 1966, № 10, p. 27—37; K. K i g a. Study of the Soviet Union and Eastern Europe in Japan. «Canadian Slavonic Papers», Toronto, v. 11, № 2 (summer, 1969), p. 156—166; H. M o m o s e. Soviet Studies in Japan. «Annual Review of the Japan Institute of International Affairs», Tokyo, v. 5 (1969—1970), p. 159—168; Sh. M i n a m i z u k a. Japanese Interest in East-Central Europe in Historical Perspective. «Tooshi kenkyu», Tokyo, № 1 (1978), p. 4—17.

выходит научный журнал под заглавием «Сураву кэнкю» (Славистические исследования). В последнее время у нас все яснее формируется славяноведение в качестве одной из отраслей гуманитарных и общественных наук, которая занимается проблемами региона, населенного в основном славянскими народами. В этой связи возникают два вопроса: 1) в каких категориях может быть обозначен регион, населенный преимущественно славянами — этнографических или географических?; 2) является ли славяноведение самостоятельной научной дисциплиной?

Японские исследователи отдают предпочтение пониманию этого региона в географическом смысле, так как при этнографическом его определении из поля зрения выпадает ряд районов, хотя и не населенных славянскими народами, но тесно с ними связанных, как например, неславянские республики Советского Союза или неславянские страны Центральной и Восточной Европы. Поэтому некоторые славяноведы у нас применяют наименование — сорэн тоо гаку, что примерно означает: изучение Советского Союза, Центральной и Восточной Европы. Как известно, на Западе и в Японии уже давно ведется дискуссия о том, какие страны включает Центральная и Восточная Европа. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим, что у нас под этим понятием подразумевается регион, охватывающий семь стран (Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Югославию, Албанию), а иногда еще и Финляндию, ГДР, Австрию, Грецию.

Японские специалисты больше склоняются к тому, чтобы рассматривать славяноведение не как самостоятельную научную дисциплину, а считают полезным сотрудничество ученых из разных отраслей гуманитарных наук, занимающихся проблемами этой части света. Научные исследования проблем определенной части света на основе международного сотрудничества называются по-японски циники кэнкю, по-английски area studies, т. е. региональными исследованиями. Эта концепция в последнее время находит все большее признание, что отражается и в структуре некоторых новых или реорганизованных факультетов и исследовательских институтов.

Наше славяноведение еще молодо, но уже имеет свою историю. В ней можно выделить основные этапы: 1) с середины 70-х годов XIX в. до начала 30-х годов XX в.; 2) с начала 30-х годов по 1945 г.; 3) с 1945 г. до начала 60-х годов; 4) с начала 60-х годов по сегодняшний день.

В 1868 г. в Японии произошел крупный политический переворот, так называемая Революция Мейдзи. Революционное правительство провело коренные политические и общественные реформы в стране и положило конец политике изоляции Японии от внешнего мира, которая проводилась при феодальном режиме почти 250 лет. Японская интеллигенция, уже давно стремившаяся расширить свои знания о внешнем мире и болезненно ощущавшая глубокую отсталость своей страны, сразу же взялась за исследование западных стран, в том числе и России. Многие молодые ученые и студенты были посланы или по собственной инициативе поехали в дальние страны, чтобы изучать западную культуру и общественное устройство. Появились японские студенты и в царской России, хотя последняя не принадлежала к числу самых развитых стран тогдашнего мира и не стала популярной для японских студентов.

Однако в двух областях Россия продолжала привлекать внимание японской интеллигенции: в художественной литературе и в общественной мысли. Еще в середине 70-х годов XIX в. в Токио был основан Институт иностранных языков, где обучали и русскому языку. Одним из выпускников этого института является Фугаватэ́й Симэй, писатель и переводчик И. С. Тургенева. В 1898 г. он был приглашен преподавать русский язык в этом институте. Под его руководством учился Ясуги Садатоси, который

в начале XX в. продолжил свое образование в Петербургском университете и после возвращения на родину стал основоположником русистики в Японии. Изданный этим лингвистом первый научный русско-японский словарь по сегодняшний день широко используется как японскими, так и советскими студентами. Из его школы вышли выдающиеся русисты: Энэкава Масао, Накамура Хакуе, Хара Куициро, Вакимура Кичитаро и др. Они приложили много усилий для ознакомления японских читателей с великими русскими писателями XIX в. — Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Толстым, Достоевским, Чеховым и к середине 30-х годов почти все их главные произведения были переведены на японский язык. В основном благодаря их усилиям русская литература XIX в. пользуется такой громадной популярностью у японцев.

В 1920 г. при частном токийском Васэда-университете была открыта кафедра русской литературы, на заведывание которой был приглашен Х. Куициро. Год спустя в Осаке был основан второй Институт иностранных языков с кафедрой русского языка. В 1925 г. недалеко от древней столицы Нара был создан частный институт иностранных языков, Тэнринститут, с кафедрой русского языка. Некоторые японские литературоведы и языковеды получали образование в учрежденной в начале 20-х годов Школе русско-японского общества, превращенной в 1932 г. в Харбинскую государственную академию в Маньчжурии.

Еще до конца XIX в. общественная мысль России начала привлекать внимание японской интеллигенции. Критическая общественная мысль, и прежде всего отважные революционные выступления народников, вызвали весьма живой отклик у оппозиционно настроенных кругов Японии. Интерес японской интеллигенции к событиям в России и лежащим в их основе идеям укрепился особенно после Октябрьской революции. В 20-е годы и в начале 30-х годов вышло в свет огромное количество переводов (в основном с немецкого или английского языков) сочинений ведущих деятелей русской революции и советских изданий по общественным наукам, что явилось ценным вкладом в распространение в Японии идей русской революции и знаний о Советском Союзе.

Если первый этап развития японского славяноведения характеризовался преобладанием общественного интереса к нему, то на втором этапе славяноведение подчинялось в основном интересам правящих кругов.

Начиная с середины 20-х годов в японской политике все более обнаруживались шовинистические, милитаристские и фашистские тенденции. В таких условиях научные исследования о СССР встречали все возраставшие препятствия со стороны властей. Многие исследователи, занимавшиеся русскими проблемами и стоявшие на более или менее оппозиционной точке зрения, изгонялись из учебных заведений, преследовались и даже заключались в тюрьму. Было запрещено немало научной литературы о СССР. Дошло до того, что проявление интереса к русскому языку стало подозрительным в глазах правящих кругов. Для тогдашнего политического климата показательно, что в 1937 г. под давлением правительства была закрыта кафедра русской литературы при Васэда-университете в Токио.

Однако независимо от того, нравилась ли соседняя страна правящим кругам Японии или нет, исследование ее проблем уже давно являлось необходимостью и для них самих. Характерно, что обучение русскому языку ввели сначала институты торговли и военные академии, а не крупные так называемые императорские университеты. После Октябрьской революции в политике Японии в отношении Советского Союза постепенно на первый план выдвинулись вопросы идеологического характера

и военно-стратегические соображения. В 30-е годы при прямой или косвенной финансовой помощи министерств иностранных дел, военного и финансов был основан ряд исследовательских учреждений, которые, в частности, ставили себе задачу всестороннего изучения Советского Союза: Институт Восточной Азии, Совет планирования, Исследовательский отдел Товарищества южноманьчжурской железной дороги, Исследовательский отдел Министерства иностранных дел. В этих учреждениях работало большое количество специалистов, которые систематически собирали информацию о Советском Союзе и иногда публиковали результаты своих исследований. Само собой разумеется, что научная ценность таких исследований была ограничена. Но следует отметить, что японские «советологи» здесь впервые ознакомились с общественно-научным подходом к данному предмету, основанном не на заранее заданных постулатах, а на фактах, хотя такой подход применялся в очень ограниченном масштабе. Нельзя отождествлять и всех сотрудников этих учреждений со сторонниками шовинизма или фашизма. Многие из них были оппозиционно настроены и руководствовались искренним желанием узнать, что происходит в мире, в частности в Советском Союзе. Много славяноведов марксистского направления в послевоенной Японии вышли из бывших сотрудников этих организаций.

Знаменательно, что именно в этот период появились первые японские исследования по проблемам стран Восточной Европы. Интерес к этим проблемам проявили прежде всего специалисты по истории международных отношений, которые сами некогда находились на дипломатической службе или имели тесные контакты с официальными кругами. Они считали такие исследования полезными, поскольку внешнеполитический курс стран этой части Европы, по их мнению, непосредственно затрагивал государственные интересы Японии. Аграрные реформы, которые проводились в ряде стран Восточной Европы в межвоенный период, вызвали интерес у некоторых чиновников Министерства сельского хозяйства Японии, где аграрная реформа уже давно стояла на повестке дня. Они подготовили обширные монографии по данной теме. В этот период были переведены некоторые романы выдающихся польских писателей, например, Реймонта, Жеромского и Сенкевича. Но переводы осуществлялись не с польского языка, ибо тогда в Японии еще не было ни одного ученого, который бы владел какими-либо языками этого региона помимо русского.

Число изданных словарей и учебников русского языка может служить показателем того, какой популярностью пользовалась соответствующая тематика среди японских студентов. По данным, имеющимся в нашем распоряжении, в 1929—1944 гг. было издано 104 наименования книг. Это составляет 3,5% всех словарей и учебников иностранных языков, изданных в этот период. Для сравнения приведем цифры изданий на других языках: 486 английских учебников и словарей, 599 немецких, 276 китайских, 216 французских.

Для третьего этапа истории японского славяноведения характерно выдвижение на первый план интереса к идеологическим вопросам.

После войны в Японии произошла широкая демократизация во многих областях общественной жизни. Была восстановлена свобода обучения и исследования. Ряд ученых, преследовавшихся при милитаристском режиме, возвратился в учебные заведения и исследовательские учреждения. Свежие силы и идеи наполнили научную жизнь, проникли они и в славяноведение. Носителями новых идей в славяноведении являлись в большинстве случаев интеллигенты марксистского направления. Интерес к проблемам Советского Союза и европейских стран народной демо-

кратии был почти тождествен интересу к социализму. Можно сказать, что тогда многие японские слависты в поисках пути революционного преобразования своей родины изучали исторический опыт отдельных стран. Еще задолго до войны марксистское учение привлекло многих японских интеллигентов и пустило глубокие корни в академических кругах. Одним из показателей распространения марксизма в Японии может служить то, что еще в 20-е и 30-е годы вышло в свет 35-томное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и важнейшие труды В. И. Ленина в японском переводе. После войны появились новые, более совершенные издания сочинений основоположников марксизма-ленинизма, в том числе полный перевод подготовленного в ГДР собрания произведений Маркса и Энгельса и изданного в Советском Союзе Полного собрания сочинений Ленина.

При этом в 40-е и 50-е годы основное внимание японских славяноведов было обращено к общественным наукам, в частности, экономическим. В те же годы была основана Научная ассоциация социалистической экономики. В научных журналах или отдельными книгами появилось большое число разработок по разным вопросам социалистического хозяйства. На этот период приходится и начало японских исследований юридической и политической систем социализма. Особенное внимание привлекали вопросы народной демократии. Вносили свой вклад и историки, сосредоточив внимание на истории общественной мысли, возникновении капитализма и истории революционного движения в России.

Позитивное значение исследований этого периода заключается в том, что японские ученые пытались раскрыть новые области знания и стремились ознакомить японскую общественность с мало известными до тех пор аспектами жизни Советского Союза и стран Восточной Европы. Однако исследования этого периода, за небольшим исключением, страдают существенным недостатком: они были основаны не столько на строгом анализе фактов, сколько на теоретических предположениях о социализме. Это было своеобразной реакцией японских славяноведов на довоенный период, когда каждое высказывание симпатии к Советскому Союзу подвергалось жестокому преследованию со стороны правительства. Надо учесть также, что это был период так называемой холодной войны, сопровождавшийся часто односторонним подходом исследователей к изучению проблематики.

Следует помнить, что тогда еще не было материально-технических условий, необходимых для проведения серьезных научных исследований. Из-за затяжной изоляции и экономических трудностей после войны японские библиотеки были не в состоянии приобретать зарубежные публикации в достаточном количестве, зачастую не было самой элементарной литературы. Исследователи были вынуждены пользоваться публикациями, которые попадали к ним более или менее случайным образом.

Необходимо отметить, что в этот период был опубликован первый в Японии обобщающий очерк «История Восточной Европы» под редакцией Умэда Еситада (Токио, 1958). Это коллективный труд историков, литературоведов, филологов и археологов, долго работавших в Польше, Венгрии и Болгарии. Несмотря на серьезные недочеты, которыми этот труд страдает, главным образом, из-за недостаточной профессиональной квалификации его авторов, он выделяется тем, что написан на основе источников и разработок на языках Восточной Европы.

С начала 60-х годов японское славяноведение вступает в новый этап своего развития. Приблизительно с этого времени в славяноведении происходит скачок. Речь идет о прогрессе не только количественном, но и качественном. Японские славяноведы медленно, но верно осваивали

более дифференцированный, более объективный подход. Этому стремлению благоприятствовала разрядка международной напряженности, отступление «холодной войны» перед тенденциями мирного сосуществования. Существенное воздействие оказывали изменения, которые произошли в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Японские интеллигенты-марксисты начали более самостоятельно мыслить и освобождаться от схематизма и догматических представлений. Экономические условия страны улучшились настолько, что некоторые крупные библиотеки и вузы постепенно стали систематически собирать литературу на мало распространенных в Японии языках. Как раз в этот период наступил новый подъем интереса к СССР и Восточной Европе. Это отразилось наиболее явственно в огромном росте числа студентов, обучавшихся русскому языку. По доступным мне данным, в 1949—1953 гг. число слушателей Японско-советской академии, популярной школы русского языка в Токио, колебалось между 110 и 236, в 1959 г. оно внезапно возросло до 516, в 1960 г. — до 801, и в 1963 г. — до 1180. Это явление — «третий бум» русского языка, как сегодня называют его преподаватели, — вероятно, связано с так называемым «эффектом советского Спутника», т. е. с достижениями СССР в освоении космоса. Таким образом, подрастало новое поколение специалистов, призванных влить новые силы в японское славяноведение.

Долгое время после войны японские любители русской литературы были вынуждены обходиться переизданием довоенных переводов. С конца 50-х годов читатели постоянно получают новые более совершенные переводы произведений не только писателей XIX в., но и современных. Их произведения издавались громадными тиражами и часто в нескольких разных версиях. Особого внимания заслуживает тот факт, что во второй половине 60-х годов вышла в свет 13-томная антология современных писателей стран Восточной Европы. На этот раз все было переведено на японский язык непосредственно с оригинала. Не только переводы, но и научные монографии по литературоведению и языкознанию публиковались во все возрастающем количестве.

Значительный прогресс был достигнут и в области исторической науки. В 1956 г. маленькая группа молодых историков основала в Токио научное общество по истории России, которое впоследствии сыграло в Японии ведущую роль в исследовании русской истории. Это общество, не получая никакой финансовой поддержки со стороны официальных и деловых кругов, опираясь лишь на добровольные взносы своих членов, выпускает высококвалифицированный научный журнал, размноженный на ротапринте. До настоящего времени вышло уже 30 номеров. В 1968 г. вышел из печати коллективный труд этой группы под редакцией Эгучи Бокуро «Исследования русской революции». Эта большая публикация (900 страниц), включающая работы 21 автора, представляет собой веху в японских исследованиях по русской истории. Отдельные очерки, опирающиеся на огромное количество работ по данному предмету (как советских, так и западных), находятся на уровне современной науки. В 1969 г. вышел в свет труд Момосэ Хироси «Введение в дипломатическую историю Северо-Восточной Европы». Автор, пользуясь архивными материалами министерств иностранных дел Финляндии, Германии и Японии и опубликованными материалами на финском, английском, русском, немецком и французском языках, рассматривает международные отношения в этом районе мира в межвоенный период и начальный период второй мировой войны. В 1977 г. вышла в свет «История Восточной Европы» под редакцией Яды Тоситаки — новое, переработанное издание книги, изданной в 1958 г. под тем же самым заглавием. Этот коллектив-

ный труд, в котором участвует и автор этих строк, представляет собой новейший уровень японского исследования в этой области.

Успешно развиваются и исследования в области истории государства и права. Молодые юристы в настоящее время, пожалуй, интересуются больше историей, чем современными проблемами. Вышло в свет довольно много научных статей и монографий по вопросам юридической системы СССР в первое послеоктябрьское десятилетие. Остается пожелать, чтобы юристы в будущем обратили больше внимания на современные проблемы, на исконную область юриспруденции как практической науки, применяя объективный подход, как и в исторических работах.

Из многочисленных работ по политологии внимания заслуживает обширная монография Юзуру Таниучи «Политическая история Советского Союза. Власть и крестьяне» (Токио, 1962). Автор, специалист по науке управления, опираясь на громадное количество материалов на русском языке, анализирует, как формировалась политическая система Советского Союза в 20-х годах. В 1970 г. вышло в свет двухтомное продолжение работы того же автора. Оригинальные взгляды, хорошо обоснованные аргументы и огромная эрудиция делают его труды первоклассным научным материалом и, следовательно, значительным вкладом Японии в изучение Советского Союза.

Переходя к славяноведческим учреждениям в Японии, мне хочется сделать одно замечание: у нас главное значение придается инициативе отдельных лиц, как в хозяйстве, так и в науке. Такая индивидуальная инициатива иногда получает поддержку правительства или какого-нибудь учреждения, но очень часто не получает поддержки.

Основу каждого славяноведческого исследования составляет, мне кажется, знание языка. Русскому языку обучают у нас, как правило, только в вузах, причем в двух вариантах: как второму после обязательного английского, и как первому для будущих специалистов по русскому языку или литературе. Сейчас во многих государственных, муниципальных и частных вузах Японии устраивают курсы русского языка. В Хоккайдском университете в Саппоро, например, ежегодно примерно 250 студентов (около 10% от общего числа) выбирают русский как второй язык. Наше Министерство образования долгое время относилось пренебрежительно к специализированному обучению русскому языку в вузах. Из бывших императорских университетов, в которых готовились и научные кадры, Хоккайдский университет в Саппоро был первым, который организовал кафедру русской литературы и то лишь в 1952 г. Прошло еще 20 лет, пока в другом государственном университете — Токийском — появилась кафедра русского языка и русской литературы. В прошлом году создана такая кафедра еще в одном государственном университете. Между тем кафедры русского языка или русской литературы были открыты во многих муниципальных и частных вузах, самым представительным из которых является, пожалуй, Васэда-университет¹ в Токио с восстановленной в 1946 г. кафедрой русской литературы.

Одной из тенденций последнего времени является создание кафедр, где работают языковеды, литературоведы, экономисты, юристы, антропологи, социологи и т. д.; специалисты занимаются изучением определенного региона. Такие кафедры часто являются частью более широкой организации, называющейся «факультетом международных отношений» или «факультетом зарубежных исследований», которые имеют, кроме русского отдела, и отделы, занимающиеся Америкой, Китаем, Францией, Германией и т. д. Так, например, в 1966 г. была открыта кафедра «Культура и общество России» в Токийском университете. Этому примеру по-

следовал ряд частных вузов, самым известным из которых является София-университет в Токио.

В Японии можно учиться русскому языку и вне вузов. Есть ряд частных школ русского языка, самой известной из которых была и остается вышеупомянутая Японско-советская академия в Токио. Обучение русскому языку ведется по радио, а в последнее время — и по телевидению. Теперь всякий, кто располагает достаточной силой воли, может учиться русскому языку дома под руководством самых хороших преподавателей. К сожалению, пока нет таких возможностей для тех, которые хотят выучить языки других народов Восточной Европы. Даже в вузах очень нерегулярно устраивают курсы таких мало распространенных языков. Студенты, интересующиеся этими языками, пока предоставлены самим себе.

В 1955 г. был основан Институт славяноведения при Хоккайдском университете в Саппоро. Сначала это была маленькая научная ячейка, скорее зародыш института, подчиненный административному юридическому факультету и имевший только одно место экстраординарного профессора. Но в течение 20 лет он вырос в настоящий институт, постепенно расширяя свою тематику и масштабы организации. В 1978 г. он был переименован в Исследовательский центр славяноведения. Этот центр административно самостоятелен, то есть, представляет собой автономную единицу в университете наряду с другими факультетами и институтами, и имеет десять профессорских мест (из них семь постоянных и три временных, т. е. приглашаемых на временную работу из других научных учреждений как в стране, так и за границей). Согласно концепции, лежащей в основе центра, он является междисциплинарным исследовательским институтом, который ведет собственные исследования и одновременно выполняет координационную функцию славяноведческих исследований как внутри, так и вне университета. С центром связаны и сотрудники, которые принадлежат к другим факультетам университета или к совсем другим организациям. Подавляющее большинство «внешних сотрудников» работает в том же Хоккайдском университете, всего их около 30 человек. Связи этой группы с центром имеют более или менее постоянный характер, в то время как внеуниверситетские сотрудники, число которых меняется, приглашаются в центр на основе ежегодного договора.

Исследовательский центр славяноведения при Хоккайдском университете в Саппоро является пока что единственным учреждением этого рода в стране. Институт общественных наук при Токийском университете и Институт экономики при Хитоцубаси-университете (бывший Токийский институт торговли) имеют сектора социалистической экономики. Некоторые вузы, как, например, Хоккайдский университет в Саппоро и Тохоку-университет в Сэндае, имеют кафедры социалистического законодательства на юридическом факультете. В Институте международных отношений в Токио, связанном с МИД Японии, в Институте развивающихся экономических систем в Токио, связанном с Министерством внешней торговли и промышленности, и в Комплексном институте сельского хозяйства в Токио, связанном с Министерством сельского хозяйства, имеются сектора Советского Союза и стран Восточной Европы. Все эти учреждения ограничиваются исследованием в рамках отдельных дисциплин и не ставят себе задачи координировать исследования по различным дисциплинам. В последнее время были учреждены институты Советского Союза и стран Центральной и Восточной Европы при нескольких частных вузах, но по-американскому образцу, т. е. институты эти существуют лишь на бумаге. Судя по всему, Исследовательский центр

славяноведения в Саппоро призван стать единственным настоящим центром славяноведения в Японии.

В Японии библиотечное дело децентрализовано. Каждый вуз и каждый исследовательский институт получает ассигнование на библиотечные нужды более или менее пропорционально числу сотрудников данного учреждения. Выбор покупаемых публикаций полностью предоставлен сотрудникам. Поэтому ценная коллекция литературы по определенному предмету формируется в тех вузах, где почему-то оказалось много специалистов по данному предмету. Поскольку славяноведение в Японии зарождалось в вузах, расположенных на периферии научной деятельности (в институтах иностранных языков, торговли, в частных университетах и лишь позднее в крупнейших университетах), это отразилось и на библиотечных фондах. Хорошая коллекция литературы на славянских языках чаще встречается в небольших вузах, чем в крупнейших университетах или центральных библиотеках. В целом наши библиотеки находятся еще в очень неудовлетворительном состоянии, хотя они в последние годы прилагают большие усилия к удовлетворению все возрастающих требований славяноведов. Кстати говоря, японские ученые — страстные коллекционеры книг. Поэтому большое количество ценных книг, особенно на таких мало распространенных языках, как польский, венгерский, сербо-хорватский и т. д., находятся в частных руках, а не в библиотеках. Все это — отражение отсталости нашего библиотечного дела.

В Японии существует ряд научных обществ, которые объединяют специалистов по тем или иным областям знания. Их функции различны. Важнейшие: представлять интересы своих членов в Министерстве образования; организовывать научные сессии; издавать научные журналы; создавать своим членам условия для обмена мнениями и информацией. Перечислю важнейшие общества японских славяноведов: 1) Научная ассоциация по русскому языку и русской литературе — национальная организация русистов, основанная в 1955 г.; 2) Научная ассоциация по социалистической экономике — национальная организация экономистов в основном марксистского направления, созданная в 1955 г.; 3) Общество изучения Европы и Азии — организация содействия исследованиям социалистических стран, образованное в 1955 г. при финансовой помощи МИД и деловых кругов; с 1976 г. она присоединена к Институту международных отношений в Токио; 4) Научное общество по истории России — региональная организация историков, основанная в 1956 г. в Токио; 5) Хоккайдское общество по славяноведению — региональная ассоциация славяноведов, созданная в 1970 г. в Саппоро; 6) Научная ассоциация по изучению Советского Союза и Восточной Европы — национальная организация специалистов, занимающихся в основном, общественными науками, возникшая в 1971 г.; 7) Научное общество по истории Восточной Европы — региональная организация историков, основанная в 1975 г. в Токио; 8) Ассоциация по славянским и восточноевропейским исследованиям — региональная организация, созданная в 1978 г. в Киото.

Из научных журналов, издаваемых в Японии, проблемы славяноведения освещают: 1) «Россия то Россия бунгаку кэнкю» («Исследования по русскому языку и русской литературе») основан в 1955 г., орган Научной ассоциации по русскому языку и русской литературе; 2) «Сураву кэнкю» («Славистические исследования») выходит с 1957 г., ученые записки Исследовательского центра славяноведения при Хоккайдском университете в Саппоро; 3) «Россия си кэнкю» («Исследования по русской истории») издается с 1957 г., орган Научного общества по истории России в Токио; 4) «Россия совето кэнкю» («Исследования по вопросам Рос-

сии и Советского Союза») выходит с 1961 г., ученые записки кафедры русского языка при Институте иностранных языков в Осаке; 5) «Сорэн тоо таккай нэнпо» («Ежегодник Научной ассоциации по вопросам Советского Союза и Восточной Европы») выходит с 1972 г.; 6) «Тоо си кэнкю» («Исследования по истории Восточной Европы») основан в 1978 г., орган Научного общества по истории Восточной Европы в Токио.

Славяноведческие работы не всегда печатаются на страницах этих журналов. Гораздо больше их публикуется в сотнях других научных журналов по различным дисциплинам, что затрудняет поиски статей по славяноведению. Нужно отметить, что в славяноведческих журналах пока не применяется строгая система оценки научной квалификации опубликованных статей, так что в них попадают статьи разного уровня.

Публикация больших научных трудов в Японии осуществляется следующим образом: все издательские дела ведутся на частной основе, публикация зависит от индивидуального договора между автором и издателем. Есть некоторые издательства, специализирующиеся на научной литературе. Если окажется, что нельзя издать какой-то научный труд на коммерческой основе, можно запросить финансовую поддержку, например, у Министерства образования. Серьезную научную монографию у нас, в основном, всегда возможно выпустить в свет.

Информацией о текущей литературе по славяноведению, как восточной, так и западной, снабжают в Японии не столько библиотеки, сколько прежде всего частные компании, специализирующиеся на книжной торговле с заграницей, особенно с Советским Союзом и странами Восточной Европы, в частности компании Наука-сетэн и Ниссо-тосе. Они имеют филиалы в крупных городах страны и бесплатно присылают интересующимся тематические каталоги, помогающие японским славяноведам очень быстро ориентироваться, в каком уголке мира, какая книга и по какой теме вышла в свет. Говоря о развитии японского славяноведения за последние годы, нельзя упускать из виду определенный вклад в него таких коммерческих предприятий.

По мере того, как развивается наука, перед ней встают и новые проблемы. Рассмотрю с этой точки зрения некоторые вопросы, стоящие в настоящее время перед японским славяноведением.

Традиционные отрасли гуманитарных наук развивались в рамках отдельных дисциплин. Но в последнее время все яснее становится то, что проблемы современного мира требуют нового подхода, выходящего за пределы одной дисциплины. Проблемы славянского региона, например, требуют высокоспециализированной научной подготовки и одновременно широкого исследовательского подхода. Как же возможно заниматься этими проблемами в рамках факультетов, построенных на основе традиционных дисциплин, где трудно получить такое специализированное образование и трудно организовать сотрудничество специалистов по разным дисциплинам? Вот почему у нас в последнее время реорганизовали старые и открыли новые учебные и исследовательские заведения на междисциплинарной основе. Теперь возникает вопрос о целесообразности этого. Не оказывается ли подрастающее поколение специалистов, подготовленных на междисциплинарной основе со специализацией на определенном регионе мира, лишь поверхностно знакомым со всеми дисциплинами в замкнутом круге узкого регионального интереса? Они имеют, правда, довольно хорошие шансы на практическую работу в промышленности, торговле, журналистике, на государственной службе и т. д., так как наше хозяйство развивается и быстро расширяются наши контакты с зарубежными странами, но с наукой дело обстоит хуже. Их ждет упорная борьба за право гражданства в научном мире, так как для «специалистов регио-

на», как называют их «специалисты дисциплины» с немалой дозой пренебрежения к их специализации, число мест на традиционных факультетах считанное. Их могут принять на службу учебные заведения, построенные на междисциплинарной основе, но тогда, пожалуй, появятся специалисты еще более узкого профиля. Конечно, появляются в последнее время во все возрастающем количестве «специалисты региона», имеющие высокую квалификацию и в определенной дисциплине. Они, в свою очередь, относятся с пренебрежением к «специалистам дисциплины», слабо разбирающимся в проблемах того или иного района мира, несомненно требующих должного внимания.

Таким образом, возникает конфликт между «дисциплиной» и «регионом». Серьезность конфликта зависит от области знания. Например, в литературоведении, языковедении, истории, этнографии и антропологии такого конфликта не существует, или по крайней мере он не заметен! Исследования в этих областях всегда более или менее связаны с определенным регионом. В области философии, политологии, юриспруденции, экономики, педагогики, социологии и психологии конфликт выявлен довольно резко. Этот конфликт свойствен не только славяноведению, и не только в Японии. Например, в США это противоречие уже давно наблюдается, и социологам или политологам, специализирующимся по Японии, пришлось долго бороться за признание в научной среде.

Хотя в Японии обучение русскому языку сделало большие успехи, оно оставляет желать много лучшего. В этом отношении положение Японии существенно отличается от многих других стран. Западные славяноведы зачастую являются эмигрантами из славянского региона. Ясно, что для них нет никакой языковой проблемы. К тому же, языки западных стран (английский, немецкий, французский) принадлежат к той же самой языковой семье, что и славянский. У народов запада со славянами не только общее языковое происхождение, но также более или менее общая культурная традиция. Поэтому западным славяноведам не трудно усвоить славянский язык. Японцы же принадлежат к совсем другой языковой семье и совсем другой культурной сфере. Славянский язык дается им куда труднее, чем американцам, немцам, французам и др. Надо помнить также, что население Японии этнически однородно и имеет мало контактов с другими народами из-за географических условий — этот фактор тоже затрудняет обучение иностранным языкам. Из всего этого следует, что хотя в Японии насчитывается довольно много славяноведов, но их знание языка, важнейшая основа славяноведения, находится еще в неудовлетворительном состоянии. Даже преподаватели русского языка, не говоря о других специалистах, часто не в состоянии свободно обмениваться мнениями на русском языке с зарубежными коллегами. Японцам предстоит еще большие усилия по преодолению языкового барьера.

Японские библиотеки делают все возможное для предоставления необходимой литературы в распоряжение славяноведов. Например, Исследовательский центр славяноведения в Саппоро приобретал за последние годы факсимильные переиздания или микрофильмы почти всех основных журналов, отражающих общественную мысль России XIX—XX вв., как например, «Современник», «Набат», «Искра», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Каторга и ссылка», «Красный архив», «Пролетарская революция» и др. В прошлом году он приобрел личную коллекцию русского эмигранта, впоследствии профессора Йельского университета в США — Георгия Вернадского. Отдельные славяноведы тоже прилагают много усилий для собирания литературы по своему предмету, хотя эти усилия часто некоординированы. Существует необходимость установления координационного механизма и организации общенациональной библио-

графической службы. Но и в этом случае останется ощутимым недостаток литературы, ибо составление универсальной библиотеки — дело нескольких веков. Для стран, поздно начавших свое развитие, типичнейшей из которых является Япония, есть определенная граница возможностей. Стремиться к формированию исчерпывающей коллекции литературы по славяноведению невозможно и, по-моему, бессмысленно для такой страны, как Япония. Вероятно, и в будущем японские славяноведы будут страдать от нехватки литературы.

Как можно разрешить вопросы о языке и литературе? По-моему, один из выходов — это международный обмен специалистами. Значение международных контактов заключается 1) в усвоении языка; 2) в ознакомлении с литературой, которая недоступна в своей стране (для Японии более экономичным было бы послать исследователей в соответствующие страны, чем стараться собирать всю литературу); 3) в обмене мнениями и опытом с зарубежными коллегами. Невозможно преувеличить значение научного стимула, который дают международные контакты.

Многие из японских русистов долго занимались Россией, не видя никогда этой страны собственными глазами и не имея случая обменяться мнениями с русскими коллегами. С другой стороны, им зачастую было нелегко попасть и в другие страны с большой традицией русистики. Такое положение вещей, существовавшее раньше, кроме всего прочего объяснялось тем, что применительно к Советскому Союзу были весьма затруднительны поездки с научными целями по частной инициативе, а это обычный способ заграничных поездок, принятый у японских исследователей. Несколько лучше обстоит дело у специалистов по странам Восточной Европы, куда японские славяноведы отправляются по собственной инициативе и занимаются исследованием в ряде крупных университетов или исследовательских институтов. Мы, в свою очередь, приглашаем ученых и студентов из этих стран на индивидуальной основе. В последние годы успешно развиваются научные контакты и с Советским Союзом. В 1973 г. было заключено соглашение между Японией и Советским Союзом по обмену учеными, на основании которого ежегодно 20 японских ученых всех специальностей приезжают в Советский Союз, и такое же число советских ученых приезжает в Японию. Кроме того, обмен учеными осуществляется на основе отдельных соглашений между японскими частными вузами и научными обществами, с одной стороны, и соответствующими советскими учреждениями — с другой. Мне кажется, что еще недостаточно развит обмен студентами и аспирантами и необходимы дальнейшие усилия обеих стран в этом направлении.

В Японии число мест для научных сотрудников в вузах и исследовательских институтах очень ограничено, в частности, в такой новой отрасли науки, как славяноведение. В 60-е годы в Японии произошел «образовательный взрыв»: возникла масса новых вузов и факультетов, так как студенческого возраста достигли в этот период те, кто родился во время демографического взрыва так называемого «беби-бума» первых послевоенных лет. Но скоро этот фактор перестал действовать. Теперь для поколения славяноведов, подготовленных в тот период, настанут нелегкие времена. Их ждет борьба за ограниченное количество мест в научных учреждениях. Многие уже давно стоят в очереди, занимаясь в аспирантуре. Некоторые отказались от научной карьеры и перешли в промышленность или в торговлю. Тревогу заинтересованных кругов вызывает тот факт, что число студентов, выбирающих русский как второй язык в вузах, в последние годы постоянно уменьшается, что автоматически означает уменьшение и без того немногочисленных мест преподавателей русского языка. Уменьшение шансов на заработок связано и с упо-

минавшимися выше предрассудками в научной среде по отношению к «специалистам региона». Особенно тяжело обстоит дело со специалистами по Восточной Европе. По данным, имеющимся в нашем распоряжении, они составляют 8,22% общего числа специалистов. Но их число имеет тенденцию к увеличению. Академических же мест, предоставляемых им, очень мало. В Японии пока нет ни одной кафедры польского, венгерского языка и других языков Восточной Европы.

Хотя перед японскими специалистами, занимающимися славянскими странами и всей Восточной Европой, стоит еще ряд нерешенных проблем, эта отрасль науки быстро развивается и, как мне кажется, вправе рассчитывать на хорошие перспективы в будущем.

ОБЗОРЫ РЕЦЕНЗИИ

М. BARNOVSKÝ. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948. Bratislava, 1978

М. БАРНОВСКИЙ. Социальные классы и революционные перемены в Словакии в 1944—1948 годах

В рецензируемой работе исследуется проблема взаимосвязи политического развития словацкого общества в 1944—1948 гг. с происходящими в процессе революции изменениями социально-экономического и общественного положения отдельных классов. М. Барновский дал социальный анализ революционного процесса, вскрыл внутренние пружины его развития и убедительно доказал, что коренные национальные и социально-экономические интересы рабочего класса объективно не могут находиться в противоречии с интересами пролетарских слоев трудящихся. Этот вывод автора, сделанный в заключении книги, базируется на тщательном изучении положения основных классов и их различных категорий в системе производства, эволюции их жизненного уровня и политических позиций в происходящей борьбе.

Книга открывается социальной характеристикой словацкого общества в первые послевоенные годы. На основе сопоставления материалов переписей 1930 и 1946 гг. автор показывает особенности развития основных классов в Словакии, изменение их численного состава и внутренней структуры. М. Барновский проводит большую аналитическую работу над материалами переписей, корректирует их, привлекая архивный материал, разрабатывает и составляет ряд важнейших таблиц, необходимых для характеристики тех социальных категорий, которые не учитывались должным образом в переписях. Например, на основе анализа и сопоставления многих источников в работу введен интересный материал о численности и составе буржуазии, интеллигенции и средних слоев в Словакии в послевоенные годы.

В главе, посвященной рабочему классу, автор большое внимание уделил исследованию его жизненного уровня. Данный сюжет из-за сложности объяснения многих, зачастую противоречивых, материалов статистики нередко обходился историками, и механизм воздействия

этого экономического фактора на развитие политической борьбы в стране оставался нераскрытым. На основе изучения материалов, характеризующих развитие производства в 1945—1947 гг., состояние производительности труда, заработной платы, покупательной способности кроны, насыщенности рынка товарами первой необходимости автор аргументированно доказывает, что в конкретных условиях 1945—1947 гг. наиболее реальным источником повышения жизненного уровня рабочего класса и всех трудящихся могло стать перераспределение национального дохода в пользу трудовых слоев общества, которого можно было достигнуть, лишь покончив с делением политической власти с буржуазией.

Анализируя социально-экономические факторы развития революционного процесса, автор отнюдь не абсолютизирует их, показывая, что они не были единственными. «Было бы большой ошибкой, пишет он, — объяснять перерастание национально-демократической революции в социалистическую, или политический кризис в Словакии| осенью 1947 г., или февральские события 1948 г. только как отражение ухудшения положения рабочего класса. Наиболее эксплуатируемые и низко оплачиваемые слои рабочих не были носителями революционных настроений, поскольку эти слои не являлись решающими и главными. Ведущей силой революции была наиболее опытная и наиболее зрелая часть рабочего класса, которая понимала неизбежность общественных перемен и свою историческую миссию» (с. 60).

Показывая степень участия различных слоев рабочего класса в революции, М. Барновский исследует факторы, оказывавшие не только позитивное, но и негативное влияние на вовлечение отдельных слоев рабочих в борьбу за установление нового социального строя. В частности, на страницах книги получила освещение проблема проникновения буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в рабочее движение, показано нега-

тивное влияние ультрарадикальных настроений на часть рабочего класса.

Раскрытие этих явлений позволило автору убедительно доказать, сколь сложные задачи должны были решать словацкие коммунисты как политический авангард общества и сколь велика и многогранна была школа революции, которую в 1944—1948 гг. прошел словацкий пролетариат.

При освещении позиций крестьянства автор, опираясь на труды своих предшественников, основное внимание сосредоточил на анализе социальных результатов аграрной реформы 1945 г., на выявлении классовых противоречий в словацкой деревне в 1946—1947 гг. и политической ориентации отдельных слоев крестьянства, степени их участия в классовой борьбе на различных этапах революции. При этом с особой тщательностью исследуются позиции середняка. Раскрыв специфику положения этой категории сельского населения в Словакии по сравнению с Чешскими землями, автор показал сложный путь словацкого среднего крестьянства к союзу с рабочим классом. Вывод автора о том, что середняк в Словакии окончательно и бесповоротно примкнул к революционным силам только во второй половине 1947 г. и буржуазии по существу к этому времени утратила свое бывшее влияние в деревне, во многом объясняет разницу в темпах развития революционного процесса в Чешских землях и Словакии. Борьба за крестьянство, за его участие в революции на стороне рабочего класса в силу ряда причин оказалась в Словакии более трудной и более длительной.

Весьма сложным, ввиду его малой изученности, является вопрос о мелкобуржуазных слоях города, их положении и политической ориентации. Автор на основе изучения материалов прессы, статистики, архивов, прежде всего фондов Центрального государственного архива Словакии, выявил проходивший в годы революции процесс политической дифференциации внутри этих слоев и показал борьбу коммунастов за отрыв основной массы мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников от буржуазии и ее политических представителей. Большая аналитическая и сопоста-

вительная работа проделана автором для освещения положения и политических позиций различных групп словацкой интеллигенции в разворачивавшейся борьбе.

Большой интерес для историков, занимающихся проблемами перерастания национально-демократической революции в социалистическую, представляют разделы книги, в которых рассматриваются изменения в позициях буржуазии. Весь материал этих разделов сориентирован на то, чтобы показать механизм воздействия социально-экономических перемен в положении различных слоев буржуазии в ходе революции на интенсивность поляризации сил в словацком обществе. Для решения поставленной задачи автор не только вводит новый материал, но и нередко обращается к тем сюжетам, которые уже исследовались в исторической литературе. Но при этом он рассматривает их под новым углом зрения и существенно обогащает имеющуюся в предшествующей литературе аргументацию.

В работе раскрываются методы воздействия частнокапиталистического сектора на политику правых партий, выявляются социальные корни проходившей в течение 1945—1947 гг. консолидации всех групп словацкого буржуазного лагеря, начиная от демократической, антифашистской части буржуазии до ее фашистских кругов, потерпевших поражение в ходе национально-демократической революции и стремившихся добиться восстановления утерянных позиций, показан механизм складывания единого блока всех буржуазных группировок в Чехословакии к концу 1947 г. Вместе с тем автор раскрывает причины неспособности этого блока повести за собой многочисленные в словацком обществе мелкобуржуазные слои города и деревни.

Таков краткий перечень проблем, получивших освещение в книге М. Барновского. Историческая наука в Чехословакии обогатилась интересной, подлинно новаторской работой, открывающей новое направление в изучении истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Г. П. Мурашко

Z. ŁUKAWSKI. *Ludność polska w Rosji. 1863—1914*. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1978, 229 s.

З. ЛУКАВСКИЙ. Польское население в России. 1863—1914

Доцент Ягеллонского университета Зыгмунт Лукавский известен как автор монографий о Польском коло в Государственной Думе 1906—1912 гг., об участии польских революционеров в российском социал-демократическом движении, первой популярной биографии Г. В. Плеханова на польском языке. Новая книга З. Лукавского вышла в серии «Полонистическая библиотека», издаваемой Комитетом изучения полонии Польской Академии наук. Публикация этой серии свидетельствует о переходе польских историков от рассмотрения отдельных проблем польской эмиграции к комплексному анализу социальной структуры, условий жизни, связей поляков с общественно-политической борьбой в стране пребывания, их вклада в развитие культуры, науки, экономики разных народов.

Перед З. Лукавским стояли немалые трудности. Предстояло не только обобщить уже накопленный материал, но и в значительной мере впервые исследовать ряд проблем, ранее слабо освещенных в литературе. С этой задачей автор успешно справился. Его книга основана на скрупулезно собранных и умело систематизированных фактах. Можно согласиться с применяемой в книге интерпретацией российской полонии. Автор относит к ней поляков, знавших польский язык и исповадовавших католичество, а также лиц, подвергшихся ассимиляции, но сохранивших польское национальное самосознание.

З. Лукавский изучил польскую прессу России, Королевства Польского и Галиции, издававшиеся в России польские календари, материалы русской статистики, воспоминания, документы центральных советских архивов об участии поляков в российском революционном движении, широко использовал исследования польских и советских историков.

Автор освещает широкий круг вопросов, связанных с пребыванием поляков в России: положение польских пленных и сыльных, первые польские колонии в русских городах, экономическую эмиграцию поляков, их участие в хозяйственной жизни страны. Он анализирует численность, профессиональную и социальную структуру польского населения в России, характеризует отдельные его группы, говорит о польских студентах в учебных заведениях империи, о культурно-просветительной работе российской полонии, о польских ученых и путешественниках. Автор пришел к важному выводу о пролетарском, демократическом

характере польского населения в России и существенной роли в нем интеллигенции (с. 95, 104). В книге изучены экономическое положение польских рабочих, условия их труда и быта. В отдельной главе рассказано об участии поляков в российском либеральном и революционном движении, причем показано, что этому способствовали традиции национально-освободительной борьбы.

Географические рамки исследования обширны. З. Лукавский пишет о пребывании поляков в центральной и южной России, в Поволжье, Закавказье, Сибири, Дальнем Востоке, Средней Азии и Казахстане. Предпринятые автором поиски следов деятельности поляков в различных частях Российской империи помогут историкам-краеведам в изучении местных архивов и выявлении новых материалов о поляках. О перспективности таких исследований на местах свидетельствуют, например, известные нам фонды Центрального государственного исторического архива Карельской АССР, где хранятся сотни дел о сосланных в Олонецкую губернию участниках польского национально-освободительного движения.

К сожалению, в книге З. Лукавского жизнь поляков в России рассматривается изолированно — не показаны их взаимоотношения с русским и нерусским населением. Этот сюжет представляет важный аспект связей польского народа с народами Российской империи. Трудящиеся массы России с сочувствием и симпатиями относились к польским сыльным, ценили их знания и культуру. Отношения между поляками и местным населением не только были лишены антагонизма, но, вопреки антипольской политике царизма, складывались дружелюбно. Такой вывод сделан автором в заключении (с. 214), но он не подкрепляется в монографии необходимой аргументацией.

По нашему мнению, в книге о польском населении в России следовало подробно рассказать об откликах среди польского населения на программу большевиков по национальному вопросу, о распространении большевистской печати среди польских рабочих, об отношении политических партий и различных кругов русского общества к польскому вопросу. З. Лукавский упоминает только о позиции кадетов. Значительный материал по этой проблеме можно найти в монографии «Очерки революционных связей народов России и Польши 1815—1917» (М., «Наука», 1976), подготовленной коллек-

тивом авторов под грифом Института славяноведения и балканистики АН СССР, но она, к сожалению, осталась вне поля зрения З. Лукавского. Отметим фактическую неточность. И. Данилович был уволен из Виленского университета не в 1820 г., а в 1824 г.; он стал профессором Харьковского университета в 1825 г., а не через пять лет после увольнения из Вильно, как сказано в книге (с. 179).

Несомненно, монография З. Лукавского станет стимулом для изучения истории

польского населения в разных странах, а содержащийся в ней богатый материал важен для сравнительно-типологического анализа. Одной из актуальных задач является подготовка обобщающей работы о поляках в России с конца XVIII в. до 1863 г. Это поможет воссоздать всестороннюю картину отношений польского народа и народов Российской империи.

Б. С. Попков, А. М. Орехов

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО РОМАНА

Роман постоянно привлекает внимание специалистов по разным литературам. Они разрабатывают вопросы его происхождения, эволюции, типологию жанра¹. А. В. Липатов, выпустивший книгу о польском романе эпохи Просвещения², уходит в своей новой работе³ в глубь веков, обращаясь к средневековью, Возрождению, эпохе барокко, стремясь к «... обобщениям историко-литературного и теоретического характера, к выявлению истоков ныне ведущего литературного жанра, равно как и тенденций эволюции литературного процесса и литературной культуры» (с. 14). Автор справедливо полагает, что эти задачи он сможет решить, работая в русле исторической поэтики. Именно историко-поэтический аспект позволил ему представить роман как видоизменяющееся, а не застывшее литературное явление, проследить его эволюцию. Продуктивным для целей исследования оказалось также выраженное в развернутом определении понимание автором романа как результата «... взаимодействия и взаимопроникновения различных жанровых поэтик...» (с. 36), как жанра многопланового, свободного от ограничений поэтических кодексов, в котором присутствуют «полифоничность и

масштабность содержания» (с. 37). Основной его чертой исследователь называет непостоянство, изменчивость (с. 108—111).

Произведения романного жанра трех последовательно сменявшихся друг друга эпох выглядели различно, но между ними существовала связь как в плане фабулы и художественной техники, так и общественной функции. Автор анализирует роман в категориях старого и нового и их динамической борьбы, прослеживает его складывание из отдельных прозаических и стихотворных жанров, его связи с фольклором.

Обращаясь к средним векам, исследователь рассматривает прозаические жанры, послужившие источниками романа, — «Хронику» В. Кадлубка, произведения агиографической литературы, известные в Польше и популярные в Европе («Троянскую историю», «Историю Александра Македонского», «Римские деяния», вошедшие в литературный обиход на латыни.

Переходя к Возрождению, А. В. Липатов показывает, как совершалось усвоение новых литературных форм и воплощенного в них содержания, как латиноязычные произведения переводились на польский язык, обогащались польскими реалиями, полонизировались, приобретали национальный облик, способствовали зарождению самобытного польского романа (с. 84—102), каким стали «Шахматы» Я. Кохановского, «Печальная история о Франческо Спери» Ст. Мужиньского, «Правдивая история» М. Кромера. Например, в последней был обработан местный, национальный материал, а литературная схема была заменена логикой факта. Автор классифицирует романы средневековья и Возрождения: первые — с точки зрения их фабулы, вторые — также и с точки зрения сюжета. В первой классификации он идет вслед за Ю. Кшижановским, во второй — проявляет большую самостоятельность, опи-

¹ «Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе». Л., 1970; А. Д. Михайлов. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976; Б. Л. Рифтин. От мифа к роману. М., 1979.

² А. В. Липатов. Возникновение польского просветительского романа (проблемы национального и общеевропейского). М., 1974.

³ А. В. Липатов. Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье. Возрождение. Барокко. М., 1977.

сывая принципы сцепления в единое целое малых прозаических жанров на основе идейно-назидательного замысла, героя, обрамляющей новеллы; выделяя тип романа со ступенчатым развитием, романа-биографии и многопланового романа. В ходе анализа автор отдельно останавливается на роли рассказчика, на проблеме фикции, видя в умении художника создать ее самостоятельное важное достоинство произведения и отмечая при этом, что полностью этой самостоятельности достигнут только мастер эпохи барокко (с. 202—206).

Отдельную часть книги представляют собой главы о романе польского барокко. Ей предпослан историко-литературный очерк, характеризующий поэтику, литературу и литературную культуру XVII — первой половины XVIII в. Здесь проводится мысль о способности стиля барокко к адаптации, дифференциации, а также противопоставляются высокое и сарматское барокко. Автор счел своей задачей показать, как распространяясь вширь, культура барокко теряет многое из своих достижений, упрощается, огрубляется, даже, по его мнению, приобретает «явные черты упадка и вырождения», одновременно превращаясь в тот фон, на котором будут созданы подлинно национальные произведения, в том числе и романы. Барочный роман продолжал традиции романа средних веков и Возрождения. Так, предание о Пшемиславе и Луидгарде служит основой беллетристической вставки в «Хронике» Я. Длугоша и части романа И. Морштына «Antypasty małżeńskie». С нашей точки зрения примером связи романа барокко с прозаическими жанрами эпохи Возрождения можно считать также подробно проанализированный автором роман А. Корчиньского «Позлащенная дружба измена». Ее сюжет заимствован из «Истории о семи мудрецах» (ср. седьмую повесть императрицы)⁴, о чем писал уже и Ю. Кшижановский⁵.

Постепенно в XVII в. роман из «низкого» жанра литературы превращается в высокий, к нему обращаются все значительные художники того времени (например, С. Твардовский, В. Потоцкий). Меняется структура жанра, все в большей степени организующим его центром становится герой, отодвигая значение событий на задний план. Подчинение всех элементов романа личности объясняется растущим интересом к ней в ту эпоху и с развитием национального самосознания. По существу этот же процесс отра-

жает и мемуарная литература, а также эпистолярная, тесно связанные с романом. Изменилось в романе и положение фона, места действия, иначе стал трактоваться вопрос оригинальности произведения. Бессознательные, произвольные попытки создать тексты, отличные от канонов, повторяются все чаще и чаще, приводя к тому, что писатель преодолевает господствующие литературные нормы и осознает свою отличность как нечто положительное. Эти явления — необходимая ступень в процессе формирования романа нового типа, романа Просвещения, рассматриваемого автором в последней обобщающей главе.

Анализируя формирование польского романа, А. В. Липатов постоянно показывает тот западноевропейский фон, на котором протекали интересные его процессы в польской литературе, подробно говорит о тех произведениях, которые были переведены или оказали большое влияние на польский роман. Он постоянно имеет в виду то обстоятельство, что роман был одним из основных проводников западноевропейских веяний в славянской культуре, одним из важных путей, по которому шло общение с Западной Европой. Кроме того, он приводит богатый материал, свидетельствующий о культурных контактах Польши и России. Именно через Польшу Россия получала подавляющую часть переводных произведений, воспринимала общеевропейские сюжеты, перенимала опыт построения произведений по новым канонам. Польская литература XVII — первой половины XVIII в. сыграла огромную роль в формировании русской литературы и культуры, повлияла на складывание русского варианта барокко. Поскольку польский роман представлен как одно из звеньев западноевропейско-польских и польско-русских связей, автор постоянно оперирует понятиями заимствования, влияния, в том числе и опосредованного, типологической общности, что позволило ему представить динамический характер этих связей и их роль в литературном процессе. При их изучении А. В. Липатов обращается не только к сугубо литературным фактам, но и к фактам литературной культуры.

Значительным достижением автора является постулируемое им в теоретических главах и примененное на практике обращение к старой теории литературы, к поэтике тех эпох, которыми он занимается. Только опираясь на них, мы можем реконструировать литературу и многие явления культуры в их подлинном виде. Именно благодаря проникновению в сложные проблемы поэтики автору удалось показать роман как средоточие тех процессов, которые проходили в польской литературе. Не менее важно отношение автора к связям различных литературных эпох. Он показывает непрерывность

⁴ Poncján (Historia o siedmiu mędracach) przekładania Jana z Koszyczek 1540 г., wyd. J. Krzyżanowski. Kraków, 1927, s. 92—101.

⁵ J. Krzyżanowski. Romans polski XVI w. Warszawa, 1962, s. 102—103.

развития литературы, условность и размытость границ между отдельными эпохами, доказывая это привлечением обширного конкретного материала.

Складывается впечатление, что роман — это только частная область интересов автора. От романа он часто переходит к другим жанрам, к характеристике эпохи, и еще шире — к анализу развития польской литературы в общеевропей-

ском, общеславянском контексте. Вероятно, эта широта научных интересов и помогала А. В. Липатову написать книгу, способную заинтересовать как филологов, историков литературы, так и специалистов в области русской литературы, а также теоретиков литературы.

Л. Софронова

«Археографски прилози» 1. Народна библиотека Србије. Београд, 1979, 272 с.

«Археографические исследования»

В Белграде вышел первый номер нового периодического издания «Археографические исследования» (главный и ответственный редактор — В. Стеванович, редактор — А. Младенович). Этого издания давно ждали не только югославские специалисты по древним рукописям, но и исследователи в других странах, изучающие древнеславянское рукописное наследие. Интерес к археографическим и палеографическим разработкам заметно вырос в послевоенный период во всех славянских странах. Заново, на более высоком научном уровне описываются рукописные фонды, все больше исследователей разных специальностей — палеографов, текстологов, историков языка, орнаменталистов и др. — обращаются к материалам древних текстов. Югославские специалисты много сделали за последние годы в деле описания и изучения рукописей самых древних текстов и до XIX в. У них сложилась своя традиция научного описания рукописей, заслуживающая пристального внимания специалистов из других стран; методика хронологизации древних бумажных памятников по филиграммам, разработанная в белградской Народной библиотеке, дает самые точные результаты. Вышедшие за последние два десятилетия многочисленных каталоги важнейших рукописных собраний Югославии, палеографические альбомы, альбомы водяных знаков и т. д. дают в руки специалистов новый надежный материал для исследований.

Самым значительным центром археографических и палеографических исследований в Югославии является белградская Народная библиотека Социалистической Республики Сербии, ее археографический отдел, основанный в 1961 г. известным палеографом, знатоком южнославянской палеографии проф. В. А. Мошиным. В этом отделе сформировались авторитетные специалисты по южнославянской

палеографии — Д. Богданович, Б. Иванович-Стипчевич, Д. Трифунович, И. Грицкат и др., известные своими интересными исследованиями. Сейчас отдел возглавил А. Младенович, видный лингвист и филолог, большой знаток истории сербской письменности.

«Археографические исследования» — периодическое издание отдела белградской Народной библиотеки, призванное отныне объединить в одном печатном органе основные результаты работы членов этого коллектива (до сих пор статьи сотрудников археографического отдела печатались в различных изданиях — белградских «Библиотекар» и «Архивист», загребском «Slovo», новосадском «Зборник за filologiju i lingvistiku» и др.).

В первом выпуске «Археографических исследований» представлены статьи только югославских специалистов. В последующих выпусках будут опубликованы материалы и иностранных ученых, разрабатывающих различные области науки, связанные с древнесербскими рукописями и старопечатными книгами, — палеографию, языковедение, текстологию и т. д. Возможные рубрики в этом издании пока строго не обозначены — их определит материал, который редакция будет получать от своих авторов. Во вступительной статье редактор «Археографических исследований» проф. д-р А. Младенович выразил надежду, что это издание найдет поддержку у компетентных отечественных и зарубежных специалистов и станет авторитетным органом печати, где будут рассматриваться различные вопросы сербской и южнославянской кирилловской палеографии.

Материалы первого выпуска «Археографических исследований» представлены в трех разделах: I. Статьи и исследования. II. Хроника. III. Рецензии и аннотации.

Первый раздел открывает статья И. Грицкат «О науке в средневековых сербских текстах». Известно, что в средневековой Сербии мало текстов чисто научного содержания. Однако не так мало текстов, в которых имеются сведения по различным отраслям — философии, истории, естественно-математическим наукам, теологии, филологии и др. Грицкат проводит классификацию жанров средневековой литературы, в которых можно найти сведения из той или иной области науки; это обычно переводные произведения византийских авторов. Кроме того, ею выявлены оригинальные произведения сербских авторов (типа предисловий, послесловий) с упоминанием каких-то научных фактов. В статье В. Еркович «К изучению орфографии и языка памятников сербской редакции» по сути дела очерчена программа исследований по орфографии и исторической диалектологии в рамках известных писцовых школ (зетско-хумской, рашской и ресавской) и в соответствии с известными дифференциальными диалектологическими признаками. Работа по предложенной программе прояснит важные вопросы, касающиеся старой литературной нормы, исторической грамматики сербского языка.

Центральная статья первого выпуска — «Кирилловская палеография и кодикология в Югославии» Д. Богдановича, в которой подводятся итоги двадцатилетних исследований югославских палеографов с накопленным и обработанным материалом и намечаются основные направления дальнейшей работы. Разработка одной из центральных палеографических проблем привела к известной ревизии морфологии палеографии кирилловского южнославянского письма. Более четко определились хронологические рамки развития начертания отдельных букв. Оказалось, что следует удревнить ряд традиционных представлений об облике некоторых букв. Новые факты особенно много дали для датировки рукописей XIII и XIV вв., а также для различения рукописей середины и начала XIV в. Большие успехи в хронологизации рукописей достигнуты в связи с развитием филигранологии. Применение структурного метода в исследовании начертания букв выявило более статичные и более изменчивые элементы письма. Вслед за латинской кирилловская палеография подошла к проблеме пересмотра типологии кирилловского письма, т. е. встал вопрос об уточнении характеристик уставного и особенно полууставного письма. Это одна из важнейших задач кирилловской палеографии. Предстоит выход за рамки чистой морфологии письма с тем, чтобы заняться археологией письма, технологией работы писца. Палеография ждет применения новых технических методов. На повестке дня стоит также выявление

новых точных атрибуций, связанных с личностью писца, с писцовыми школами. Археографические и палеографические исследования последних лет привели к тому, что из кирилловской палеографии вычленилась кодикология как особая дисциплина, которая объединяет рассмотрение всех специфических характеристик одной рукописной книги, одного рукописного памятника, т. е. рассматривает рукопись как единое целое, в котором все элементы находятся во взаимном соответствии. Это историческая дисциплина, изучающая происхождение рукописи, ее историю.

Все следующие статьи «Археографических исследований» посвящены более или менее частным вопросам палеографии и археографии на материале отдельных рукописей и рукописных фондов. В статье Л. Васильевой «Новая датировка сербских рукописей Ватиканской библиотеки» описаны и уточнены по филиграммам датировки семи сербских рукописей XIII—XVI вв. Приведены фотокопии отдельных листов описываемых рукописей и воспроизведены филиграны. Палеографический, текстологический и лингвистический анализ одного из древнейших известных науке славянских переводов Сказания Федора Студита (вторая четверть или середина XIII в.) дан в статье Б. Йованович-Стигевич «Списание об убиенных болгар Федора Студита». Приводятся фотокопии отдельных листов. Л. Штавлинин-Джорджевич предлагает вниманию читателей новый список Службы сербскому архиепископу Арсению (середина XIV в.), писанный известным средневековым автором Данилой II (XIII—XIV в.). Этот список обнаружен в собрании Народной библиотеки. Исследователь провел сопоставление найденного текста с другими известными списками с целью реконструировать цельный оригинальный текст Службы. Дается публикация нового текста с вариантами из другого, более полного, но и более позднего (1525) списка.

В статье А. Младеновича дан филологический анализ всех приписок из Миней XVI в. (собрание Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии), которая писана на территории южной Сербии (приписки сделаны в монастыре Грачанице в XIV в. и позже). Следовательно, эти приписки передают орфографические и диалектные особенности писцов монастыря Грачаницы определенного периода. Л. Церич в статье «Писцы Грачаницкого (Липлянского) Пролога — Миней (Атрибуция рукописи как возможность реконструкции характеристик писцовых школ)» занялась важным и до сих пор почти не разработанным вопросом — атрибуцией и идентификацией писцов рукописей. Ответ на этот вопрос даст не только сведения об индивидуальных особенностях каждого

писца (и отсюда — возможность узнавания этого писца в других рукописях), но и сведения для характеристики скрипторий и, наконец, сведения о связях между скрипториями. Работа еще только начинается. Автор исследовала 8 рукописей, выявила 16 писцов из монастыря Грачаницы и получила доказательства о неизвестных до сих пор тесных контактах между скрипториями монастыря Грачаницы и Святоархангельского монастыря (под Призреном) в девятом десятилетии XIV в.

Проблеме происхождения бумаги, на которой писались рукописи в Сербии и Хорватии в XV в., посвящена статья М. Грозданович-Пайич «Генуэзская бумага в сербских рукописях XV в.». На материале нескольких десятков рукописей было выявлено четыре типа (Брике выделял три типа) генуэзской бумаги XIV—XV вв. с четырьмя типами водяного знака «ножницы» с различными инициалами над ним. В дополнение к альбому водяных знаков даются образцы всех разновидностей филигранны «ножницы», встретившиеся в просмотренных рукописях.

В археографическом отделе белградской Народной библиотеки имеется программа составления генерального каталога сербских инкунабул (первопечатных книг) и старопечатных книг от 1494—1638 гг. Этот каталог является основой для реконструкции фонда сербских инкунабул и старопечатных книг как части культурного наследия Сербии. Статья К. Мано-Зиси «Сербские инкунабулы из белградских собраний», в которой описаны 22 инкунабулы, вносит реальный вклад в работу по составлению каталога.

Публикации двух средневековых текстов — апокрифической молитвы от зубной боли (из сборника апокрифов Народной библиотеки Сербии 1570/80 гг.) и варианта Спанеаса (из рукописи 1627/28 г. того же фонда) осуществлены Р. Станковичем и Я. Радовановичем. Палеографический анализ Службеника 1676 г. иеромонаха Михаила, данный в статье Н. Р. Синдик, обогащает наши сведения о скриптории афонского монастыря св. Павла (скит св. Анны) XVII в.

Новый материал о традиции сербского перевода дан в работе Дж. Трифуновича.

Автор показал влияние известного переводчика Дионисия Ареопагита — инока Исаи — на поздних авторов, в частности, на графа Джорджа Бранковича (XVII — начало XVIII в.).

Дж. С. Костич, статьей которого завершается I раздел, ратует за издание известной рукописной библиографии печатных книг (главным образом на сербском языке) Лукиана Мушицкого, составленной в XVIII — начале XIX в. и не потерявшей своей научной ценности и поныне. Костич дает краткое описание этой рукописи, которая от времени и пользования имеет уже некоторые утраты.

Во II разделе — «Хроника» — помещен некролог о проф. Гамбургского университета, зав. кафедрой славистики Хр. ван ден Берке (1911—1979), который способствовал возвращению из Германии в Белград десяти ценных сербских рукописей, попавших туда во время войны.

В III разделе — «Рецензии и аннотации» — опубликованы две краткие рецензии на болгарское издание «Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX—XIII вв.)», изд. «Наука и изкуство», София, 1978, 149 + 2 стр. са LXXIII таблице, 8° (Д. Богдановича) и белградское издание «Бранко Вузовић. Црквени споменици на подручју града Београда, књ. II. Шире подручје града, Београд, 1973, стр. 383, 8° (Завод за заштиту споменика културе града Београда, «Саопштења» св. 13) (Н. Р. Синдик).

Завершает книгу памятка авторам, посылающим свои статьи в «Археографические исследования», о том, как готовить рукопись статьи.

Первый выпуск «Археографических исследований» показал на широком круге проблем, которыми занимаются югославские специалисты, методикку и программу их исследований. Несомненно, что новое издание выполнит свое назначение: оно будет способствовать развитию всех тех областей науки, которые находят в рукописных и старопечатных памятниках кирилловского письма материал для исследования.

Р. В. Булатова

Э. БАКАЛОВА. *Бачковската костница*. София, «Български художник» 1977, 246 с.

Э. БАКАЛОВА. *Бачковская церковь-гробница*

В истории европейского искусства XII в. Бачковский монастырь в Болгарии занимает значительное и весьма своеобразное место. Основанный в 1083 г. Григорием Бакуриани, сподвижником византийского императора Алексея I Комнина, он приобрел уклад, определенный Типиком, не только строго регламентировавшим монастырский быт, но обуславливающим национальный состав братии. Монастырь «Св. Богородица Петричка» в ранний период своего существования являлся важным грузинским культурным центром на территории Болгарии, значение которого по достоинству оценено как в советской, так и в болгарской научной литературе. Широкой известностью пользуются и средневековые росписи, украшающие двухэтажную костницу (церковь-гробницу), расположенную вблизи монастыря. И тем не менее, книга Э. Бакаловой является первым обстоятельным исследованием, всесторонне освещающим различные аспекты истории Бачковского монастыря и его погребального сооружения, росписи которого подвергнуты тщательному анализу.

Книге предпослано краткое предисловие профессора А. Н. Грабара, который, несмотря на некоторые разногласия с автором относительно определения стиля росписей и их датировки, приветствует появление исследования и указывает на его большие достоинства.

Во вступлении Э. Бакалова дает достаточно емкий обзор специальной литературы. Первый раздел книги посвящен ранней истории монастыря и выявлению предпосылок для создания стенописей костницы. Широко используя данные специальных изысканий, автор рассматривает историческое прошлое Бачковского монастыря на фоне событий определенной эпохи, показывая причины основания Григорием Бакуриани ктиторского монастыря в Пловдивской области, заселенной армянами-павликианами, близкими по религиозному и социальному характеру богомилам. Рассматривая Бачковский монастырь как центр, осуществлявший связи Грузии с Византией, автор книги во многих случаях обосновывает свои выводы путем обращения к трудам грузинских ученых. Во втором разделе исследования достаточно подробно освещены функциональное назначение и архитектура костницы, верхний этаж которой был отведен для богослужений, а нижний — для хранения костей умершей монастырской братии.

Наиболее существенную часть книги представляет раздел, посвященный рас-

крытию идейного содержания стенописей. Рассматривая фрески крипты, Э. Бакалова много внимания отводит истолкованию Деисуса алтарной апсиды, а также Видения пророка Иезекииля на западной стене, сопровождажая его подробнейшим экскурсом в историю иконографии. Недовольствительная сохранность отдельных участков живописи делает некоторые предположения автора гипотетическими, вынуждает Э. Бакалову проявлять в своих выводах осторожность. В том же плане рассмотрены и фрески помещения церкви с их типичной для комниновского времени иконографической программой, принадлежностью которой является апсидальная композиция «Поклонение жертве». Здесь не место комментировать или оспаривать правильность характеристики отдельных изображений и сцен, но хотелось бы остановиться на изображении Всех святых, в связи с которым автор указывает лишь поздние примеры. Между тем аналогичный пример этого своеобразного группового портрета мы находим в византийском искусстве уже в XI в. Достаточно назвать миниатюру Евангелия № 587 в Дионисиате на Афоне (1059) а также фронтисписы Изборника Святослава 1073 г. Исследовательница совершенно права в своем утверждении, что идейное содержание бачковской стенописи не исчерпывается традиционными сюжетами и символическими композициями, связанными с назначением церкви как гробницы и поэтому закономерно подробно анализирует состав изображенных подвижников, пример которых должен был вдохновлять обитателей монастыря в их жизни; при этом особо выделены грузинские святые. Э. Бакалова, как правило, не только приводит сопроводительные греческие надписи, но и дает их воспроизведение в прорисях, равно как и орнаментальные мотивы.

Содержание четвертого раздела составляют стилистические проблемы. Характеризуя бачковских мастеров как глубоко созерцательных по своей природе, автор книги указывает на сдержанность и лаконизм изображений, на изысканность колорита, на исключительное стилистическое единство росписей. Все эти положения представляются бесспорными. Как известно, в своде арки над входом в наос крипты сохранилась греческая надпись, свидетельствующая о том, что храм расписан Иоанном Ивиropулосом — грузином по происхождению. Отмечая отсутствие близких аналогов бачковским стенописям среди византийских памятников, Э. Бакалова, принимая во внима-

ние усиление тенденций к линейной стилизации, характерное для комниновской живописи второй половины XII в., определяет время выполнения росписей церкви-гробницы Бачковского монастыря непосредственно вслед за созданием фресок в Нерези (1164) и, во всяком случае, ранее росписей Дмитриевского собора во Владимире (ок. 1195 г.). Этот логический вывод, следующий из анализа формальных признаков стиля, в сущности не противоречит датировке А. Н. Грабаром фресок серединой XII в., а также сделанному тем же ученым отождествлению упомянутого в ктиторской надписи перомонаха Неофита с иеромонахом Бачковского монастыря, который жил в середине XII в.

Пятый раздел посвящен изображениям XIV в., относящимся к эпохе царя Ивана Александра, представленного в стенописи в северо-западной нише притвора. Последний раздел книги отведен уяснению

исторического места стенописей костницы Бачковского монастыря — одного из самых интересных и самого значительного памятника в Болгарии эпохи Комнинов.

Оценивая книгу Э. Бакаловой в целом, надо прежде всего указать на ее высокий методологический уровень, на внимательное отношение не только к предмету исследования, но и к историческим источникам, освещающим древнейшую историю Бачковского монастыря. Для автора книги нет мелочей. Маленькие, казалось бы незначительные, детали позволяют внести выразительный штрих в общую характеристику. Исследование входит в наметившуюся серию книг, посвященных наиболее интересным росписям средневековой Болгарии. Книга Э. Бакаловой о фресках Бачковского монастыря по праву займет в ней одно из наиболее видных мест.

В. Г. Пуцко

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Hlavní redakce Josef Filipec, František Daneš. Praha, Academia, 1978, 799 s.

Словарь литературного чешского языка для школ и широкого круга читателей

Чехословацкая лексикография обогатила славистическую науку и практику еще одним толковым словарем. После капитальных академических изданий, работа над которыми велась не одно десятилетие¹, Институт чешского языка АН ЧССР выпустил в свет однотомный словарь, рассчитанный на самого широкого читателя. Цель составителей — «дать каждому носителю чешского языка, каждому члену нашего общества и особенно молодежи такое пособие, которое бы не только содержало надежные сведения о современном словарном составе и чешском языке вообще, но и помогало точно выражать наши мысли и отношение к действительности» (с. 5). Выполнение этой задачи потребовало модификации, а в некоторых случаях и существенного пересмотра некоторых лексикографических концепций и технических приемов. Одним из таких, весьма актуальных для социолингвистики новшеств, является ориентация не на язык художественной лите-

ратуры, а на публицистический и научно-технический стиль, ибо он, по мнению составителей, служит «центром тяжести современного литературного языка» (с. 5). Именно поэтому в этом лексикографическом труде нашли отражение обширные пласты новой лексики, вызванные к жизни глубокими социальными переменами, которые произошли в чехословацком обществе в эпоху социализма. Словарь не только с большой полнотой регистрирует лексические неологизмы (chozraščot, pětiletka, sputnik), но и чутко реагирует на разнообразные семантические сдвиги, расширяющие смысловую структуру слова (brigáda, družba, družina, beseda).

Основная теоретическая трудность при разработке принципов словаря, адресованного массовому читателю, несомненно заключается в определении критериев отбора включаемой в него лексики. Эту важную проблему авторы решают, опираясь на разработанную пражской лингвистической школой теорию о разграничении центра и периферии на всех языковых уровнях. Вне словаря остаются такие периферийные лексические средства, как узкоспециальные термины, диа-

¹ «Příruční slovník jazyka českého», t. I—VIII. Praha, 1935—1957; «Slovník spisovného jazyka českého», t. I—IV. Praha, 1958—1971.

лектные и областные слова, устаревшая лексика, вульгаризмы. В результате отбора в корпус словаря включено около 50 тыс. словарных статей, куда входит как стилистически нейтральная, так и наиболее употребительная экспрессивно окрашенная лексика литературного языка. Существенным критерием отбора стал и хронологический принцип: в словаре отражена лексика, составляющая активный словарный запас одного поколения (т. е. лексика последних трех десятилетий).

Совершенно очевидно, что главным принципом словаря, ориентированного на широкого читателя, в том числе и учащихся, должен быть принцип нормативности. Этот принцип осуществляется в рецензируемом словаре с большой последовательностью, несмотря на объективную трудность, связанную со стремлением составителей широко отразить не только письменные формы языка, но и живую речевую стихию. Уже сам отбор материала, о котором шла речь выше, в значительной мере определен принципом нормативности. Этой же цели подчинена и разветвленная система стилистических помет, важнейшими из которых являются следующие: *книжное*, *разговорное* и *экспрессивное*. Пометой *книжное* характеризуются слова, преимущественно встречающиеся в письменной форме литературного языка; заслуживает внимания попытка выделить в рамках этой стилистической категории слова и словосочетания, характерные для языка современной публицистики (помета *публ.*): например, *přemožitelé vesmíru* (покорители космоса), *válečný palič* (поджигатель войны), *zabezpečit plnění úkolů* (обеспечить выполнение плановых заданий).

Интересным и обоснованным представляется дифференцированный подход к показу устаревшей лексики. Собственно устаревшие слова, которые вывели из активного употребления, совсем исключены из словника; а пометой *устар.* снабжаются устаревающие слова, которые пока еще встречаются в речевом обиходе старшего поколения. Главное же внимание обращено на разработку так называемых историзмов, которые получают в словарной статье детальную характеристику с помощью помет «прежде», «у нас прежде», «при капитализме», «при феодализме», «в XIX веке» и т. п. Показаны и исторические сдвиги в семантике слова.

Следует особо отметить тщательную и детализированную разработку грамматических характеристик в словарных статьях. Они учитывают не только строго нормированную парадигматику частей речи, но и возможную вариационную амплитуду нормы. Специальными пометами обращается внимание на динамические процессы современного языка,

особенно такие, в результате которых грамматические формы, считавшиеся прежде нелитературными, стали теперь кодифицированными. Важно, что система грамматических характеристик учитывает специфику частей речи и основывается на глубоком теоретическом осмыслении их существенных свойств (с. 784—790). Не менее детализированно представлена в словаре и синтаксическая характеристика — в словарных статьях не только различными приемами показывается сочетаемость слов, но и по возможности демонстрируются типичные коммуникативные ситуации чешской речи. В словаре тщательно продумана и система подачи новейших орфографических и орфоэпических норм, что особенно важно для слов иностранного происхождения, традиционное правописание которых часто не отражает их реального происхождения.

Структура статьи в рецензируемом словаре концентрирует в себе большой объем грамматической, семантической, стилистической и другой информации. Вместе с тем словарные статьи лаконичны и хорошо обозримы. С целью достижения предельной краткости для основных типов производных слов применяется гнездовой способ организации материала. Он позволяет в несколько раз увеличить (по сравнению с 50 тыс. словарных статей) количество отраженной в словаре лексики. Чаще всего выделяются основы имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий и числительных. В гнезде объединены и сложные слова.

В словаре школьного типа в высшей степени обоснованным выглядит такой элемент словарной статьи, как указание на происхождение заимствованных слов. Это делается с помощью помет («русское», «греческое» и под.). Особыми пометами обозначается происхождение слов от ономастических основ. Правда, при некоторых словах этимологический компонент можно было сделать более конкретизирующим: так, при словах *kosmodrom*, *kosmonaut* недостаточно было указать на греческий источник компонента *kosmo-*, но можно было бы и отметить, что эти неологизмы впервые появились на почве русского языка.

Центральное место словарной статьи занимает, естественно, толкование значений слов. При этом учитываются как экстралингвистические факторы, так и внутриязыковые системные связи — синонимические, антонимические, полисемантические или омонимические. Это достигается прежде всего методом внутриязыкового сопоставления, который позволяет выявить общие и специфические особенности семантики, характерные для той или иной лексико-семантической группы или отдельной лексической группы входящей. Так, характеризуя прилагательное *rychlý* «быстрый», авторы при-

водят и его антоним *romalý* «медленный», одновременно в целях более тонкой семантической дифференциации сопровождающая толкование двух основных значений этого слова синонимами различного калибра. Для минимальных контекстов-словосочетаний с этим прилагательным одновременно приводятся еще более точные и детализированные синонимы-характеристики.

Особой продуманностью отличается система описания значений у слов, входящих в одну тематическую группу, — глаголы движения, географические термины, соматические названия, ботаническая номенклатура и под. Авторы словаря стремятся унифицировать толкования таких слов, применить общие принципы к их семантической оценке. В то же время это стремление не приводит к шаблонному описанию. В качестве иллюстрации приведем ряд характеристик наименований птиц. «Воробей» (*vřabec*) «мелкая серовато-коричневая птица, обитающая поблизости человеческого жилья»; «индюк» (*krávan*) «большая птица из семейства домашних кур, выращиваемая в качестве домашней птицы на мясо»; «ворон» (*havran*) «черная птица с металлическим отливом, родственная вороне». Обычная характеристика слова бывает весьма исчерпывающей — в ряду орнитологической лексики особо удачным кажется определение слова «попугай» (*paroušek*) «тропическая птица с пестрой окраской и пронзительным голосом, способная подражать звукам человеческой речи». В отдельных же случаях коннотативная характеристика слова недостаточно полна: так, слово «ворона» (*vřána*) толкуется лишь как «крупная черно-серая или черная птица с толстым клювом» без подчеркивания таких характерных коннотаций, как пронзительный голос (кстати, для определения вороны это не менее релевантный признак, чем пронзительный голос у попугая; не случайно в словаре определение звукоподражательного глагола «каркать» (*krákat*) дается именно с помощью отсылки на ворону), место обитания (ср. с воробьем) или всеядность и хищность.

В целом же внимание к тематическим рядам слов и в то же время учет их индивидуальной семантической специфики позволили авторам избежать одной из серьезных опасностей, стоящих на пути экстралингвистической (гезр. тематической) унификации словарной статьи: превращения толкового общезыкового словаря в словарь энциклопедический. Выявляя дифференциальные коннотативные потенции слов, объединенных общей темой, составители отрываются от чисто энциклопедического подхода и в то же время используют его положительные стороны.

Описание фразеологического состава в словаре органически связано как с демонстрацией сочетаемости лексем, так

и с семантической характеристикой их. Чешские лексикографы описывают сочетания самых различных типов — от свободных (при экземплификации) до сильно идиоматичных. Степень устойчивости фразеологизмов, к сожалению, не градуируется — все они, за исключением свободных сочетаний, даются под знаком ромба ♦. Этот знак также используется — в противоречии с теоретической установкой составителей (с. 796) — и при характеристике языковых единиц нефразеологического типа. Так, конструкция *má to odbyto* «у него неприятности позади» (с. 291), обозначенная этим знаком, представляет собой регулярное явление чешского синтаксиса, характерное для многих глаголов. Не кажутся фразеологизмами и такие единицы, как *nejsem od toho* (с. 290); *mne vunechte* (с. 645); *byl hned dole* (с. 78) и др. Вряд ли стоило и объединять структурно ограниченное значение и употребление слов под знаком фразеологизма — например: *vypadá 'na to* (с. 645); *smlsnout si na někom* (с. 498); *to by bylo smutné, aby to nedokázal* (с. 499). В особую группу устойчивых языковых явлений можно было бы выделить и пословицы: они хорошо выполняют в словаре роль экземплификаторов, но вместе с тем отражены здесь непоследовательно и спорадично.

Характерно, что во фразеологическом преломлении заметны и некоторые другие упущения в словаре. Так, имена собственные, так же как и сокращения, выведены за корпус словаря, в его приложение. В составе фразеологизмов, они, однако, вынужденно включены в него: *Achillova pata* «Ахиллесова пята», *začínat od Adama* «начинать с азов» и под. При этом немало устойчивых сочетаний с именами собственными, особенно же — с этнонимами (ср. *pije jako Dán*, *jako holendr* и под.) вообще не вошли в словарь, несмотря на их широкую употребительность.

Излишне упрощенное описание фразеологии в словаре, таким образом, дисгармонирует с общей тенденцией детализированно характеризовать стилистические, грамматические и семантические аспекты лексики. Вот почему лексикографическую разработку фразеологии можно считать слабым местом рецензируемого лексикографического труда.

Можно было бы указать и на отдельные частные недочеты и промахи; например, словарь не отмечает у существительного *repzentace* значения «спортивная команда, представляющая страну на международных соревнованиях»; не отражает нового широко употребительного в языке публицистики фразеологизма *zvednout latku* (букв. поднять планку) «повысить требования к чему-нибудь», «поставить новые задачи» и под.

Разумеется, далеко не все подобные огрехи, а тем более — положительные

стороны и удачные находки составителей этого лексикографического труда могли быть отмечены в короткой рецензии. Но даже общий обзор его принципов показывает, что словарь представляет собой значительный вклад в практику и теорию учебной лексикографии. Авторам удалось сделать его комплексным языковым справочником, дающим разностороннюю актуальную информацию о чешской лексике. Именно этой цели служат и специализированные, тщательно продуманные

приложения — систематизированный обзор словообразовательных средств чешского языка, словарь наиболее распространенных аббревиатур, список географических названий и собственных имен.

Ценный опыт чехословацких лексикографов несомненно будет не только глубоко изучаться теоретически, но и найдет широкое применение при составлении подобных словарей в других странах.

Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ В ВЕНГРИИ

Организованное Венгерским комитетом славистов (акад. Л. Хадрович, проф. П. Кирай) в г. Вышеграде, близ Будапешта, 15—20 октября 1979 г. состоялось XX Пленарное заседание Международного комитета славистов (МКС). В состав советской делегации входили акад. М. П. Алексеев (председатель МКС), акад. АН УССР П. Т. Тронько, член-корр. АН БССР М. Р. Судник, д-р филол. наук А. Н. Робинсон, д-р филол. наук В. Т. Коломпец, канд. филол. наук В. П. Гребенюк, канд. филол. наук В. А. Юзвенко. МКС принял решения, определяющие подготовку к IX Международному съезду славистов (Киев, 1983). Утверждены следующие основные темы съезда:

I. Языкознание

1. Праславянский язык в кругу других языков. 1. Языковая ситуация в Киевской Руси и взаимоотношение древнерусского письменного языка с другими языками. 3. Генетическое, типологическое и ареальное изучение славянских языков. 4. Конфронтационное изучение фонологии, грамматики и лексики современных славянских языков между собой и с неславянскими языками. 5. Развитие современных восточнославянских литературных языков.

II. Литературоведение

1. Литература Киевской Руси в славянском и мировом контексте. 2. Смена направлений в славянских литературах как проблема теоретическая и историческая. 3. И. С. Тургенев и мировая культура (к 100-летию со дня смерти). 4. Классическое наследие и развитие социалистического реализма в славянских странах. 5. Современное состояние и перспективы сравнительного изучения славянских литератур.

III. Литературно-лингвистическая проблематика

1. Вопросы семантической и формальной структуры словесного искусства у славян. 2. Теория художественного перевода. Межславянский художественный перевод. Переводы с неславянских языков на славянские и со славянских на неславянские. 3. Текстологические проблемы славянских языковых и литератур-

ных памятников. 4. Новые исследовательские приемы в изучении славянских литератур (семиотика, теория коммуникаций, анализ текста, системный, количественный, алгебраический анализ и др.). 5. Социолингвистический подход к оценке литературных произведений.

IV. Фольклористика

1. Фольклор Киевской Руси и фольклор других народов Средневековья. 2. Проблемы поэтики славянского фольклора. 3. Фольклор славянских народов периода освободительной борьбы против фашизма. 4. Фольклор в системе современной художественной культуры. 5. Принципы издания сводов, словарей и каталогов фольклора славянских народов.

V. Историческая проблематика

1. Этногенез славян в свете данных археологии, истории, лингвистики и этнографии. 2. Киевская Русь и ее международные связи. 3. Общественная мысль славянских народов в период Просвещения и национального Возрождения и проблемы истории славистики. 4. Социальное и культурное развитие славянских народов после 1945 г. 5. Памятники истории и материальной культуры славянских народов (вопросы изучения, сохранения и др.).

МКС предварительно наметил (на основе работы секций) следующие интердисциплинарные темы съезда:

1. Этногенез славян. 2. Памятники истории и материальной культуры славянских народов. 3. Юрий Крижанич в контексте своего времени. 4. Предмет, методы и перспективы современной славистики.

МКС утвердил тему первого доклада на Пленарном заседании съезда — «Киев и его вклад в развитие славянских народов и мировую культуру».

МКС признал необходимым предусмотреть для работы IX съезда 7 рабочих дней (с двумя пленарными заседаниями по 0,5 дня, временем для работы секций 4,5 дня, славистических комиссий 0,5 дня, для экскурсий — 1 день), и ограничить общее число докладов (не более 600). МКС обязал национальные комитеты славистов представить темы докладов Секретариату МКС (СССР, 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2) до 15 мая

1980 г. с указанием (для каждой темы) секции съезда, пункта основной тематики и точного заглавия доклада на том языке, на котором доклад будет прочитан на съезде и обозначен в «Программе» съезда. В соответствии с этим Советский комитет славистов будет принимать темы докладов от академических институтов и высших учебных заведений до 15 апреля 1980 г.

Рабочими языками съезда являются все славянские языки, а также английский, немецкий, французский. Доклады публикуются национальными комитетами славистов и представляются в МКС (СССР, 252004, Киев, 1, Кирова, 4, Институт языковедения АН УССР) за шесть месяцев до съезда. Неопубликованные доклады на съезд не допускаются. Все доклады должны иметь сравнительный характер, т. е. основываться на сопоставлении славянских, или славянских и неславянских материалов.

Резюме каждого доклада необходимо представить через национальные комитеты славистов по указанному адресу до конца июля 1981 г. Текст резюме (два экземпляра, правка не допускается) не должен превышать одной страницы машинописного текста (не более 30 строк). Резюме может быть написано по выбору докладчика на любом языке: русском, украинском, белорусском, английском, немецком, французском (но не повторяя того языка, на котором публикуется доклад). В том случае, если доклад опубликован на одном из славянских языков (кроме русского), резюме должно быть написано на одном из неславянских языков (английском, немецком, французском) или на русском. Если же доклад опубликован на неславянском языке, то резюме должно быть написано на русском, украинском или белорусском языке (по выбору). Отклонение от этих правил повлечет за собой соответственно отклонение публикации данного резюме в «Книге резюме» съезда, которая будет издана в СССР и распространена между национальными комитетами славистов до съезда.

МКС одобрил отчет Секретариата VIII Международного съезда славистов (по докладу П. Шимуновича, СФРЮ) и выразил благодарность Председателю МКС Б. Крефту¹ и Югославскому комитету славистов за большую работу по организации и проведению VIII съезда.

МКС одобрил доклад Я. Басары (ПНР) о работе международных славистических комиссий при МКС и выразил благодарность докладчику за большую работу по организационной деятельности в комиссиях. МКС учредил две новые комиссии:

Международную комиссию по славянской фразеологии (председатель И. Матешич, ФРГ), Международную комиссию по славянской социолингвистике (председатель В. Любаш, ПНР), а также утвердил новых председателей: Международной комиссии по поэтике и стилистике — Я. Тшинадловского (ПНР), Международной комиссии по славянской ономастике — К. Рымута (ПНР).

МКС произвел выборы новых членов, пополнил состав своего Президиума, выбрал Секретариат. В настоящее время состав МКС следующий: председатель — М. П. Алексеев (СССР); Президиум МКС: П. Т. Тронько (СССР), Д. Ворт (США), С. Вольман (ЧССР), В. Георгиев (НРБ), С. Грачотти (Италия), Б. Крефт (СФРЮ), Й. Хамм (Австрия), В. Хензель (ПНР); секретари МКС: В. П. Гребенюк, В. Т. Коломиец, В. А. Юзвенко (СССР). Члены МКС: Австралия — Р. Г. А. Де Брэ; Австрия — Г. Вытженс, Й. Хамм; Бельгия — Ж. Лот; Болгария — В. Георгиев, П. Динев, П. Зарев; Великобритания — А. Макмиллин, А. Пеннингтон; Венгрия — П. Кирай, Л. Хадрович; ГДР — Г.-Г. Бильфельдт, П. Новотный, Г. Юнгер; Голландия — Я. М. Мейер; Греция — А.-Э. Тахиаос; Дания — К. Стиф; Израиль — М. Альтбауэр; Италия — С. Грачотти, Д. Дель'Агата; Канада — З. Фолевский; Норвегия — С.-С. Лунден; Польша — М. Климович, В. Хензель, М. Шимчак; Румыния — Г. Михаила, М. Новиков; СССР — М. П. Алексеев, И. К. Белодед, А. Н. Робинсон, М. Р. Судник, П. Т. Тронько; США — Д. Ворт, В. Харкинс; ФРГ — Р. Олеш, Й. Хольхузен; Финляндия — Ю. Хюрккянен; ЧССР — С. Вольман, Я. Горечкий, В. Матула; Швеция — Г. Якобссон; Швейцария — П. Бранг; Франция — Ж. Бонамур, П. Гард; Япония — С. Кикура; Югославия — Б. Крефт, Б. Конески, И. Франгеш, Р. Маринкович; секретарь-куратор по комиссиям МКС Я. Басара (ПНР).

МКС удовлетворил просьбу В. И. Борковского, Б. А. Рыбакова (СССР), А. Рокетти (Румыния), В. Кипарского (Финляндия) об освобождении их от обязанностей членов МКС. МКС выразил благодарность В. И. Борковскому, Б. А. Рыбакову, В. Кипарскому, В. Эджертоу (США) за многолетнюю и плодотворную работу в МКС. МКС избрал почетным членом МКС В. Эджертона.

А. Н. Робинсон

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО БОЛГАРСКОМУ КУЛЬТУРНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

2—7 X 79 г. в г. Пловдиве (Болгария) состоялась вторая международная комплексная конференция на тему «Болгарское культурное Возрождение». Конференция представляла собой одно из мероприятий, предусмотренных программой торжеств по случаю 1300-летней годовщины со времени образования болгарского государства. Ее организаторы — Болгарская Академия наук, Окружной Народный совет г. Пловдива, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгарское историческое общество и Общество болгаристов. Конференцию открыл вице-президент БАН, крупнейший болгарский историк акад. Д. Косев. Она проходила под патронатом президента Болгарской Академии наук акад. А. Балевского, который на открытии приветствовал ее участников.

Конференция имела широко представительный характер. В ней приняли участие 106 болгарских и 56 зарубежных ученых — историки, историки культуры, литературоведы, лингвисты, фольклористы, театроведы, историки архитекторы и представители других гуманитарных наук из 18 стран (Болгарии, СССР, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Австрии, Греции, Индии, США, ФРГ, Франции, Швейцарии, Турции и др.). Всего было прочитано 124 доклада.

Помимо пленарных заседаний на конференции работали четыре секции («круглый стол»): «Предпосылки и основные черты культуры в эпоху Возрождения», «Традиции и новаторство в болгарской возрожденческой культуре», «Болгарская возрожденческая культура во взаимодействии с культурами других народов», «Социальная роль болгарской возрожденческой культуры».

Роль и место болгарского культурного Возрождения в мировом культурном процессе и историческом развитии самого болгарского народа были раскрыты в докладах акад. Хр. Христова («Болгарское культурное Возрождение и его место в общечеловеческом культурном процессе»), Хр. Гандева («Болгарская возрожденческая культура в историческом развитии Болгарии»), К. Косева («Общественно-экономическое развитие болгарских земель и болгарская возрожденческая культура»), Кр. Шаровой («Взаимодействие движения за национальную культуру и движения за политическое освобождение»), Р. Радковой («Роль новоболгарской культуры в процессе формирования национального самосознания»). В этих докладах были определены хронологические рамки и внутренняя периодизация болгарского культурного Возрождения,

показана его обусловленность общественно-экономическим развитием болгарских земель, выявлены наиболее существенные черты новой болгарской культуры (прежде всего ее демократизм), отмечены политические функции культуры, которая утверждала нацию, готовила народ к борьбе за освобождение от османского ига и служила делу революции.

Видное место в историко-культурной проблематике конференции заняли вопросы Просвещения на Балканах, в первую очередь в Болгарии (Ил. Конев, В. Велчев, Н. Данова).

Многочисленная группа докладов болгарских и иностранных ученых была посвящена взаимодействию болгарской национальной культуры с культурами других народов. Большое внимание было уделено русско-болгарским культурным связям (А. Анчев, Ц. Генев, М. Гургулова, Л. Мянкова, Н. Дилевски, А. А. Улунян).

Принципиальные вопросы литературного развития в эпоху болгарского национального Возрождения получили освещение в докладах акад. П. Динекова «Особенности литературного развития в эпоху болгарского Возрождения», акад. Эм. Георгиева «Формирование основных литературных направлений в возрожденческую эпоху», Г. Димова «Формирование эстетического сознания в эпоху Возрождения». В ряде докладов были раскрыты социальная функция литературы в ходе национально-освободительной борьбы болгарского народа (Ив. Кайнаков), преемственность в болгарском литературном процессе (Д. Петканова), новые явления в литературе национального Возрождения (А. Наумов, Л. Боева), развитие литературных жанров (П. Тотев, Р. Дамянова), освоение болгарскими писателями национально-литературного опыта (М. Г. Чемоданова), творчество отдельных писателей и другие вопросы.

Значительное место на конференции заняла лингвистическая проблематика — вопросы формирования современного литературного языка в эпоху Возрождения (25 докладов). Доклады охватывали такие важные вопросы, как соотношение книжной традиции (в том числе и церковнославянской) и народно-разговорной речи при создании современного болгарского литературного языка (В. Станков, Хр. Пырвев, К. Босилков), начальный этап (Ж. Фойе) и периодизация истории современного болгарского литературного языка (К. Гутшмидт, В. Василев), общий характер диалектной основы и ее более узкая локализация в процессе формирования современного литературного языка

(Г. К. Венедиктов, Ив. Кочев), языковая ситуация у болгар в эпоху Возрождения (М. Лилов), унификационные тенденции в ходе складывания норм этого языка в эпоху Возрождения (Е. Георгиева, П. Ненкова-Орачева). В ряде докладов были рассмотрены основные структурные элементы и народная основа в разных идиомах литературного языка у болгар в ранний период Возрождения (Х. Ожеховска, Э. Кочева и др.). Были освещены и более частные вопросы: развитие функциональных стилей литературного языка в эпоху Возрождения (Ю. Балтова), роль первых деятелей Возрождения в создании современного болгарского языка (Р. Цойнска), язык драматических произведений (К. Вачкова) и др.

В докладах и выступлениях получили освещение формирование изобразительного искусства в эпоху болгарского национального Возрождения, периодизация этого процесса, жанровый состав искусства (М. Цончева, М. Коева, К. Крыстев, Е. П. Львова и др.), основные этапы и характерные черты развития болгарской театральной культуры (М. Бранистилова-Добрева, Н. Инджева), становление профессионального музыкального искусства, характерные черты болгарской возрожденческой архитектуры

(М. Стайнова). Было уделено внимание развитию научной мысли в эпоху национального Возрождения (М. Бачваров, Н. Бачварова), книгопечатанию (М. Стоянов), фольклору.

На конференции с докладами выступили научные сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР И. И. Лециловская («Социальные аспекты формирования национальных культур южнославянских народов. Сравнительная характеристика»), Г. К. Венедиктов («Болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения и установление диалектной базы современного болгарского литературного языка»), Е. П. Львова («О некоторых проблемах болгарского искусства эпохи национального Возрождения»), А. А. Улуян («Болгарская молодежь в учебных заведениях России. 1854—1877»), М. Г. Чемоданова («Становление болгарской беллетристики и французская романтическая „пейсовая“ школа»).

Конференция подвела известный итог современному состоянию изучения болгарской культуры эпохи национального Возрождения и дала импульс ее дальнейшему исследованию.

Г. К. Венедиктов, И. И. Лециловская

ГЕТЕ И СЛАВЯНСКИЙ МИР

Под таким названием с 18 по 22 сентября 1979 г. проходил в Дюссельдорфе (ФРГ) международный славистический симпозиум. Организаторами его были Комитет ФРГ по содействию славистическим исследованиям, входящий в Международную Ассоциацию по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК), и музей Гете в Дюссельдорфе.

На открытии симпозиума председатель настоящего Комитета Федеративной Республики Германии проф. Г. Роте отметил, что этим научным форумом продолжается практическая деятельность славистического Комитета, основанного в Бонне в 1977 г. и ставящего своей задачей комплексное изучение проблем славяноведения. Учредительной декларацией Комитета, как подчеркнул проф. Г. Роте, предусматривается сотрудничество ученых разных специальностей и разностороннее исследование в историческом аспекте роли Германии в славянском мире и влияние славян на Германию.

В симпозиуме приняли участие около 30 ученых. Большую часть из них составили представители университетов ФРГ (Бонна, Кельна, Мюнхена, Франкфурта, Марбурга, Фрайбурга, Бохума), а также

слависты из Западного Берлина и Великобритании. Из социалистических стран в симпозиуме участвовали ученые СССР, ГДР, Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. В центре внимания участников симпозиума находились такие проблемы, как отношение Гете к славянским культурам и жизни славянских народов, проблема восприятия творчества Гете в славянских странах на разных исторических этапах, а также проблема переводов произведений великого немецкого поэта на славянские языки. Так как среди участников симпозиума были филологи-слависты (их было большинство), филологи-германисты, а также искусствоведы и историки широкого профиля, то рассмотрение основной научной проблематики носило междисциплинарный комплексный характер.

На симпозиуме были заслушаны и обсуждены 16 докладов. Западные ученые представили доклады: «Гете и славянский мир» (Г. Хардер, ФРГ), «Гете и Богемия» (Х. Резель, ФРГ), «Веневитинов и Гете» (А. Макмиллин, Великобритания), «Воздействие творчества Гете на развитие русского реализма» (Г. Роте, ФРГ), «Славянские переводы „Ночной песни

путника» (Д. Герхардт, Западный Берлин), «Переводы произведений Гете на украинский язык» (Ю. Бойко, ФРГ), «Опыт перевода „Фауста“ на болгарский язык» (Д. Статков, ФРГ). Доклады западных ученых характеризовались широтой привлекаемого материала и его систематическим изложением. Как выяснилось в ходе дискуссии, теоретические проблемы типологии развития литератур, характер литературных взаимодействий на разных исторических этапах еще не заняли подобающего им места в славистических исследованиях. В то же время следует отметить, что западные слависты хорошо ориентируются в современном литературоведении славянских стран и внимательно следят за развитием научной мысли, особенно в трудах советских ученых.

От Советского Союза были представлены доклады: «Наследие Гете в советской литературе и культуре после второй мировой войны» (В. И. Злыднев) и «Гете и славистические исследования в конце XVIII — начале XIX в.» (А. С. Мыльников). Оба доклада вызвали интерес и были благожелательно восприняты участниками симпозиума. Содержательными были доклады ученых из социалистических стран: «Польские романтики и Гете» (К. Гурский, ПНР), «Пушкин и Гете. Типологические отношения» (М. Вегнер, ГДР), «Гете в словацкой литературе» (К. Розенбаум, ЧССР), «Гете и становление литературного сознания в Болгарии» (Э. Георгиев, НРБ), «Восприятие „Вер-

тера“ в Польше до Мидкевича» (Е. Каспжик, ПНР), «Отношение Гете к сербской народной поэзии и восприятие Гете в Югославии» (М. Моряшевич, СФРЮ), «Гете и хорваты» (З. Шкроб, СФРЮ).

Доклады, обсуждавшиеся на симпозиуме, проливают новый свет на славяно-германские литературные отношения с конца XVIII в. до наших дней. Они интересны не только систематизацией фактического материала, что само по себе представляет определенную ценность, но и возможностью, а порой и необходимостью, ставить более широкие проблемы теоретического характера, связанные с литературным и культурным взаимодействием, типологическим изучением литератур, проблемами художественного перевода на современном этапе.

Учитывая научное значение обсуждавшихся на симпозиуме проблем, участники его единодушно высказались за необходимость публикации материалов симпозиума. Они составят, как отметил представитель научного Комитета ФРГ, очередной выпуск «Славянских исследований», выходящий под ред. проф. Г. Роте. Первым выпуском этой серии явился сборник «Исследования по проблемам европейского искусства в России» (Гиссен, 1979 г.), который был преподнесен всем участникам проходившего научного форума.

В. З.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ БАЛЛАДА»

Институт литературных исследований и Институт искусства Польской Академии наук организовали 10—12 октября 1979 г. в Варшаве первую общепольскую конференцию «Польская народная баллада», собравшую несколько десятков фольклористов, музыковедов, этнографов и лингвистов.

На шести заседаниях участники заслушали 24 доклада, выступали в последующих дискуссиях. Основное внимание собравшиеся уделяли различным аспектам жанрового определения баллады, в меньшей степени — описанию отдельных сюжетов и составных элементов баллады, литературным обработкам, и совсем мало — определению сюжетного репертуара баллад, проблемам собирания и систематизации, что ныне представляется наиболее важным. У выступавших преобладало стремление отождествить балладу с любой традиционной эпической песней, либо желание расширить круг баллад за счет очень поздних и построенных по ли-

тературным канонам песен типа русских «жесточких романсов» или украинских песен-хроник, включая даже те (например, об убийстве Джона Кеннеди), которые возникают и бытуют среди польских эмигрантов.

В докладе Ю. Смирнова (Москва) «Польские народные песни на фоне эпических песен других славянских народов» был предложен список из 133 польских песен, перекликающихся с эпическими песнями других славян. Из этого числа около четверти нужно считать заимствованиями из словацко-моравской или украинско-белорусской зоны, остальные требуют разыскания их эволюционных версий для выявления общеславянских генетических форм.

В докладе Х. Романьской «Мигрирующий балладный сюжет о женщине-отравительнице» привлечено 365 вариантов баллады из различных районов Европы и дана их картография. В докладе, использующем методику представителей школы

заимствования и теории аристократического происхождения, ощущается противоречие: материал вынуждает говорить об «оригинальности» славянских форм баллады, а методические догмы побуждают допускать заимствование баллады славянами не то из Ломбардии, не то из Шотландии (а почему бы и не наоборот, спрашивается?), причем начало процесса бытования баллады у славян отсчитывается всего лишь с XVI—XVIII вв. По нашим же наблюдениям эта баллада в пределах Польши мигрировала как раз с востока на запад, а не наоборот. Это подтвердил в дискуссии и М. Валиньский, показав последовательное видоизменение имени Подолянка в направлении с востока на запад.

Интересным был доклад «О соотношениях текста и мелодии в народных балладах» С. Бурласовой (Братислава), принадлежащей к числу, увы, редких фольклористов, владеющих музыкаловедческими знаниями. Любопытно, но, к сожалению, не получили истолкования в плане эволюции эпической традиции ее утверждения о бытовании в Словакии баллад с музыкальной строфой в один стих, об отсутствии особых балладных мелодий и преобладании «локального музыкального стиля» при исполнении баллад, что следовало бы сопоставить с аналогичными проявлениями в других районах расселения славян.

В докладе Я. Ягелло «Действующие персонажи в песнях» была предпринята попытка показать образ матери на базе обширного круга песен разной жанровой принадлежности. Однако синтез образа должен сопровождаться показом того, как проявляет себя этот образ в разных жанрах, различных географических районах и в исторической ретроспективе фольклора.

Доклад Е. Бартминьского «Повторение и родственные проявления в фольклоре» носил преимущественно теоретический характер, поэтому осталось неясным, какого рода повторения (на уровне слова, словосочетания, полустиха, стиха и т. д.) подразумевались докладчиком, носят ли повторения смысловый характер.

Доклад Е. Серочука «Существуют ли языковые определители фольклорного жанра (на примере баллады)» примечателен своей постановкой вопроса. Необходимо продолжить опыт по выявлению специфической для определенного жанра и общеславянской лексики.

А. Возняк в докладе «О поэтике русских народных баллад» попыталась адаптировать их для польского восприятия.

Х. Левицкая в докладе «Духовный стих или религиозная баллада? О жанровых особенностях русской народной песни» неправомерно, на наш взгляд, сблизила русский духовный стих с балладой, не учитывая характера бытования русской эпической традиции.

Э. Яворская в докладе «Каталог польской народной баллады» сообщила о своих подготовительных работах и трудностях по созданию указателя польских баллад. Всего ею пока учтено около 850 текстов на 118 сюжетов. Э. Яворская, к сожалению, не дала перечня этих сюжетов, поэтому мы не знаем, насколько он совпадает с нашим перечнем, о котором упоминалось выше. Как бы то ни было, мы искренне желаем Э. Яворской успехов в ее очень нужном начинании.

Доклад Э. Яворской «Курьювские баллады в коллекциях Института искусства» был единственным, который был посвящен балладному репертуару определенной географической области и где затрагивались проблемы собирания текстов. Э. Яворская приложила к своему докладу перечень в 88 сюжетов, зафиксированных среди курьюв. Этот репертуар во многом совпадает с тем кругом сюжетов, который мы фиксируем в Полесье на протяжении последних лет, хотя и не исчерпывает его. Тем самым остро подчеркивается необходимость целенаправленного и последовательного обследования эпоса польских районов по одному и тому же широкому кругу сюжетов.

Материалы конференции, включая дискуссию, предполагается опубликовать в ближайшем будущем.

Многие польские коллеги выражали желание иметь постоянные контакты с нашим Институтом, главным образом, в трех сферах исследований: польская эпическая традиция (систематика, география, моделирование, опыты реконструкции и др.); применение наших польских программ в польских районах; язык и поэтика фольклора. Эти предложения, несомненно, заслуживают реализации.

Ю. И. Смирнов

НОВЫЕ КНИГИ

Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., «Наука», 1979, 371 с.

В сборнике, подготовленном сектором современных проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР, обобщается опыт строительства социализма под руководством коммунистических и рабочих партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Рассматриваются актуальные проблемы истории социалистического строительства в этих странах, основные закономерности развития социалистического общества, международные связи, формирование мировой социалистической системы. Освещаются вопросы классовой борьбы и идеологического воспитания трудящихся, развитие социалистической культуры. Важное место отведено показу руководящей роли рабочего класса в строительстве социализма.

Очерки истории советско-польских отношений 1917—1977. М., «Наука», 1979, 584 с.

Книга подготовлена Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (ответственный редактор советской части — И. И. Костюшко) и Институтом социалистических стран ПАН (ответственный редактор польской части — Л. Базыльв). В ней рассмотрена история советско-польских отношений в 1917—1977 гг., подробно освещаются роль Октября в восстановлении независимости Польши, вопросы дипломатических, дипломатических, экономических и научно-культурных связей, показаны боевое сотрудничество советского и польского народов в годы второй мировой войны, сотрудничество СССР и ПНР в строительстве социализма и коммунизма, в борьбе за упрочение мира и ослабление международной напряженности.

Показана деятельность советско-польского и польско-советского общества дружбы, широкие общественные связи между обеими странами. Подчеркивается тесное братское сотрудничество КПСС и ПОРП, ведущих советский и польский народы по пути строительства социализма и коммунизма.

Балканские исследования, вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М., «Наука», 1979, 284 с.

В сборнике подводятся некоторые итоги многообразной деятельности советских ученых в последние десятилетия по изучению балканских стран. В него включены историографические статьи С. Б. Бернштейна, Л. А. Гиждина, Е. И. Деминой, Р. Ф. Доровиной, В. И. В. И. Злыднева, Е. П. Наумова, Т. А. Покивайловой, Г. М. Славина, К. Л. Струковой, М. В. Фридмана, Т. В. Цивьян и других авторов по узловым проблемам советской балканистики (история, литературоведение, языковедение, фольклористика). Ряд статей отражает итоги изучения в СССР крупных историко-балканистических проблем. Специальный раздел посвящен истории изучения балканских стран и народов в СССР.

Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., «Наука», 1979, 373 с.

Настоящий сборник является первым опытом объединения усилий советских ученых, работающих в области изучения славянских культур XVI—XVIII вв. В нем исследуются вопросы истории славянских литератур и искусства этого периода, а также историко-культурные проблемы, связанные с эстетикой барокко. Особое внимание уделяется европейским связям и национальным особенностям художественных достижений славянских народов.

Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., «Наука», 1979, 364 с.

В книге анализируются способы выражения категории определенности-неопределенности в славянских языках и языках балканского языкового союза. Рассматриваются общетеоретические вопросы статуса этой категории, ее становление и развитие в различных языках. Авторами статей выступают Т. М. Николаева, О. Г. Ревзин, В. В. Иванов, А. В. Головачева, М. И. Лекомцева, Т. Н. Свешникова, Ю. П. Князев, А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, Т. В. Цивьян и др.

Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. Составитель и ответственный редактор Е. И. Демина. М., «Наука», 1979, 283 с.

В сборник входят исследования, посвященные проблемам анализа древних текстов как памятников истории литературного языка: вопросам их поэтики, стиля, лингвотекстологическим наблюдениям. Рассматриваются специфика формирования литературного языка у сербов, словаков, лужичан, болгар; особенности литературно-языковой ситуации в Греции на конец 1970-х годов.

Р. С.

CONTENTS

- Andriushin E. N.* D. Blagoev's Perception of the Lenin's Idea of the October Revolution. *Nedorezov A. I.* Main Stages and Results of the Development of the Czechoslovak Society during the Revolution and the Building of Socialism. *Ghibianskii L. J.* The Problems of the Periodisation of the Yugoslavian People's-Liberation War and Revolution in the Postwar Yugoslavian Historiography. *Kalenichenko P. M., Jarosh L. V.* Social-Political Activities of V. Vasilevskaya during the Second World War (to the 75-th Anniversary). *Vialova S. O.* The Unknown Glagolitic and Cyrillic Monuments from the Ivan Berčić Collection in the Department of Manuscripts and Rare Books of the M. E. Saltykov-Schedrin State Public Library. *Klepikova G. P.* A Study of the Lexical-Semantic Phenomena in a Single Language System and in a Language Systems Complex. 3

From the History of Slavonic Studies

- Cherniavskii G. I.* S. I. Sidelnikov's Studies on the Problem of National-Liberation Movement of the Bulgarian People. *Ito Takaiuki* (Japan). History and Contemporary State of Slavonic Studies in Japan 84

REVIEW-ARTICLES REVIEWS

- Murashko G. P. M.* Barnovský. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948. *Popkov B. S., Orehov A. M.* E. Łukawski. Ludność polska w Rosji. 1863—1914. *Sofronova L.* A New Study of the Polish Novel. *Bulatova R. V.* «Археографски прилози». *Putsko V. T.* Э. Бакалова. Бачковската костница. *Litich G. A., Mokienko V. M.* Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost 106

SCIENTIFIC LIFE

- Robinson A. N.* Plenary Session of the International Committee of Slavists in Hungary. *Venediktov G. K., Leszchilovskaya I. I.* International Scientific Conference devoted to the Bulgarian Cultural Renaissance. *V. Z.* Goethe and Slavdom. *Smirnov J. I.* Conference «Polish Popular Ballad». *R. S.* New Books. 119

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 11.12.79 Подписано к печати 19.02.80 Т-05220 Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,2 Бум. л. 4 Тираж 1224 экз. Зак. 2565

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891